

МОСКВА,
6 ОКТЯБРЯ 1975 ГОДА

ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА
ОВОДСТВОМ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
РЕД К ПОБЕДЕ КОММУНИЗМА

АКАДЕМИЯ-НА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР 250

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 41 (2518)

11 ОКТЯБРЯ 1975

Ванда БЕЛЕЦКАЯ,
фото Алексея ГОСТЕВА,
специальные корреспонденты «Огонька»

Кремлевский Дворец съездов. В эти часы здесь особенно празднично. В зале — крупнейшие ученые нашей страны, имена которых известны во всем мире. На груди многих сияют ордена, звезды Героев Социалистического Труда. В преддверии юбилейных торжеств им были вручены высокие награды Родины. Сегодня здесь можно встретить и зарубежных ученых из сорока стран мира. Они приехали поздравить своих советских коллег с 250-летним юбилеем Академии — праздником отечественной и мировой культуры.

Подготовка к юбилею, по существу, вылилась во всенародный смотр достижений ученых страны. Любой этап пути Советского государства — индустриализация, социалистическая перестройка сельского хозяйства, Великая Отечественная война нашего народа против фашизма, реализация планов пятилеток — показывает яркие примеры самоотверженности, патриотизма и высокой гражданственности советских ученых.

Бурной овацией, стоя встречают собравшиеся руководителей Коммунистической партии и Советского государства.

Торжественную юбилейную сессию Академии наук СССР открывает исполняющий обязанности президента Академии наук СССР академик В. А. Котельников. От имени ученых он сердечно приветствует прибывших на торжественное заседание руководителей Коммунистической партии и Советского государства, многочисленных зарубежных гостей.

Слово предоставляется Генеральному секретарю ЦК КПСС товарищу Леониду Ильичу Брежневу. Участники торжественного заседания встречают Леонида Ильича горячими аплодисментами. Все в зале встают.

— Юбилей Академии наук воспринимается у нас как событие общенародного значения,— говорит Л. И. Брежнев,— во-первых, потому, что просвещение и наука традиционно пользуются в нашей стране огромным уважением и любовью. Во-вторых, потому, что ни при одном общественном строе до сих пор наука не занимала такого, я бы сказал, определяющего положения в экономическом и общественном развитии, как при социализме — и тем более при строящемся коммунизме.

Леонид Ильич Брежнев говорит о значении труда ученого, о высоком долге его перед народом, обществом.

— Позвольте теперь выполнить порученную мне приятную миссию: вручить Академии наук СССР заслуженную награду — орден Ленина,— заканчивает под бурные аплодисменты зала Леонид Ильич Брежнев.

Академик В. А. Котельников вносит знамя. Аплодисменты вспыхивают с новой силой, когда Леонид Ильич Брежнев прикрепляет орден Ленина к знамени Академии наук СССР. Штаб советской науки стал дважды орденоносным. Две высшие награды страны — ордена Ленина — отныне сияют на его знамени.

С докладом о 250-летнем юбилее Академии выступает академик В. А. Котельников.

— Убежден, что выражу общее единодушное чувство не только ученых, собравшихся здесь в этот торжественный час,— говорит он,— но и всех работников науки Советского Союза, сказав, что мы счастливы жить в нашей великой стране, где науке отведена такая ответственная и почетная роль, где труд работников науки так высоко ценится.

Академик Котельников заверяет партию и правительство, что ученые и впредь будут активно трудиться для блага всего советского народа, для прогресса человечества.

От имени общественности ученых поздравляют сталевар московского завода «Серп и молот» Герой Социалистического Труда В. В. Клюев, комбайнер колхоза «Страна Советов» Курской области Герой Социалистического Труда И. И. Душин, учительница 52-й школы Октябрьского района Москвы М. П. Демидова. В их словах звучит гордость нашего народа за свою Академию наук.

ША ГОРДОСТЬ

Во время переговоров.

«Из года в год укрепляются

и обогащаются отношения братской дружбы и всестороннего сотрудничества между СССР и ГДР»,— говорится в приветствии, которое направили от имени ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР и от себя лично товарищи Л. И. Брежнев, Н. В. Подгорный, А. Н. Косыгин по случаю 26-й годовщины образования Германской Демократической Республики Центральному Комитету СЕПГ, Государственному совету и Совету Министров, всему народу ГДР.

Новым подтверждением этих слов является официальный дружественный визит в Советский Союз партийно-государственной делегации ГДР во главе с Первым секретарем Центрального Комитета Социалистической единой

НЕРУШИМ

партии Германии Эрихом Хонеккером. Делегация прибыла в нашу страну по приглашению ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР.

6 октября в Кремле состоялись переговоры советских руководителей с партийно-государственной делегацией Германской Демократической Республики.

В переговорах участвовали: с советской стороны — Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный, член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, член Политбюро ЦК КПСС, председатель Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР Ю. В. Андропов, член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, секретарь ЦК КПСС К. Ф. Катушев, члены ЦК КПСС — заместители Председателя Совета Министров СССР Н. К. Байбаков, Н. А. Тихонов, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС К. В. Русаков, посол СССР в ГДР П. А. Абрасимов;

со стороны ГДР—Первый секретарь ЦК СЕПГ Э. Хонеккер, член Политбюро ЦК СЕПГ, Председатель Государственного совета ГДР В. Штоф, член Политбюро ЦК СЕПГ, Председатель Совета Министров ГДР Х. Зиндерман, член Политбюро ЦК СЕПГ, секретарь ЦК СЕПГ Г. Грюнеберг, член Политбюро ЦК СЕПГ, секретарь ЦК СЕПГ К. Хагер, член Политбюро ЦК СЕПГ, первый заместитель Председателя Совета Министров ГДР Г. Миттаг, кандидат в члены Политбюро ЦК СЕПГ, министр государственной безопасности ГДР Э. Мильке и другие официальные лица.

Было выражено единодушное мнение, что на нынешнем этапе развития братских отношений между странами социалистического содружества, а также разрядки международной напряженности созрели условия для того, чтобы поднять дружбу и сотрудничество между Советским Союзом и ГДР на новую, более высокую ступень. С этой целью решено заключить но-

Подписание Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и ГДР.

Фото А. Гостева

вый Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Германской Демократической Республикой.

В ходе переговоров особое внимание было уделено необходимости единства и сплоченности международного коммунистического и рабочего движения на принципах марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма. По всем обсуждавшимся вопросам подтверждено полное единство взглядов и позиций обеих сторон.

Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза, Президиум Верховного Совета СССР и Советское правительство 6 октября устроили в Большом Кремлевском дворце прием в честь партийно-государственной делегации Германской Демократической Республики.

Выступая с речью на приеме, Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев сказал: «Взаимное доверие, идейное единство и политическая сплоченность наших партий, интенсивное экономическое сотрудничество, широчайшие культурные связи, живые контакты миллионов и миллионов трудящихся — все это составляет ныне прочный фундамент братских отношений между Советским Союзом и

ЫЙ СОЮЗ

Фото В. Мусаэльяна и В. Мастюкова (ТАСС)

Германской Демократической Республикой. И мы исполнены решимости свято беречь и неуклонно развивать нашу дружбу!»

В ответной речи Первый секретарь ЦК СЕПГ Эрих Хонеккер заявил: «Слова — дружба, сотрудничество и взаимопомощь, определяющие название нашему договору, живут в буднях наших отношений. И вот мы вступили на качественно более высокую ступень нашего союза. Можно сказать, что наша братская общность во всем своем разнообразии приобретет новые масштабы. При этом все более сближаются народы наших государств».

7 октября в Кремле был подписан Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Германской Демократической Республикой.

Договор подписали: за Союз Советских Социалистических Республик — Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев; за Германскую Демократическую Республику — Первый секретарь Центрального Комитета СЕПГ Эрих Хонеккер.

При подписании договора присутствовали: с советской стороны — товарищи Ю. В. Андропов, В. В. Гришин, А. А. Громыко, А. Н. Косыгин, Ф. Д. Кулаков, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорный, Д. С. Полянский, М. А. Суслов, П. Н. Демичев, Б. Н. Пономарев, М. С. Соломенцев, В. И. Долгих, И. В. Капитонов, К. Ф. Катушев и другие официальные лица.

Со стороны ГДР — член Политбюро ЦК СЕПГ, Председатель Государственного совета ГДР Вилли Штоф, член Политбюро ЦК СЕПГ, Председатель Совета Министров ГДР Хорст Зиндерман, член Политбюро ЦК СЕПГ, секретарь ЦК СЕПГ Герхард Грюнеберг, член Политбюро ЦК СЕПГ, секретарь ЦК СЕПГ Курт Хагер, член Политбюро ЦК СЕПГ, первый заместитель Председателя Совета Министров ГДР Гюнтер Миттаг, кандидат в члены Политбюро ЦК СЕПГ, министр государственной безопасности ГДР Эрих Мильке, другие члены партийно-государственной делегации ГДР.

Во время беседы. Фото В. Мусаэльяна (ТАСС)

ВИЗИТ ПРЕЗИДЕНТА ПОРТУГАЛИИ Ф. КОШТА ГОМЕША В СССР

По приглашению Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства с 1 по 4 октября 1975 года в Советском Союзе с официальным визитом находился Президент Португальской Республики генерал Франсиску да Кошта Гомеш.

1 октября в Кремле состоялась встреча члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорного и члена Политбюро ЦК КПСС, министра иностранных дел СССР А. А. Громыко с Президентом Португальской Республики генералом Франсиску да Кошта Гомешем.

В ходе беседы было отмечено, что отношения между двумя странами развиваются в благоприятном направлении. С удовлетворением было констатировано единство мнений в том, что расширение и углубление двустороннего сотрудничества во всех областях, устойчивые дружественные связи между СССР и Португалией отвечают интересам советского и португальского народов.

Состоялся также обмен мнениями по широкому кругу актуальных международных проблем, представляющих взаимный интерес.

Беседа проходила в теплой, дружественной обстановке.

3 октября Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев принял Президента Португальской Республики генерала Франсиску да Кошта Гомеша.

Л. И. Брежнев и Ф. Кошта Гомеш обменялись мнениями об основных направлениях развития отношений между Советским Союзом и Португалией, а также об обстановке в Европе и мире. В беседе принял участие член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко.

Л. И. Брежнев и Ф. Кошта Гомеш с удовлетворением отметили, что в советско-португальских отношениях за короткое время достигнут значительный прогресс. Они заявили о решимости Советского Союза и Португалии и впредь идти по пути развития дружбы и разностороннего делового сотрудничества на основе суверенного равенства, взаимного уважения, невмешательства во внутренние дела.

Было особо подчеркнуто, что никто не должен пытаться диктовать другим народам, как им устраивать свои внутренние дела. Народ каждого государства имеет суверенное право сам решать свою судьбу.

С обеих сторон было выражено удовлетворение, что в ходе визита Президента Португальской Республики в Советский Союз были согласованы важные совместные документы: советско-португальская декларация, соглашение о сотрудничестве в области культуры и науки, соглашение о долгосрочном экономическом, научном и техническом сотрудничестве, советско-португальское коммюнике.

Беседа прошла в дружественной, деловой атмосфере.

Подписание советско-португальских документов. Фото А. Гостева

Летчик-космонавт СССР, дважды Герой Советского Союза П. Климук беседует с болгарскими друзьями.

ЗОЛОТОЙ ДОРОГОЙ ФЕСТИВАЛЯ

Лето оставило в Белоруссии много солнца, будто знало, что тут в конце сентября состоится III Фестиваль дружбы советской и болгарской молодежи. И вот теперь осень стелит фестивалю золотую дорогу по древним и юным городам, по местам героических битв за общую свободу, по селам, где еще кипит трудная полевая страда. А у фестиваля множество разнообразных и очень интересных забот.

Пятьсот делегатов и сотни гостей, среди них много почетных — член Политбюро ЦК Болгарской компартии, председатель Всенародного комитета болгаро-советской дружбы Цола Драгойчева, делегат III съезда комсомола профессор Высшей партийной школы при ЦК КПСС Василий Филиппович Васютин, летчик-космонавт СССР, дважды Герой Советского Союза Петр Климук, знаменитая ткачиха Найда Манчева, Герой Советского Союза генерал-полковник Болгарской народной армии Захарий Захариев, композитор Александра Пахмутова...

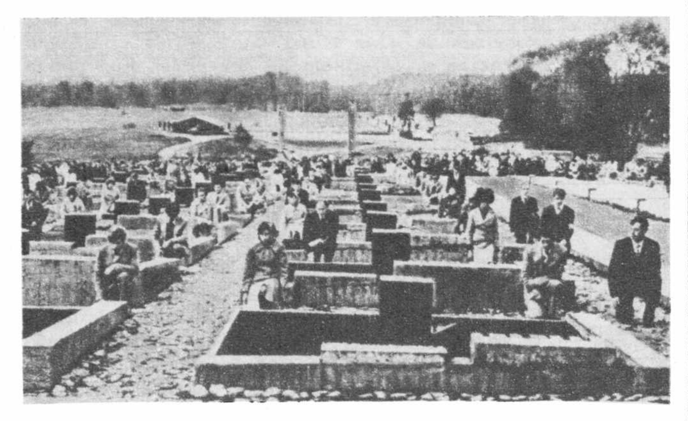
...Третий фестиваль проходил под отблеск знаменательных дат — в год тридцатилетия Победы над фашизмом, 55-летия выступления В. И. Ленина на III съезде комсомола. С большой торжественностью состоялся митинг-реквием в Хатыни, ставшей символом проклятия войнам, символом сплоченности людей перед их угрозой. Митинг дружбы в Брестской крепости, церемониал присвоения одной из улиц Минска имени болгарской комсомолки Лили Карастояновой, партизанки, погибшей в бою на белорусской земле; пленарное заседание, на котором отличникам учебы и труда, вступившим в ряды Ленинского комсомола и димитровского союза молодежи, были вручены комсомольские билеты. Их вручали ветераны Коммунистической партии Советского Союза и Болгарской компартии, руководители комсомола двух стран, почетные гости.

Основным содержанием фестиваля были встреча и обмен опытом комсомольской работы. Поездки в лучшие комсомольские организации Белоруссии, семинары, просмотр выставок, кинофильмов, встреча с передовиками производства. До предела уплотнились фестивальные дни. На семинарах разбирались вопросы формирования у молодежи марксистско-ленинского мировоззрения, задачи комсомольской деятельности и организаторской роли союзов молодежи, рассматривались проблемы профессионально-технического образования, военно-патриотического, нравственного, эстетического воспитания юношей и девушек.

Нашлось время и для спортивных состязаний, шумным балом отметили Международный год женщины. Много было увлекательных экскурсий, делегаты и гости побывали на концертах, посмотрели новинки моды, а в совхозе «Ждановичи» они заложили аллею Дружбы. Закончился фестиваль большим митингом на площади имени Ленина в Минске.

А. ЩЕРБАКОВ,
собкор «Огонька»

Хатынь. Минута молчания.

ФРАНКИЗМ У ПОЗОРНОГО СТОЛБА

Георгий **КУЗНЕЦОВ**

«Лучше умереть стоя, чем жить на коленях!» — звучал девиз испанских патриотов, с оружием в руках отстаивавших свободу своего народа во время гражданской войны. Пятеро антифранкистов — Анхель Отаэги, Хуан Паредес Манот, Хосе Умберто Баэна, Рамон Гарсиа Санс и Хосе Луис Санчес Браво Сольяс, расстрелянные палачами Франко на рассвете 27 сентября, умерли стоя. Они отдали свои жизни во имя того, чтобы весь испанский народ мог жить с гордо поднятой головой.

Пятерых антифашистов, молодых, только вступавших в жизнь людей, казнили по обвинению в причастности к терроризму. На самом деле их единственной виной была борьба против тех, кто цепляется за власть с помощью террора.

После того, как революционной волной был сметен в Португалии прогнивший режим Каэтану, кое-кто на Западе воспылал особой симпатией к Франко, которого стали прочить в партнеры по блоку НАТО. Пустив в ход пропагандистскую машину, они попытались выдать за «демократию» держащуюся на штыках мадридскую камарилью. В любом демагогическом жесте правительства Ариаса Наварро видели «либерализацию».

Принятый летом «декрет о борьбе с терроризмом» — этот чудовищный закон, санкционирующий и заранее оправдывающий смертную казнь любого «инакомыслящего», казни 27 сентября, которые явились его трагическим результатом, положили конец разговорам о переменах в Мадриде. Вместе с пятью антифашистами были умерщвлены и иллюзии о возможности «демократической трансформации режима».

Суд над пятеркой патриотов и их товарищами, которым военные прокуроры предъявили стандартное обвинение в «терроризме», был скорым и неправым. Вырванные в ходе следствия под жестокими пытками или в полубессознательном состоянии «признания» брались за основу доказательства вины, хотя они опровергались и самими обвиняемыми в ходе судебного заседания и их адвокатами. Построенные на лжи и подтасовках приговоры были утверждены на заседании правительства, проходившем лично под председательством Франко — генерала-палача, который, подняв мятеж против собственного народа, пришел к власти по сотням тысяч трупов. В 1936 году он убил великого испанского поэта Фредерико Гарсиа Лорку. В 1963 году приказал расстрелять пламенного коммуниста, одного из руководителей Компартии Испании, Хулиана Гримау. Сейчас снова лично на себя взял ответственность за казни, приведя в действие машину репрессий.

Аргументируя в пользу смертной казни, мадридский прокурор пытался оперировать «принципом статистики», согласно которому «чем больше приговоров, тем меньше террористических актов». Исходя из этой попирающей все принципы гуманизма теории, власти за последние дни арестовали более 2 тысяч человек по всей стране, начинают суд над брошенными ранее за решетку руководителями баскской организации ЭТА Педро Пересом Беотеги и Хосе Игнисиомугика Арречи, которым также грозит смертная казнь, налево и направо рассыпают приговоры, предусматривающие длительное тюремное заключение. В Мадриде объявлено, что любой участник демонстрации протеста против репрессий автоматически объявляется «террористом». А это влечет за собой лишение свободы на 12 лет.

Эхо расстрела разнеслось по всему миру, вызвав всеобщие протесты. «Франко,— заявила председатель Компартии Испании Долорес Ибаррури,— бросил вызов не только нашему народу, но и совести всего мира. Страна Басков и вся Испания одеты в траур. Но Испания поднимается. Испания начинает находить себя. Сопротивление режиму свидетельствует о том, что диктатура доживает последние дни».

В знак протеста против казней в Стране Басков была объявлена всеобщая забастовка. Пренебрегая угрозой смерти, тысячи людей приняли участие в демонстрациях и митингах протеста. В Мадриде, бросив вызов спешно организованной верноподданнической демонстрации, состоялась манифестация, участники которой несли плакаты: «Нет — смертной казни!», «Прекратить террор!», «Свобода!».

Проведенный 2 октября по инициативе Всемирной федерации профсоюзов, международных и национальных профсоюзных организаций, поддержанный коммунистическими и рабочими партиями Европы День действий против франкизма, за свободу и демократию в Испании вылился в десятках стран в мощную манифестацию миллионов людей, которые гневно заклеймили террористический режим Франко. Забастовки, прекращение всяческих связей с франкистской Испанией — к таким методам солидарности прибегли трудящиеся Финляндии, ФРГ и других стран.

Отзыв 12 странами послов из Мадрида, дипломатический демарш Мексики, которая поставила вопрос об изгнании режима палачей из ООН и призвала страны — члены этой организации к разрыву любых отношений с франкистской Испанией, призыв комиссии ЕЭС к правительствам стран Общего рынка прекратить переговоры с Испанией относительно нового договора о торговле — все эти и многие другие международные акции свидетельствуют о полной изоляции франкистов на международной арене. Главари мадридского режима сейчас пытаются делать хорошую мину при плохой игре, обвиняя весь мир во «вмешательстве во внутренние дела Испании» и даже в ...«нарушении свободы совести». Однако маска не поможет палачам, которых мировая общественность пригвоздила к позорному столбу.

Вместе со всем прогрессивным человечеством советские люди заявляют решительно и твердо: позор кровавым палачам испанских патриотов! Мы солидарны с народом Испании!

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

от съезда

к съезду

ПЕРЕДН

Ю. БОКСЕРМАН,
заместитель председателя Государственной экспертной комиссии Госплана СССР

Нижневартовск, Сургут, Надым... Названия этих городов, где идет битва за большую нефть, большой газ, уже известны многим. В Тюменской области волею партии создается народнохозяйственный комплекс, основная база отечественной топливной промышленности. О дне сегодняшнем и завтрашнем этого переднего края нашей экономики рассказывается в публикуемой статье.

В этих краях приходилось бывать не раз. Но приезд в Тюмень летом семьдесят пятого запомнится надолго. И прежде всего большой радостью и справедливой гордостью тюменцев—они значительно перевыполняют задания XXIV съезда КПСС.

Невольно вспомнилось, что одиннадцать лет назад, в 1964 году, когда мне впервые довелось побывать на тюменской земле, там дали о себе знать провозвестники будущих богатств края — фонтаны нефти и газа. Но за весь тот год было добыто лишь немногим более 20 тысяч тонн. А в июне нынешнего года суточная добыча нефти достигла 400 тысяч тонн. Добавим: на севере Тюменской области, в суровом Заполярье, заново создан промысел Медвежье, где добыча газа в этом году превысит 30 миллиардов кубометров.

Таковы итоги творческих усилий геологов, нефтяников, газовиков, строителей, энергетиков, всей партийной организации Тюменской области, сумевших в кратчайшие сроки в исключительно сложных условиях тайги, болот, тундры не только разведать, но и освоить нефтяные и газовые месторождения. Это была очень сложная задача, но она оказалась по плечу тюменцам только потому, что вся страна пришла на помощь сибирякам. И как тут было не порадоваться, когда Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев на встрече с избирателями Бауманского округа города Москвы 13 июня 1975 года дал такую высокую оценку подвигу сибиряков:

«Одна из ярких примет наших дней — стремительное развитие нефтеносных районов Северо-Западной Сибири. Нарастающая добыча нефти и газа дает толчок к созданию здесь крупных нефтеперерабатывающих предприятий, химической индустрии, строительству городов, автомобильных и железных дорог. В общем, глухая в прошлом окраина буквально на глазах превращается в крупный индустриальный район страны».

Сибиряки не успокаиваются на достигнутом. Они настойчиво ведут поиски новых путей дальнейшего развития производительных сил своего края. Для обсуждения возникающих при этом проблем в Тюмени в июне собрались ученые и производственники, партийные и советские работники, экономисты. Шел разговор о путях повышения эффективности дальнейшего освоения месторождений нефти и газа, разговор о подготовке к XXV съезду КПСС, к решению новых грандиозных задач десятой пятилетки. Это была удивительно широкая по своему составу научно-производственная конференция, созванная Министерством строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности. В докладах и выступлениях министра строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности Б. Е. Щербины, первого секретаря Тюменского обкома КПСС Г. П. Богомякова, академиков Б. Е. Патона, Н. Н. Некрасова, Н. В. Мельникова, Г. А. Арбатова, А. А. Трофимука, других ученых и специалистов прозвучали впечатляющие цифры и факты. Три миллиарда рублей в одном лишь 1975 году — таков размах капитальных вложений, связанных с развитием производительных сил Тюменской области. Развитие это осуществляется поистине невиданными темпами. Но дело не только в этом. Необыкновенно сложно строительство в районах добычи нефти и газа, расположенных в болотах Среднего Приобья, за Полярным кругом. Нужны новые технические решения, традиционные методы здесь непригодны. Потребуется коренное изменение методов строительства в Западной Сибири. То, что еще недавно, года два-три назад, казалось прогрессивным, теперь, в условиях небывалого роста объема работ, уже надо пересматривать.

Каковы же те проблемы, которые нужно решать здесь?

О ТРУБОПРОВОДАХ И СЕЗОННОСТИ

Сезон строительных работ в таежном болотистом крае недолог — всего лишь пять зимних месяцев. Сильные морозы — союзники строителей — сковывают болота и мощные машины, механизмы могут продвигаться по замерзшей почве. Но при новых объемах работ этого времени уже не хватает. Значит, нужно активно искать иные технические решения — как ускорить сооружение подземных нефтяных и газовых магистралей, промыслов?

Зимой этого года три экспериментальные колонны «Главсибтрубопровода» успешно освоили поточно-скоростные методы сварки трубопроводов с применением нового вида электродов. Скорость и сварки и монтажа резко увеличилась. Или вот другая весьма трудная операция — изоляция труб. Тюменцы организовали эти работы на стационарных базах, откуда уже изолированные трубы отправляются на трассу.

Одно из главных достижений тюменцев — блочно-комплексное строительство, позволяющее снизить трудоемкость работ на строительной площадке в 5—10 раз по сравнению с традиционными методами. В Тюмени начал действовать завод, где делают блоки будущих насосных и компрессорных станций нефтегазопроводов, жилые дома. Их доставляют на промыслы, трассы магистралей и собирают в весьма короткие сроки. О значении прогрессивного новшества можно судить по таким данным: если сохранить традиционные пути строительства, то для выполнения намеченного в новом пятилетии объема работ в 1980 году потребуется увеличить отряды строителей примерно на тридцать тысяч человек. Если же более широко внедрить блочно-комплексный метод, то строителей потребуется в два раза меньше.

Возникает проблема: не отстанут ли от добытчиков нефти и газа те, кто прокладывает нефте- и газопроводы?

Быстрее, лучше, дешевле! Вот что в первую очередь заботит сибиряков. На помощь пришли ученые. Строителей нефтяных и газовых магистралей связывает давнишняя дружба с Институтом электросварки имени Е. О. Патона Академии наук УССР. Еще тогда, когда прокладывались первые газопроводы Саратов — Москва и Дашава — Киев, были использованы разработанные этим институтом аппараты автоматической сварки труб. С тех пор автоматическая сварка совершенствовалась и по мере увеличения диаметра труб создавалось новое оборудование. Академик Б. Е. Патон рассказал на конференции о новых работах Института электросварки, которые помогли бы ускорить строительство магистральных трубопроводов. Я видел в работе эти машины, которым суждено свершить подлинную техническую революцию в строительстве трубопроводов, особенно в условиях Западной Сибири, Крайнего Севера.

Трубы, по которым идет нефть, подается газ,— какими им быть? Вопрос этот не простой. Здесь свои сложности. И чем разветвленнее сеть трубопроводов, тем ощутимее острота проблемы. И снова весомо звучит голос ученых. Они действовали совместно — Институт электросварки, возглавляемый академиком Б. Е. Патоном, и научно-исследовательский институт металлургического машиностроения, которым руководит академик А. И. Целиков. Речь идет о новом типе труб, которые обладают значительно лучшими свойствами. И что еще важнее — обеспечивается экономия металла примерно на пятнадцать процентов. И другое весьма значимое обстоятельство: при строительстве из таких труб магистральных газопроводов по ним можно будет транспортировать охлажденный газ. Это значительно повысит их производительность.

Вот почему Госплан СССР, рассмотрев этот вопрос совместно с нефтяниками, газовиками, металлургами и машиностроителями, поддержал предложение Института электросварки и разработал меры по скорейшему внедрению новых труб.

Построение единых взаимосвязанных комплексов народного хозяйства — основа наших перспективных планов. Масштабы и сроки создания Тюменского комплекса беспрецедентны в мировой практике. Главная задача его — резкое увеличение добычи нефти и газа и создание на их основе крупных нефтехимических и химических комбинатов. Председатель Совета по изучению производительных сил Госплана СССР академик Н. Н. Некрасов и автор этих строк рассказывали на пленарном заседании конференции о том, что Госплан СССР в проекте нового пятилетнего плана уделяет исключительное внимание дальнейшему ускоренному развитию нефтяной и газовой промышленности Западной Сибири, энергетики, транспорта, строительству здесь новых комплексов. Для этого выделяются большие средства и материальные ресурсы. Комплексное использование нефтяного и газового сырья, повышение производительности магистральных трубопроводов — в центре внимания планирующих органов, министерств нефтяной и газовой промышленности, Тюменской партийной организации.

Одна из сложнейших проблем новой пятилетки — транспортировка с востока на запад нефти и газа. Известно, что на востоке страны создаются новые энергоемкие комплексы. И все же потребность европейской части страны и Урала в топливе составляет примерно восемьдесят процентов общесоюзной. Между тем основные разведанные запасы нефти и

ИЙ КРАЙ

газа сосредоточены в восточных районах страны. Значит, надо искать пути повышения эффективности их транспортировки. Известный прогресс здесь достигнут. Мощность нефтепроводов из труб диаметром 1220 миллиметров, проложенных из Западной Сибири в районы центра страны, уже доведена до девяноста миллионов тонн нефти в год. Настала очередь интенсификации передачи газа. Ученые и специалисты ряда институтов разработали новую технологию транспортировки газа. Речь идет о том, чтобы передавать его по трубопроводам в охлажденном виде. В таком состоянии он занимает значительно меньший объем, чем при положительной температуре. Если сочетать эту прогрессивную технологию с более частой расстановкой компрессорных станций (ставить их на дистанции не 130—140 километров, как сейчас, а 85—100), то производительность газопровода при одном и том же диаметре труб можно увеличить в полтора раза. Расчеты показали, что сооружение двух газопроводов по трассе Уренгой — Сургут — Урал с применением новой технологии позволит заменить три газопровода современных параметров и получить экономию по капитальным вложениям свыше миллиарда рублей. А главное — расход дефицитных труб уменьшится почти на миллион тонн.

Другая не менее важная проблема — создание новых нефтехимических и химических комплексов в Западной Сибири на базе нефтяного и газового сырья. «Огонек» уже писал о строительстве Тобольского нефтехимического комбината.

Недавно Госэкспертиза Госплана СССР рассмотрела технико-экономические обоснования создания на базе тюменского газа мощных предприятий по производству аммиака и метанола. Доказана экономическая целесообразность строительства тут комплексов, которые будут поставлять в больших количествах жидкий аммиак, необходимый сельскому хозяйству, а также метанол, из которого можно производить ценные химические продукты.

СЕВЕРНЫЕ МЕСТОРОЖДЕНИЯ

...Из центра Тюменской области — на передний край битвы за нефть. Вместе со вторым секретарем Тюменского обкома КПСС Г. И. Шмалем, с группой академиков, участников научной конференции, мы полетели из Тюмени на север. Когда наш Як-40 набрал высоту, геологи развернули карты. И, словно сверяя их с земными ориентирами, наши гиды, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии, доктор геолого-минералогических наук Ф. К. Салманов и лауреат Ленинской премии В. Т. Подшибякин, повели разговор об открытии новых месторождений. Две трети разведанных союзных запасов газа приходятся на Западную Сибирь.

Но тюменские геологи продолжают свои поиски, чтобы Западная Сибирь и в далеком будущем оставалась основной топливно-энергетической базой страны. Нужно искать, искать, открывать новые богатства земных недр. Где, как искать?

Академик А. А. Трофимук, директор Института геологии и геофизики Сибирского отделения Академии наук СССР, Герой Социалистического Труда, высказывает по этому поводу свою достаточно убедительную точку зрения о новых прогнозах:

— Еще сравнительно недавно ученые спорили о перспективности мезозойских горизонтов. Теперь эти богатства служат народу. На очереди — палеозой Западной Сибири. Но для поисков палеозойской нефти на больших глубинах нужны новая техника, более совершенные методы разведки...

И вот мы на аэродроме самого северного города Тюменской области Надыма. Это центр газовой промышленности. В Тюмени термометр показывал 25 градусов тепла, а здесь холодно, еще не растаял снег, дует пронизывающий ветер. Пересаживаемся из самолета в вертолет и летим на месторождение Медвежье. Я сижу рядом с Б. Е. Патоном. Он впервые на Севере, внимательно рассматривает проплывающие внизу тундровые озера, болота, мелколесье.

— Как же здесь прокладывать магистральные газопроводы? Вечная мерзлота, болота... Да, трудно, очень трудно. Нужны машины в северном исполнении, требуется новая техника, без нее тут не обойтись.— И добавил:— Вот вернусь в Киев, соберу ученых и расскажу им, что такое Север и как он нуждается в нашей помощи...

Мне приятно слышать эти слова академика. Он слов на ветер не бросает, убежден, что помощь будет оказана. И эффективная. Как это бывало и в прошлом.

...Медвежье — промысел за Полярным кругом. Руководитель объединения «Тюменьгазпром» Е. Н. Алтунин показывал нам действующие сложные комплексы подготовки газа.

Здесь, в Заполярье, свои трудности — медленно строятся дороги, не хватает жилья в Надыме, где живет уже более двадцати шести тысяч человек. И тем не менее труженики Севера не унывают, напористо одолевают все преграды. В Надыме мы видели добрые приметы роста будущей газовой столицы Заполярья. Закончено строительство замечательного кинотеатра, нового большого детского сада — это для детей газовиков, работающих на Медвежьем вахтами по семь дней.

Из Надыма летим в места знаменитые — центр северной нефтяной индустрии. Поглядывая в окна самолета, академики хмурятся — факелы поднимаются к небу коптящим пламенем. И это, конечно, очень огорчает. В нефтяном газе, добываемом попутно с нефтью, содержатся жидкие фракции углеводородного сырья, из которого можно получить каучук, пластмассы, много других химических продуктов. А его, этот драгоценнейший газ, пока вынуждены сжигать. Разгорелся спор. Начальник управления «Нижневартовскнефть» Р. И. Кузоваткин объясняет:

— Труб не хватает, требуются большие капитальные вложения. Отстает строительство газоперерабатывающих заводов...

Да, действительно темпы роста нефтяной и газовой промышленности настолько высоки, что труб на все не хватает. Но почему так сложилось, что их не хватает именно там, где имеются потери попутного газа? В чем здесь дело? И вот идет спор: у какого газа — природного или попутного нефтяного — лучшие экономические показатели? Но к чему этот спор? Ведь нефть без ее обязательного спутника — попутного газа не может добываться. Никто еще не придумал способ добычи нефти без этого спутника. Значит, его надо обязательно использовать. Во что бы то ни стало.

...Вертолет сделал посадку у газоперерабатывающего завода. Этот пока единственный завод перерабатывает лишь небольшую часть попутного газа. Уже теперь надо строить несколько таких заводов.

В этом мы убедились, когда побывали у буровиков бригады В. Китаева. Бетонная площадка на озере Самотлор. К ней тянется дорога с материка. Из одного куста тут бурят несколько скважин. Скорости высокие, дело отлично налажено. Буровой мастер инженер В. Китаев обстоятельно рассказывает ученым об успехах и заботах бригады. Он показывает нам новый тип долота, которое проходит сейчас испытание: «Результаты очень хорошие. Побольше бы таких долот. Надо скорее организовать их серийное производство».

Опытный коллектив буровиков уже в начале этого года выполнил задание пятилетки. До конца завершающего года намечено пробурить более восьмисот сверхплановых скважин. Передовые бригады пробурили в прошлом году по сто тысяч метров, а в нынешнем стремятся взять рубеж сто пять — сто десять тысяч метров. Бригады Левина, Китаева, Громова, Сергеева, Петрова, Глебова, Пестерева — передовые. И по объемам бурения и по внедрению новой техники.

Когда мы покидали буровую В. Китаева, нам встретилась машина, украшенная гирляндами цветов. После загса молодожены ехали на буровую. Такова традиция. Буровики тут самые уважаемые люди. Здесь хорошо помнят о тех, кто открыл Самотлор. Недалеко от озера стоит обелиск — памятник первооткрывателям. Более тридцати дней добирались разведчики к месту бурения первой скважины, болото засосало одиннадцать тракторов. Но мужественные люди добрались, пробурили скважину, и вот на Самотлоре за пять лет добыча нефти доведена до 85 миллионов тонн в год.

— Промысел молод, но и люди, осваивающие Самотлор, тоже молоды,— рассказывает секретарь Нижневартовского горкома партии С. Д. Великопольский, в недавнем прошлом руководитель комсомолии Тюмени.— Средний возраст жителей Нижневартовска двадцать шесть лет, население города теперь — более шестидесяти тысяч...

На Самотлоре мы побывали на испытательном полигоне, где гарпунной пушкой, такой же, как на китобойных судах, забивают сваи в грунт. Это очень важное дело: если плохо закрепить трубопроводы в здешних болотах, то они всплывают. Снаряды гарпунной пушки накрепко забивают сваи в болота, а те, в свою очередь, надежно закрепляют нефтепроводы и газопроводы.

* * *

Как и весь советский народ, тюменцы готовятся к XXV съезду партии. У тюменских нефтяников сложные задачи в будущем пятилетии. Они намечают ввести в разработку 35 новых месторождений, удаленных от существующих дорог. В два раза возрастут объемы бурения. Главная же задача — рост производительности труда за счет внедрения новой техники и технологии, научной организации труда. Газовики Тюменской области намечают утроить добычу газа из северных месторождений. Газовые магистрали шагнут в центральные и западные районы страны, голубое топливо получат также и наши друзья — Болгария, ГДР, Польша, Румыния, Чехословакия.

Будущее нефтяной Сибири, конечно, во многом зависит от разведчиков недр. Их экспедиции уже высадились на самом севере, на Ямале. Им предстоит найти новые месторождения нефти, газа, газового конденсата.

Усилия огромных коллективов объединяются областной партийной организацией, для которой проблемы нефти и газа, разведки недр, строительства мощных нефтехимических комплексов, городов, поселков, дорог — это главное направление ее деятельности.

И отступила полупустыня...

навстречу

XXV съезду КПСС

В. КОСТЫРЯ,
фото В. СВАРИЧЕВСКОГО

Хлопкоробы Узбекистана дали слово продать в последнем году пятилетки 5 миллионов 200 тысяч тонн «белого золота». Год сложился трудный, дождей не было, но люди преодолели безводье, засуху.

Есть в Ташкентской области Аккурганский район. Аккурган в переводе звучит как Белохолмск. Белый холм сегодня — это урожай снежного волокна! В районе собрали почти семьдесят тысяч тонн хлопка, причем около четверти из них — вклад одного совхоза имени Сегизбаева.

И не выходит из памяти недавний разговор в Аккурганском райкоме партии.

— Страда эта началась с первых же дней апреля,— отметил первый секретарь Акмаль Икрамович Икрамов.— Да, да, не удивляйтесь, уже в апреле, через неделю после посевной, стало ясно, что дождей не будет.

— Пришлось досрочно расходовать дефицитную воду на поливы,— пояснил секретарь райкома Константин Алексеевич Ким.— Хорошо, что быстро перестроились на аварийный режим...

— Главное, не упустили сроков,— продолжал Акмаль Икрамович.— Всем миром взялись за дело. Каждый знал свой маневр; колхозники, рабочие совхозов, городские служащие и рабочие. В напряженном режиме живем до сих пор. Каждодневное внимание оказывает нам ЦК Компартии Узбекистана, Ташкентский обком партии, Ташкентский областной совет профессиональных союзов. С отличным настроением работают хлопкоробы.

Одна из них — Флюра Шамсутдинова. Познакомились мы с ней на шоссе. Издали увидели женщину в рабочей одежде. Поблекшая от солнца косынка, стиранная ковбойка, заправленная в брюки, большая сумка в руках. Флюра очень торопилась в поле и попросила ее подвезти.

Когда «газик» набрал скорость, я спросил, показывая на сумку:

— Обед и ужин сухим пайком?

— Нет,— рассмеялась она.— У нас на полевом стане своя кухня. А в сумке ключи, гайки, прокладки! Я ведь механик-водитель.

И надо было видеть запыленное, но такое радостное лицо Уринбая Таджибаева, когда он вывел на обочину поля свой комбайн с первой тонной хлопка нынешнего урожая.

— На три дня раньше, чем в прошлом году,— улыбнулся Уринбай.— Не только план, но и обязательства выполним раньше!

Уринбая с вниманием слушали стоявшие поблизости председатель Ташкентского областного совета профсоюзов А. В. Браилов и председатель обкома профсоюза рабочих и служащих сельского хозяйства Т. Р. Раджабов.

— Профсоюзные организации сразу после труднейшей посевной кампании взяли под контроль службы обеспечения полевых работ,— сказал Анатолий Васильевич Браилов.— Были выделены дополнительные суммы на оборудование полевых станов, премирование победителей социалистического соревнования, культурные мероприятия.

Целый комплекс аварийных агрономических и химико-технологических мер разработан и с успехом применяется в совхозе имени Сегизбаева. И немалая заслуга в этом директора Абдусаттара Тешабаевича Аманбаева.

На полях совхоза более восьмидесяти хлопкоуборочных комбайнов. В социалистическом соревновании участвуют все отделения совхоза, все бригады, механики-водители, грузчики тракторных тележек. По 45—50 центнеров хлопка с гектара обязались сдать шесть бригад.

Когда мы решили побывать в одной из бригад, секретарь парткома Султанмурад Чегабаев и председатель рабочкома Зера Османова предложили поехать к Мархамат Искандеровой. Международный год женщины — аргумент неотразимый!

— За детей у наших женщин душа спокойна,— сказала Зера Османова.— В совхозе девять детских садов, мест хватает для всех ребятишек.

На полях бригады Мархамат Искандеровой грохочут моторы комбайнов, но бригадира мы нашли на том участке, где над кустами склонились люди в фартуках. Собирают хлопок руками — не странно ли для передовой бригады?

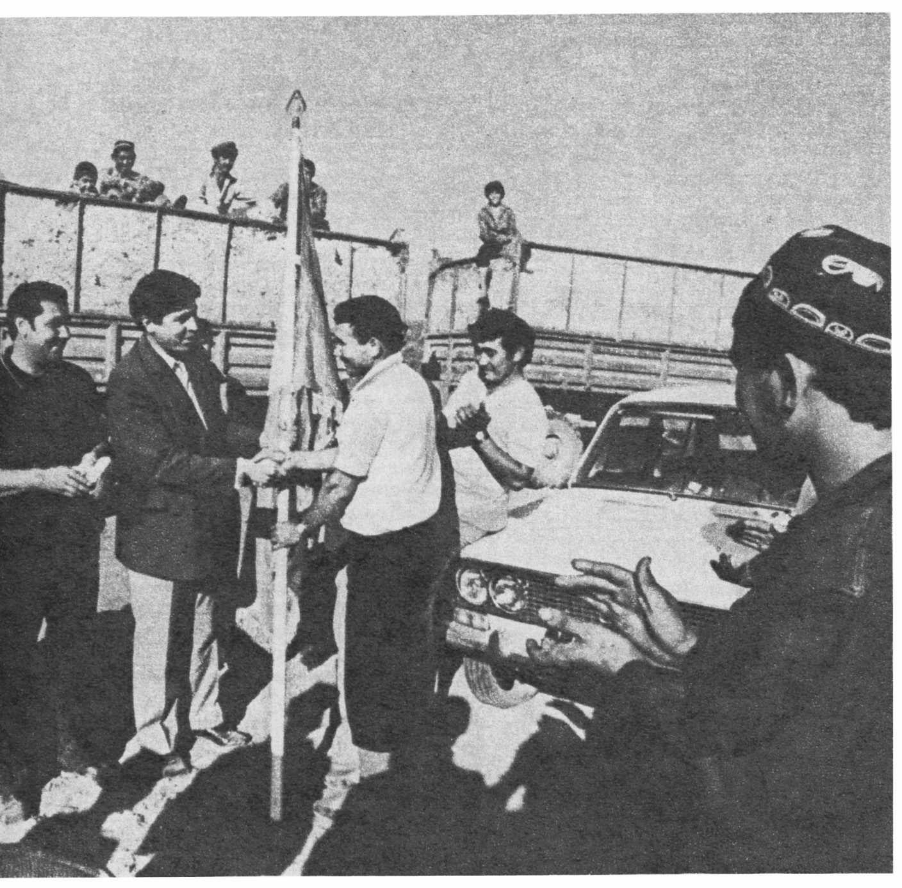
— Семенной участок, —сняла недоумение Мархамат.— Самый ценный хлопок! Здесь обработка идет только вручную. Семена с участка посеют в десятой пятилетке. Девяносто тонн семенного хлопка плюс триста шестьдесят тонн машинного — подарок нашей бригады XXV съезду партии...

На бортах хлопкоуборочных машин одна за другой появляются пятиконечные звезды. Каждая звезда — знак собранных пятидесяти тонн.

Мархамат Искандерова: «Наш хлопок — подарок бригады к XXV съезду партии!»

Красное знамя и «Жигули» — победителям белой страды.

Белоснежное золото совхоза имени Сегизбаева.

Я СТРАДА

Н. СЕМЕНОВ,
подполковник запаса

Этот портрет лейтенанта А. Ерохина был помещен на обложке «Огонька» в августе 1943 года. Подпись под снимком сообщала, что в бою на Орловском участке фронта его танк уничтожил шесть немецких самоходок.

ЧЕТЫРЕ БОЯ АЛЕКСЕЯ ЕРОХИНА

Получил я на днях такое письмо:

«Дорогой Николай Семенович! К вам обращается отряд красных следопытов Дома пионеров города Новомосковска, Днепропетровской области.

Мы знаем, что вы являетесь фронтовым другом нашего земляка Ерохина Алексея Владимировича. Около двух десятков лет ни один урок мужества, ни один военный праздник в нашем Доме пионеров не проходил без его участия. Этот добрый, задушевный человек, инвалид войны всякий раз приходит к нам и начинает рассказывать о танковых сражениях, о своих боевых товарищах так, что заслушаешься. После встречи с Алексеем Владимировичем хочется обнять каждого фронтовика, которые такой огромной ценой завоевали наше счастье.

Только вот о своих боевых подвигах он рассказывает очень мало, а ведь награжден орденами Ленина, Отечественной войны и «Красной звезды». Когда мы просим его поделиться, как он бил фашистов, он только и отвечает: «Воевал я, как и все».

Уважаемый Николай Семенович, расскажите о боевых делах Алексея Владимировича Ерохина. Он заслужил это».

С Алексеем Ерохиным я встретился в марте сорок третьего, когда 129-я отдельная танковая бригада готовилась к бою в районе села Александровское, что на Орловщине. После четырехмесячного лечения в госпитале он был направлен в запасной полк. Но, не дождавшись полного выздоровления, сумел добиться отправки на фронт.

— Товарищ полковник, лейтенант Ерохин прибыл в ваше распоряжение для прохождения дальнейшей службы! — с озорной улыбкой отчеканил он командиру бригады полковнику Петрушину.

У командира бригады глаз наметан. Если молодой лейтенант после ранения, попав опять на фронт, так бодро улыбается, значит, вояка он неплохой. Поэтому комбриг не стал расспрашивать, где воевал, куда ранен, сколько времени лечился, а лишь, пожимая руку новичка, приказал комбату:

— Назначьте его, товарищ Селюков, командиром танка — и в бой.

А потом спросил Ерохина:

— За что наградили медалью?

— Не ведаю, наградного листа не читал.

Комбриг знал, что новички иной раз не удержатся, прихвастнут своими подвигами. Но этот, видно, не любил бахвальства. Только хитро улыбался. «Бой покажет, какой ты на самом деле», — подумал полковник.

А за боем дело не стало.

Морозным мартовским утром шесть «тридцатьчетверок» с автоматчиками на броне ринулись в атаку.

Гитлеровцы немедля открыли артиллерийско-минометный огонь по нашим танкам и атакующей пехоте. Вдруг танк Ерохина словно боднуло, и он остановился.

— В чем дело, Михеев? Все живы? — бросил командир механику-водителю.

— Живы-то все. Только вот от удара снаряда оборвался трос фиксатора скоростей! — спокойно ответил тот.

«Значит, скорости заклинило,— подумал Ерохин.— А на предельной такую снежную толщу не одолеть. Теперь немцы не угомонятся, пока не спалят неподвижную машину».

— Иван, подожги дымовые шашки и выкинь на борт, — приказал он командиру башни Степаненко. А механика-водителя спросил:

— Михаил, помощь требуется?

— Сам справлюсь, будьте уверены.

Гитлеровцы, заметив валящие из танка Ерохина клубы дыма, огонь по нему прекратили, но продолжали стрелять по другим нашим танкам.

Трудно засечь на фоне белоснежного поля вспышки далеких выстрелов, особенно если орудия искусно замаскированы. Но Ерохин все-таки заметил, как в полутора тысячах метров одновременно сверкнули три молнии.

— Осколочным! — обрадованно скомандовал он. И несколькими снарядами все три стрелявшие из снежного капонира вражеские пушки были уничтожены.

В это время Михаил Михеев доложил об устранении неисправности, и танк рванулся вперед. Вскоре село Александровское было освобождено.

Ранним утром первого мая сорок третьего года танковому взводу Ерохина было приказано совместно со стрелковыми подразделениями и тремя приданными легкими танками выбить гитлеровцев с господствующей высоты.

— Задача не из легких, — сказал комбат.— Попытки наших пехотинцев захватить высоту пока оказались безуспешными.

— Товарищ капитан, взвод боевое задание выполнит,— ответил Ерохин.

Согласовав с командирами стрелковых подразделений взаимодействие, Ерохин приказал командирам танков:

— Пока на земле стоит туман, противник не сможет вести прицельный огонь по танкам. Поэтому нам нужно на максимальной скорости вместе с пехотой ворваться на высоту.

А через полчаса наши танки внезапно ворвались во вражескую оборону и начали утюжить гусеницами траншеи, а пехота гранатами и автоматными очередями в это время вышибала из них гитлеровцев.

...Приближалось лето 1943 года. Дни стали длинными и жаркими. Наши войска готовились к сражению на Курской дуге. Готовил к новым боям свой танковый взвод и лейтенант Алексей Ерохин. Он хотел добиться от членов экипажей главного: взаимозаменяемости в бою и снайперской стрельбы. В танковой дуэли важно вовремя поймать момент для открытия огня и поразить цель с первого или второго выстрела, иначе сам окажешься в перекрестии вражеского прицела. Эту простую истину он повторял без конца своим подчиненным и требовал, требовал...

...В три часа ночи 5 июля нас, спавших в машинах, разбудила артиллерийская канонада и беспрерывный рев самолетов. Началось величайшее сражение второй мировой войны. Фашисты, потерпев катастрофу под Сталинградом, пытались взять реванш. В первый же день кровопролитные бои развернулись на северном фланге этой битвы, в районе Поныреи. Немцы бросали в атаку новейшие, только-только принятые на вооружение танки «тигр», «пантера» и самоходные пушки «фердинанд». Черной лавиной за ними накатывались эсэсовцы.

Державшие оборону наши части потеряли счет непрекращавшимся атакам. Но одна все-таки запомнилась Ерохину. Немцы, начав ее, пустили вперед танки, сопровождая их артиллерийским огнем.

«Бьют прямой наводкой, но откуда?» — мелькнула мысль. Вскоре правее показались мало похожие на танк коробки. По первой машине, выскочившей на пригорок, дали залп всей ротой, и, получив одновременно несколько попаданий в ходовую часть, та остановилась. Но подошли другие и повели огонь по нашим танкам.

«Нет, в лоб их не взять», — подумал Ерохин и, получив разрешение командира роты, стал обходить немцев слева, маскируясь кустами и холмами. Маневр удался, но до цели оставалось 1400 метров!

— Бронебойным! — скомандовал он. После пятого снаряда одна немецкая машина задымила... Другие, пятясь, начали отползать назад. Их башни не вращались, и, чтобы открыть огонь по танку Ерохина, они должны были подставить борт другим нашим «тридцатьчетверкам». Если же остаться в прежней позиции, то борт попадет под бронебойные снаряды Ерохина.

Когда стемнело и поле боя несколько затихло, Ерохин со Степаненко пошли поглядеть на подбитую вражескую машину. Они увидели на броне «фердинанда» только четыре язвы, но насквозь броня не была пробита. А все-таки он сгорел! Помог расположенный за броней бензобак, который, видимо, взорвался от удара.

Наутро немцы кинулись в новую атаку. К обороне нашего батальона шли, стреляя на ходу, двенадцать «тигров» и «пантер», а сзади — цепи автоматчиков. Копоть и дым, нечем дышать, пот заливает глаза. И все же стойко держится батальон капитана Салюкова, уже пылают несколько фашистских машин. Но выходят из строя и наши танки, падают в окопах пехотинцы. Некогда оглянуться на упавшего товарища, лишь одна мысль: выстоять.

Ерохин, еще с ночи выбрав удобную седловину за холмом, засел там и стал дожидаться, когда немецкие машины немного выдвинутся вперед и подставят под огонь борта. И такой миг настал. Когда две передовые «пантеры» подорвались на фугасах, остальные, притормозив, стали разворачиваться.

— Бронебойным! — крикнул Ерохин. Сначала вспыхнули две «пантеры». А потом остановились с перебитыми гусеницами еще две, их расстреливали, пока они не запылали.

...После Курской дуги фронтовые дороги Ерохина пролегли через Кромы, Чернигов, Киев. Но, пожалуй, больше всего запали в его душу танковые атаки в Карелии — штурм железобетонных укреплений, преодоление заминированных дорог, полей в районах Олонца, Уомы, Питкяранта...

13 сентября западнее Ухты, преодолев заминированные участки, наши танки со стрелковыми подразделениями подошли к реке.

Мост взорван. Все подходы к нему заминированы. На стенах домов висели бутылки с горючей жидкостью, которые немцы не успели поджечь. Вместе с наведением моста саперам и танкистам одновременно приходилось заниматься разминированием.

— Товарищ лейтенант, немцы! — заорал один из саперов, заметив между строений с десяток автоматчиков. Наши танки стояли сзади. «К ним не успеешь — скосят на полдороге. За мной!» — крикнул Ерохин и с маузером в руке кинулся на немцев. За ним пошли в атаку другие.

Фашистов перещелкали быстро. Но, перебегая от одного дома к другому, Ерохин, наступил на мину. Взрыв свалил лейтенанта.

— Алеша, что с тобой? — спросил подбежавший Демидов.

— Ух, Ванюша, поддало так, что трубку потерял,— с улыбкой проговорил Ерохин.

Эту трофейную трубку он никогда не вынимал изо рта, даже в бою. А теперь она валялась в трех шагах от него.

— Вон она! — поднял еще дымящуюся трубку Демидов.

— Ванюша, набей прощального табачку,— попросил Алексей.

Демидов набил трубку, снял с себя ремень и туго перетянул выше колена раздробленную в трех местах правую ногу взводного командира.

Ерохин глубоко затянулся и уже с потемневшим от боли и потери крови лицом процедил сквозь зубы:

— Братцы, сорвалась моя великая мечта завершить войну в Берлине, элементарно...

— Твоя мечта, Алеша,— наша мечта, — тихо сказал Демидов.

Прибежавший военфельдшер Андрей Урда наложил шину, и потерявшего сознание лейтенанта на танке отвезли в медсанчасть бригады.

Так окончился боевой путь талантливого командира, парторга нашей танковой роты, беспредельно храброго лейтенанта Алексея Владимировича Ерохина.

Вот что хотел я рассказать вам, юные друзья, об «охотнике за «пантерами», который живет и трудится в вашем городе.

ПО НОВОМУ ЛЕТОСЧИСЛЕНИЮ...

«Кто путешествует, тот познает»,— говорят бедуины. Путь становится познанием, если взгляд идущего доброжелателен и зорок...

В начале 1971 года небольшие арабские княжества создали на западном побережье Персидского залива самостоятельное государство Объединенных арабских эмиратов.

Что же это за страна? Каковы ее природа и люди, ее прошлое и настоящее? Об этом увлекательно рассказывает цветной телевизионный фильм «Берег арабских эмиратов». Его авторы — политический обозреватель Центрального телевидения и Всесоюзного радио Фарид Сейфуль-Мулюков и оператор Юлий Чернятин показывают нам не просто кинопутешествие. Они знакомят нас с полной социальных контрастов жизнью этого необычного, противоречивого района Ближнего Востока, где сочетаются и вековые традиции Аравии и динамичные приметы современности.

Кажется, вековечна и неизменна торжественная поступь верблюжьего каравана, древний труд гончара и пахаря, песня рыбаков, тянущих невод...

Буровые вышки, поднявшиеся среди барханов и на отмелях залива, изменили не только пейзаж страны. Они пробудили от векового сна арабские княжества, открыли первую страницу современной истории эмиратов.

Радостные новости. Кадр из фильма.

Мы видим заводы, оснащенные по последнему слову техники, автострады, больницы, атомные установки для опреснения морской воды, школы, первые газеты, первые почтовые марки... На одной из них — часы: они отсчитывают новое время, двадцатый век. Путь в будущее для народа открыт.

В. ВАРЖАПЕТЯН

СЕЛУ ДА И ГОРОДУ!

Вот она, «Нива».

Хоть «Нива» и создавалась прежде всего для трудной сельской дороги, но и на городской трассе она не посрамит своих создателей. Скорость новой машины — около 130 километров в час. Внешне весьма элегантна и современна. В четырехместном салоне надежный отопитель, комфортабельные сиденья, удобный приборный щиток, где все на своем месте — немногочисленные, неотвлекающие циферблаты и указатели. Оба моста — и передний и задний — ведущие. Грязь ли, песок ли — не задержать им эту машину.

Разработана «Нива» Волжским автомобильным заводом, прославленным своими «Жигулями».

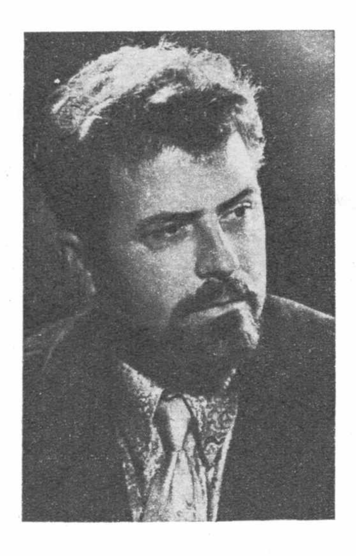
— Машина «впишется» и в городской и в сельский пейзаж,— рассказывали про «Ниву» на пресс-конференции работники Министерства автомобильной промышленности.— Правда, в городских магазинах она, видимо, продаваться не будет. Но это не меняет сути дела. Конструкторы и дизайнеры делали машину такой, чтобы сельский житель, сев в нее около дома ненастным вечером, мог без особых происшествий миновать осеннее бездорожье, выехать на шоссе и с ветерком докатить до подъезда городского театра.

Машина прошла основные испытания, хорошо себя зарекомендовала. Предполагается, что в будущем году завод выпустит первую серию автомобиля.

Но не только «Нивой» отчитываются автомобилестроители. Они показали небольшой грузопассажирский «ЛуАЗ-969м», «Москвич» с индексом «2140» — у него полностью обновлен внутри кузов, изменена облицовка, поставлены очистители фар. Рассказали на пресс-конференции о модификации «Волги-24». Горьковские автомобилестроители приготовили весьма интересные и значительные разработки. Иной у нее салон, повышенная безопасность, более строгая внешняя облицовка. А на подходе совсем уж новая модель «Волги». Шести- или восьмицилиндровый двигатель, современнейшие тормоза.

Рядом с шустрыми, отличными, но сравнительно небольшими автомобилями солидно и представительно выглядели «ЗИЛы», тяжеловесные автопоезда... И хоть во многом они разнятся один от другого, но все одинаково добросовестно помогают решать большие хозяйственные заботы, поднимают престиж советского автомобилестроения.

К. ТАНИН
Фото автора

СВЕТЛЫЕ ДА

Вадим КУЗНЕЦОВ

ПОЛЬСКОМУ ДРУГУ

— До свиданья!
— До видзенья!
Вот и все,
замкнулся круг.
Если жизнь пошлет везенье,
я к тебе приеду, друг.

Над Варшавою,
над Вислой,
над горбатой мостовой
хмарь осенняя нависла,
как беда над головой.

Стены в пулях,
словно в скверне,
запах гари не исчез.
Но звучит,
звучит в таверне
знаменитый полонез.

Я тебя дзенькую бардзо
за святую боль твою.
Ах, как здорово, что барды
любят Родину свою.

Я тебе шепчу «спасибо»
за цветы у тех пенат,
где под мраморною глыбой
спит воронежский солдат.

Где седая полька плачет
у разрушенной стены...
Не случайною удачей
мы с тобою сведены.

Не за то, товарищ милый,
ты делил со мною кров,
что бунтует в наших жилах
очень родственная кровь.

А за то, что наше дело,
наши доля и права —
жить,
чтоб Польша не сгинела,
чтобы Русь была жива!

Чтобы в действиях согласных
заплетая дружбы нить,
без посредников опасных
откровенно говорить!

Тех, что в смутную годину —
непредвиденно опять! —
с наслажденьем в нашу спину
всадят нож по рукоять!

Не об этом ли так строго,
целя в сердце под обрез,
разливается тревогой
знаменитый полонез?!

...Поцелуи. Смех. Движенье.
Теплота прощальных рук.
— До свиданья!
— До видзенья!
До видзенья, милый друг!

НА СЕЛЬСКОМ КЛАДБИЩЕ

Шумят вековые березы,
свистит над крестами скворец,
где спят Сесипатр Подзанозин,
Питошины — сын и отец.

А здесь моя мама зарыта,
чуть дальше
покоится дед...
Ни мрамора нет,
ни гранита,
ни званья,
ни должности нет.

Фамилии, черточки, даты —
крутые, лихие года.
Лежат под травою солдаты,
лежат рядовые труда.

А сколько их, родичей милых,
парней из моей родовой,
покоится в братских могилах
на Волге,
в Орле,
под Москвой!

Ромашки, оградки косые,
крапива по низким местам...
Державную поступь России
сверяю по этим крестам,

сверяю по звездам из жести,
изъеденным оспою ржи,
и рушу
(совсем не из мести)
сплетения правды и лжи.

Эй, вы, толкователи жизни,
живущие, словно в гостях,
вы лжете,
что слава Отчизны
взошла на мужицких костях!

Эй, вы, фарисеи,
вы лжете,
что правда взошла на крови!
Россия стоит на работе,
на вере,
на вечной любви
вот к этим просторам
безбрежным,
к лесам,
что ушли в окоем, —
к всему,
что тревожно и нежно
мы Родиной
с детства зовем!..

●

Эхо нашего раздора
умерло само собой
в фугах Домского собора,
в гуле моря,
в звоне бора,
в криках чаек над водой.

Я забыл лицо, и руки,
и походку, и слова.
Но со времени разлуки
в сердце живы
эти звуки,
эта музыка жива.

Мы ни в чем не виноваты —
понапрасну не греши.
Мы бедны,
но и богаты
и готовы для расплаты
за движения души.

Дальний день был полон света,
давний мальчик
смел и юн
и не слушался совета,
что коротким будет лето
посреди сыпучих дюн...

Эхо нашего раздора
ожило само собой
в фугах Домского собора,
в гуле моря,
в звоне бора,
в криках чаек над водой...

●

Прыгнул котенок с балкона,
с пятого этажа.
В сером колодце бетона
стонет живая душа.

Бьется котенок от боли,
задом елозит в пыли.
Может быть,
жаждал он воли,
может быть,
просто земли...

Не знал он
ни сном, ни духом,
ни памятью цепких лап:
земля перестала
пухом
быть тем,
кто не мудр и слаб.

Света и тьмы творенье
к тому же не ведал он:
еще до его рожденья
землю одели в бетон...

Оплачу я жертву бетона
и вспомню легко и светло,
как тоже шагнул с балкона,
да чудо меня
спасло...

●

В деревушке Анисимово
(говорю без прикрас)
я живу независимо,
может быть, в первый раз.

Впрочем, если уж строго,
если точность любя, —
я завишу, ей-богу,
в основном от себя.

День дарует погоду,
остальное — на мне:
принесу себе воду,
суп сварю на огне.

Наловлю окунишек,
сор смету в уголок.
По-хозяйски дровишек
нарублю себе впрок.

Выпью вечером чаю,
в потолок посвищу.
Ни о ком не скучаю,
ни о чем не грущу.

Засыпаю без вздоха,
а проснусь и пойму:
удивительно плохо
на земле одному...

ГОСТЬ

Когда заря
по здешнему недолго
отполыхала, выгорев дотла,
вползла в село
райкомовская «Волга»,
качаясь от усталости, вползла.

Всплеснув руками,
охнула старуха,
когда приезжий в белом пиджаке,
войдя в калитку,
вдруг заплакал глухо
и, онемев, повис на старике.

— Матвей... Ма-тю-ша, —
всхлипывал невнятно
и бестолково шарил по плечу.
И, расплываясь, горестные пятна
пятнали дорогую чесучу.

— Петро! Братуха!
Ишь какое дело...
Да ты входи,
входи в отцовский дом!
...А через час баранина поспела
и полсела собралось за столом.

Метались в кухне снохи и золовки,
и самовар выпыхивал пары.
Откручены три белые головки
разлива дореформенной поры.

Звенели стекла в горнице
от смеха,
кричал Матвей, обсасывая кость:
— Мне нонче матка:
«Вроде кто подъехал?»
А это вот... Петро!
Столичный гость!

И хоть он...
это, в генеральском чине,
а перед нами должен дать ответ:
по службе ли
аль по другой причине
не приезжал в деревню
сорок лет?!

А гость в ответ смеялся виновато,
осклизлый рыжик
вилкой поддевал,
и на родню смотрел
подслеповато,
и никого вокруг не узнавал.

Ни эти спины,
согнутые в дуги,
ни эти руки, черные вовек.
И чувствовал, как личные заслуги
здесь перед ними
тают, точно снег.

И было горько, тягостно, неловко
за чесучу,
за шпроты,
за коньяк...
Он вышел в сад,
споткнувшись о веревку
и различая тропку кое-как,
петляющую круто вдоль ограды,
разрезавшую надвое покос,
пробрался сквозь
картофельные гряды,
поднялся, задыхаясь, на откос.

И допоздна
задумчиво и грустно,
сутуля плечи, вглядывался вниз,
где мчит река,
закованная в русло,
глубокая и быстрая,
как жизнь...

●

Красные гроздья рябины
стынут на первом снегу.
Этой далекой картины
я позабыть не смогу.

Где бы на свете я ни был,
сердце живет все теплей
близостью белого неба,
дальностью белых полей.

Лисьим скольженьем поземки,
что заметает зарод...
Скоро уйду я в потемки,
память со мною умрет.

Милые, светлые дали
скроет белесая муть.
Снегом засыплет детали,
только останется суть.

Только сорвавшись с вершины,
будут, как прежде, в логу
красные гроздья рябины
зябнуть на первом снегу...

●

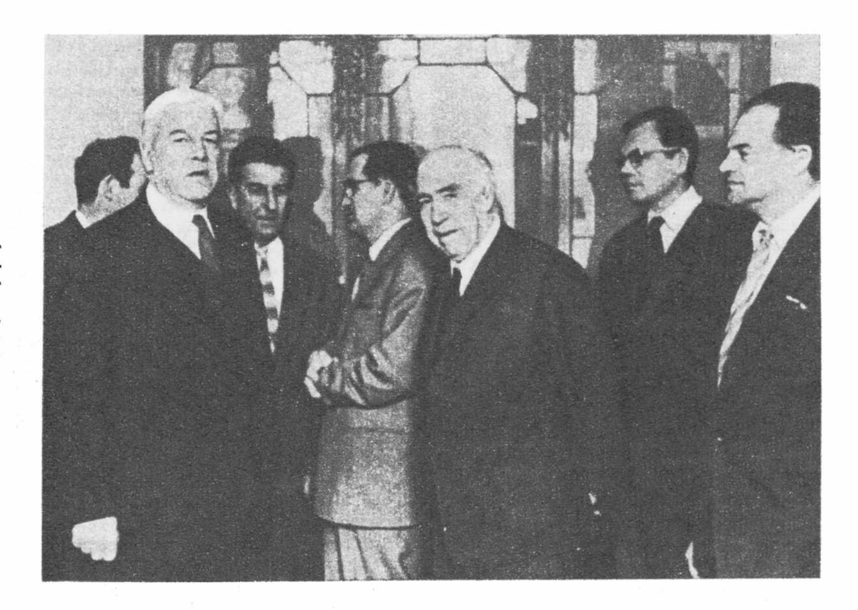
Была душа,
как роща после пала:
остывший уголь, пепел да зола.
Но к состраданью ближних
не взывала
и утешений
тоже не ждала.

Давно забыв,
как плакала и пела,
как трепетала нежностью
в крови,
душа, замкнувшись,
больше не хотела
ни радости,
ни муки,
ни любви...

Кружился снег.
Чернели угли жалко
в пушистых кольцах
хрупкой бахромы.
И было ей
не зябко и не жарко
под белоснежным саваном зимы.

Но грянул март!
Душа открыла вежды,
услышав вдруг
прозрачным, звонким днем,
как шевельнулось
семечко надежды
там, в глубине,
не тронутой огнем.

И вот росток —
пронзительный и вольный,—
собравши силы,
выбросился ввысь,
пронзив ее...
И это было больно.
И это было сладостно,
как жизнь...

Год 1961-й. Физический институт имени Лебедева. Слева направо: академик Д. Скобельцын, профессора Е. Фейнберг, Оге Бор — нынешний директор института, иностранный член АН СССР Нильс Бор, профессор Ю. Рожанский, академик Н. Басов.

ПРАЗДНУЕМ ВМЕСТЕ

Нильс Бор — с этим именем связано начало новой эры в физике. Бора, открывшего миру тайну атома, называют — равно как и Эйнштейна — одним из главных действующих лиц духовной истории человечества.

Седьмого октября Бору было бы девяносто лет.

Копенгаген. Тихая улочка в двух шагах от городского центра. Большие раскидистые деревья охраняют покой скромного серого дома. Трудно угадать в нем главное здание всемирно известного института, давно ставшего международной школой физиков. Институт носит имя великого Нильса Бора. Вот уже 55-й год в этих стенах ведутся исследования по проблемам атомной физики.

Мы входим во двор института, стесненный со всех сторон современными домами. С виду обычные, они кажутся нам загадочными и таинственными — ведь над какими фантастическими проблемами специалисты ломают здесь головы!

В кабине лифта, на котором мы поднимаемся, этажи по традиции обозначены не цифрами, а буквами. Останавливаемся на этаже «Д», то есть на пятом. В сложном лабиринте коридоров очень легко запутаться — сразу видно, что здесь могут работать люди лишь с аналитическим складом ума.

Вот и кабинет директора. На стене — портрет основателя института Нильса Бора. Нам навстречу поднимается подвижный человек средних лет.

— Оге Бор,— представляется он.

Этому веселому, жизнерадостному датчанину никак не дашь его 53 лет. А ведь ему именно столько — он родился в двадцать втором, в том самом году, когда его отец Нильс Бор стал лауреатом Нобелевской премии. Великий ученый руководил институтом с первого дня основания до самой смерти. В 1962-м его сменил сын.

— Вот познакомьтесь, пожалуйста,— говорит Бор,— мои коллеги: доктора Бьернхольм и Неергор. Если вы не возражаете, они тоже примут участие в беседе.

— Да, конечно.— Мы обмениваемся рукопожатиями с симпатичными, довольно молодыми людьми. Оба они носят бороды. Бьернхольм курит трубку.

Мы рассаживаемся за круглым столом.

— Этот стол — свидетель далеко не единственной встречи советских и датских ученых,— говорит Оге Бор.— С вашей страной, вашими физиками, с вашей Академией наук у нас давние связи. Мы постоянно сотрудничаем с Институтом ядерных исследований в Дубне, Ленинградским физико-техническим институтом имени Иоффе, Институтом атомной энергии имени Курчатова, Физическим институтом имени Лебедева...

— С университетами Москвы, Ленинграда, Еревана, Новосибирска, Томска,— дополняет Неергор.— Да и сам наш директор,— он кивает на Бора,— часто ездит в вашу страну...

В конце 20-х годов одним из первых посланцев советской науки в институте Нильса Бора был молодой талантливый физик Л. Д. Ландау, много почерпнувший для совершенствования своих знаний в стенах этого института. Позднее он не однажды с гордостью говорил, что является учеником Н. Бора. Не забыл он этого и в 1962 году, когда получал Нобелевскую премию по физике.

— Помню, как несколько раз,— говорит Оге Бор,— отец называл Ландау своим любимым учеником. И еще он любил вашего Петра Капицу. Это я тоже хорошо помню. Его любимцем был и Игорь Курчатов, который, кстати сказать, очень много сделал для укрепления сотрудничества между нашим институтом и советскими физиками.

Сегодня советско-датские научные контакты имеют прочную базу. В их основе лежит соглашение о сотрудничестве института Н. Бора с Академией наук СССР.

— Вот один из примеров наших совместных исследований,— рассказывает Бьернхольм.— Несколько лет работали и учились в нашем институте советские физики — ректор Новосибирского университета академик Спартак Беляев, член-корреспондент вашей Академии, лауреат Ленинской премии Вениамин Сидоров, член-корреспондент Сергей Поликанов из Дубны и другие. Они очень много ценного внесли в разработку проблем строения вещества и сверхтекучести. Множество наших совместных экспериментов, связанных с изучением процесса деления ядер, проводится в Объединенном институте ядерных исследований в Дубне.

— Да, в Дубне у вас чудесный институт,— подхватывает Неергор.— Я как раз недавно возвратился оттуда после годичной командировки. Меня очень тепло там встречали. Если можно, передайте, пожалуйста, через журнал мою благодарность советским коллегам. Те ценные знания, что я приобрел в Дубне, очень помогут мне в моих будущих исследованиях.

Наш разговор заходит о Нильсе Боре, о предстоящем праздновании 90-летия со дня его рождения.

— Это — большое событие для нашего института, для всей нашей страны,— говорит Оге Бор.— Мы готовим к выпуску краткий сборник, в который включены основные открытия и научные предвидения Нильса Бора, не потерявшие своей актуальности и сегодня... Насколько мне известно, юбилей отца по времени совпадает с празднованием 250-летия вашей Академии наук. И я уверен, что, если бы он дожил до этого дня, для него это был бы двойной праздник. Ну что ж, теперь это будет двойной праздник для всех нас. Праздновать мы будем вместе с вами. Ведь сотрудничество с советской Академией не может не вдохновлять нас на новые научные открытия. И, пользуясь случаем, мы хотим передать наши самые искренние и теплые пожелания вашей славной Академии. Добрых и великих ей дел!

В. КУМАЧЕВ,
В. МИНКЕВИЧ,
корреспонденты ТАСС
специально для «Огонька»

Борис ГОЛУБОВСКИЙ

ДВА СПЕКТАКЛЯ В ВАРШАВЕ

Афиша варшавских театров обширна и многокрасочна: напряженно-интеллектуальная «Картотека» Ружевича и сочная бытовая комедия «Аванс» Редлинского; классическая «Балладина» Словацкого, освобожденная от псевдоромантических штампов, и наивно стилизованная «Принцесса Ивона Бургундская» Гомбровича; острый гротеск «Счастливого случая» Мрожека и возрождение эйзенштейновских традиций «Оптимистической трагедии» Вишневского; живописная символика «Божественной комедии» Данте и сатиричность «Провинциальных анекдотов» Вампилова... Эстетические позиции сталкиваются в непримиримой, как кажется на первый взгляд, взаимоисключающей схватке. Стремление к спектаклям масштабным, которым не хватает обычной сцены, сочетается со все возрастающим интересом к камерности. Рождаются небольшие театры, где степень общения со зрителем предельна. Яркая образность, броская театральность одних работ контрастируют с аскетизмом условных решений других; реализм, опирающийся на вековые традиции, встречается с острыми приемами «модных» театральных течений. Но повсюду — взволнованность художников, стремящихся сделать зрителя соучастником своих мыслей и чувств. Все это, вместе взятое, создает неповторимость варшавской афиши.

Я хочу рассказать о двух вечерах. О двух спектаклях.

В одном из крыльев величественного Дворца культуры и науки приютился совсем юный театр-студия, созданный одним из интереснейших и своеобразных мастеров польского, по-моему, не только польского, театра, Юзефом Шайной, прошедшим путь, напоминающий творческую судьбу нашего неповторимого Николая Акимова. Роль художника спектакля Шайне тоже казалась недостаточной: его насущной потребностью было воплощать замысел пьесы через все компоненты, единолично. Его оружие — предельно выразительная мизансцена, которую можно, остановив сценическое время, превратить в самостоятельное произведение живописи или графики; пантомима; многозначность символики... Коллеги-режиссеры называют спектакли Шайны «визуальными», то есть видимыми, осязаемыми. И действительно: образы спектакля решены выпукло, пластически неожиданно. В причудливых сценических созданиях Шайны можно почувствовать жизнерадостность польского народного творчества, фанатизм католических соборов, трагические химеры Иеронима Босха и Франсиско Гойи, экстаз Жоржа Гроса... Эклектика? Нет, все влияния подчинены индивидуальности Шайны и главной теме его творчества — ненависти ко всему антигуманному, к войне, к фашизму. Даже «Фауст» Гете прозвучал в постановке Шайны как страстный антифашистский спектакль.

Последняя работа Шайны, «Реплика», поставлена по его же сценарию. Мы входим в фойе, но, оказывается, спектакль идет не в зрительном зале, совсем небольшом, а где-то на чердаке... Перед лестницей, ведущей наверх, останавливаемся: перед нами куча обуви, свалка старья — женские, мужские, детские туфли, ботинки, сапоги, сандалии, старые, запыленные, изношенные. Весь путь наверх сопровождает старая обувь, прибитая к ступеням лестниц, к стенам... Перед входом в импровизированный зрительный зал — такая же свалка. На чердаке на полу, засыпанном землей, еще одна свалка — консервные банки, протезы рук и ног, манекены, тряпки, листы старой бумаги, огромные куклы, подвешенные к стропилам потолка. Вокруг два-три ряда скамеек для зрителей. Свет концентрируется на свалке; потом возникает звук: что-то шуршащее, настораживающее, беспокоящее. Это шуршит бумага на свалке. Шуршание становится как бы музыкальным лейтмотивом спектакля. Из кучи хлама медленно высовывается чья-то голая рука; она ищет что-то, находит краюху хлеба, утаскивает ее в глубину... Постепенно из свалки выбирается странное существо с огромным лысым черепом, в хламиде из дерюги на голом, синевато-зеленом теле, в неуклюжих военных ботинках. И оказывается, что в груде старья находятся еще другие люди — мужчины и женщины, выползающие к свету, шурша бумагой. Они превратились в мусор, но они еще живы, хотят есть, дышать, ощущать землю... «Отбросы цивилизации» — так назвал эту свалку Шайна. Потом происходит столкновение с суперменом в зеленом трико: он расстреливает людей. Появляются носилки с огромной рукой, лежащей у изголовья, и пряди волос... Образ крематория, где уничтожается все живое. Образ Освенцима... На щитах по углам чердака возникают большие фотографии пожилых людей в полосатой одежде — узников концлагерей, а актеры разбрасывают по залу фотографии подростков в тех же полосатых куртках.

На площадке крепнет сила сопротивления; в отбросах человечества появляется нечто человеческое: они разрушают вокруг себя все, они не хотят превращаться в мусор!

Поражает самоотдача актеров, играющих в труднейших условиях, исступленная, почти истерическая нота протеста, бьющая по нервам: бессловесный и беззвучный крик...

Спускаемся по лестнице. Откуда-то снизу доносятся звуки барабана, тревожные, будоражащие. В фойе в дни представления «Реплики» (другие спектакли не идут в театре) сидит немолодой человек в майке и джинсах, исступленно исполняя соло на сложной ударной установке с усилителями. Это не музыкальный номер, это органическое завершение спектакля. Барабаны звучат как набат, как грозное напоминание, требование не забывать и не прощать!

...Спектакль и на следующий день не оставлял в покое — заставлял и восхищаться темпераментом, образными решениями художника и где-то не соглашаться с усложненностью сценического языка, излишней изощренностью приемов, натуралистическими деталями. Но образы, жуткие в своей убедительности, не покидали нас.

Через несколько дней мы пришли в театр «Польский». Там были горячие дни подготовки к гастролям в Москве и Ленинграде. В перерыве репетиции «Оптимистической трагедии» мы встретились с руководителем театра Августом Ковальчиком, талантливым режиссером, рассказали ему о «Реплике»... Ковальчик хорошо знает Шайну, ведь в «Фаусте» он играл Мефистофеля! Показываем фотографии, сохраненные после спектакля: с ними невозможно расстаться! Ковальчик подходит к письменному столу, вынимает такой же клочок бумаги, протягивает нам. И вот у меня в руках уже три фотографии: юноши в полосатых куртках; на одной из них узнаем Августа Ковальчика в мальчике с истощенным лицом, с глазами, сдерживающими пламя ненависти.

«Я был в Освенциме всего два года. Потом мне удалось бежать. А Шайна был четыре года».

Трудно передать словами охватившее нас чувство. Маленькие фотографии возродили трагедию народа, сделали близкой кажущуюся на первый взгляд абстрактной символику «Реплики». Символ стал документом — обвиняющим, гневным, действенным, приобрел трагическую осязаемость. Спектакль «Реплика» и встреча в кабинете Ковальчика объединились в восприятии жизни художников, выстрадавших свое право на творчество.

Второй вечер. Совсем другой спектакль. Другой мир. Знакомая пьеса: «Месяц в деревне» И. Тургенева. Спектакль идет в Малом театре, филиале театра «Народовы», поставленный художественным руководителем, очень хорошо знакомым, большим другом советских театральных деятелей, замечательным актером и режиссером, неугомонным выдумщиком и парадоксальным художником Адамом Ханушкевичем.

З. Куцувна в спектакле «Месяц в деревне».

У нас мало ставят Тургенева. Больше всего посчастливилось «Нахлебнику» благодаря трагической силе центральной роли Кузовкина, позволившей Б. Чиркову, М. Яншину, А. Борисову создать незабываемые сценические портреты... А вот «Месяцу в деревне» не везло: слишком сильна власть легенды о спектакле Станиславского.

Помещение Малого театра в самой гуще варшавской жизни, в подвале огромного универмага на Маршалковской улице. Оно необычно: посередине невысокого зала площадка, кирпичные ее стены выдают первоначальное назначение здания.

Сегодня мы, входя в зал, попадаем в сад. Да, да, в настоящий сад! Полутемно, тихо, поют птицы... Неужели настоящие? Нет, радио. Сцена находится на расстоянии протянутой руки от зрителей. Небольшая лужайка с настоящей травой, садовая плетеная мебель; настоящие, чуть желтоватые осенние листья; маленький прудик отражает в чистой воде склоненную рябину. Посередине лужайки гуляют две породистые собаки (о них говорит вся Варшава!). Они безбоязненно подходят к зрителям, к актерам. Когда они начнут мешать,

их выгонят за кулисы, но в антракте они опять будут разгуливать по саду.

Костюмы актеров, созданные в единой, белой с кремоватыми нюансами гамме, подчеркивают солнечность, воздушность атмосферы спектакля. Художник Ксимена Заневская дает нам возможность ощутить покой, крепкий, устойчивый быт, где все выверено и любимо, от лужайки до собак, так естественно существующих в этой натуральной обстановке.

Но неужели весь интерес спектакля в настоящих собаках? Неужели неутомимый новатор Ханушкевич решил воспроизвести натуралистический быт старой усадьбы?..

Очень скоро от внешней идиллии не останется и следа! Действие развивается стремительно. Сразу отказавшись от «душных комнат», Ханушкевич переносит все действие в сад. Он лепит спектакль сильными, темпераментными мазками. Взаимоотношения героев обнажены и напряжены. Ощущение надвигающейся драмы пронизывает каждую сцену, каждую реплику. Страсть, испепеляющая, уничтожающая,— такова тональность спектакля: Наталья Петровна сжигаема огнем страсти, дурманящей и неуправляемой.

Блестящая актриса Зофья Куцувна не скрывает чувств, переполняющих ее героиню, и властно переступает через все, что мешает ей достичь цели. Но огонь закован в стальные тиски; она бессердечна, но не мельчит. Как беспощадный приговор, спокойно выносит она решение выдать свою воспитанницу Верочку за страшноватого пожилого помещика Большинцова, не очень-то добродушного... Вершиной спектакля стала судьба Верочки, ее свежая, благоуханная любовь к студенту Беляеву решена с шиллеровской патетикой. Но Ханушкевич не любит Беляева, не верит ему. И он разрушает привычный штамп, показывая, как Беляев с предельной жестокостью предает и продает любовь Верочки. Он совсем не прочь ответить на чувство еще молодой, обаятельной женщины, ему льстит увлечение Натальи Петровны. Сцена объяснения Натальи Петровны и Беляева сыграна на предельном накале их любовного влечения друг к другу... Верочка стоит, прижавшись к каменной стене, увитой плющом, и видит, слышит, как ее предает любимый человек. Вся сцена идет под неумолкающее рыдание, прямо вопль Верочки; ее плач, крик смертельно раненной души, создает невероятное напряжение сцены... Через несколько мгновений Верочка вновь появится среди обитателей усадьбы. Она в том же платье, но перед нами другой человек. Ее волосы, только что поэтически распущенные по плечам, собраны в тугой пучок; от этого она очень повзрослела, даже постарела... Неожиданно осчастливленный жених, над которым все недавно смеялись, дождался своего часа.

Гордо поглядывая на окружающих, Большинцов торжественно подает ей руку, но Верочка спокойно проходит вперед; жених бежит за ней следом... Теперь Верочка заняла место Натальи Петровны в жизни, стала такой же... В ней растоптано все святое. Родился жестокий, бессердечный человек, который будет мстить всем и за все. И в этом виновато общество... Действующие лица расходятся, Наталья Петровна идет, как побитая собака, со сгорбленной спиной. Прогуливается, заложив руки в карманы, Ракитин, артист Ян Махульский лишил своего героя ореола страдальца или черт озлобленного неудачника: он мудр и ироничен; он не осуждает, не удивляется, понимая сложность и беспощадность жизни, так жестоко обошедшейся и с его любовью...

Наверное, спектакль спорен...

Ханушкевич говорит, что решал Тургенева через Чехова, смело разрушая представления об идилличности и замкнутости мира тургеневских героев, соединяя их в резких контрастных столкновениях. Мир усадьбы как бы взорван изнутри, и мы, зрители, оказываемся в полном смысле этого слова в центре бурлящих страстей. Спектакль звучит как протест против вседозволенности, бессердечного эгоизма, переступающего через чужие жизни. Трагедия Верочки стала глубоко современной.

Боль за судьбы людей, гибнущих от «освобожденной совести», призыв к ответственности — одна из важнейших тем творчества польских мастеров театра.

ЗА ПОБЕДУ!

Емкий и точный анализ событий, научный подход к оценке явлений военной истории, скрупулезность в отборе фактов сочетаются здесь с ярким описанием главных сражений минувшей войны, с впечатляющим показом массового героизма советских людей на фронте и в тылу.

«Великий подвиг» — так называется книга генерал-майора В. С. Рябова. Это второе издание популярного очерка истории Великой Отечественной войны, адресованного самой широкой читательской аудитории. Насыщенную живыми подробностями, воскрешающую множество славных имен, богато иллюстрированную книгу эту с интересом прочтут и молодой солдат, и вчерашний школьник, и сами участники грандиозных боев.

Последовательно, шаг за шагом рассказывает автор об основных вехах Великой Отечественной, знакомит с крупнейшими битвами и наступательными операциями Советской Армии, повествует об изгнании с родной земли немецко-фашистских захватчиков, об освобождении стран Восточной Европы, о разгроме империалистической Японии. Со страниц встает во всем величии бессмертный ратный подвиг солдат и офицеров, генералов и маршалов Советской Армии, сломавшей хребет фашистскому зверю.

Размышляя над причинами возникновения второй мировой войны, показывая во всех подробностях ход и масштабы гигантского противоборства с жестоким врагом, В. С. Рябов подчеркивает, что в нашей победе как бы синтезировались преимущества советского общественного и государственного строя, воплотилась могучая воля Коммунистической партии — руководящей и направляющей силы социалистического общества.

Быть достойными великой победы, укреплять мир, завоеванный такой дорогой ценой, отстаивать последовательную миролюбивую политику нашей партии, не забывая о постоянной военной угрозе со стороны империалистических государств,— вот в чем видит автор этой полезной книги главный смысл уроков истории, уроков Великой Отечественной войны.

Ю. ЛОПУСОВ

В. С. Рябов. Великий подвиг. М., Воениздат, 1975, 320 стр.

БАШКИРИЯ, ОТЧИЙ КРАЙ

Дороги, которые выбрал Рамиль Хакимов для своего путешествия, изъезжены вдоль и поперек. Да еще сама книга густо населена. Врачи, нефтяники, хлеборобы, шоферы, садоводы, металлурги, строители и даже дворники, банщики...

Обычные люди, представители совсем не героических и не очень возвышенных профессий, на ее страницах рассказывают о себе, и спорят с автором, и радуются возможности показать свою работу, высказать свою точку зрения.

Причем оказывается, что многие из них — добрые старые знакомые автора. Так что, можно сказать, писатель недурно устроился: навестил друзей-приятелей в разных концах республики и попутно написал книгу...

И все-таки я рекомендую прочитать книгу Рамиля Хакимова «На семи дорогах», выпущенную издательством «Советская Россия» в серии «В семье российской, братской», всем, кто хотел бы узнать, что такое сегодняшняя Башкирия.

Для меня, прожившего в республике не один десяток лет, чтение этой книги оказалось полезным и поучительным. Я вдруг обнаружил, что многое видел не так, а кое-что вообще проглядел. Это сначала вызвало досаду на себя, а потом — уважение к писателю, который ненавязчиво учит смотреть на привычное, открывая в нем неожиданное.

Есть один лукавый афоризм: «Чтобы написать хорошую книгу, нужно только взять перо, обмакнуть его в чернила и выложить душу на бумагу».

Автор это и делает. Он понимает, что за его душой стоят десятки людей, доверившихся ему. Он проявляет достойное внимание к деталям жизни и быта героев своего рассказа — здесь, как правило, слог его точен, тон сдержан, оценки выверены. В авторских же отступлениях писатель говорит более раскованно, не пугаясь самых высоких слов.

Охватывая широкий круг жизненных проблем, Р. Хакимов обнаруживает в книге эрудицию, точность позиции, умение правильно свести близкие и дальние перспективы в один фокус — фокус жизненной правды.

Р. Хакимов не скрывает своего восторженного отношения к людям, способным на трудовой подвиг.

«Надо пробовать и побеждать!» — говорит он убежденно. Таков девиз всех его героев. И о них эта хорошая книга.

Ю. ПОРОЙКОВ

Рамиль Хакимов. На семи дорогах. М., «Советская Россия», 1974, 224 стр.

ИЗ РЕЙСА В РЕЙС

« —...Скажите, ну что вас заставляет выбирать эту специальность? Начитались романов? Влечет романтика?

— Нет, не только. Читала я много о море, и это интересно, конечно...

— И это? А что же еще?

— Работа. Интересная работа».

Вот с такого диалога начался путь к морю капитана дальнего плавания Анны Ивановны Щетининой.

В двадцатые годы, когда центральные газеты публиковали призывы к женщинам осваивать мужские профессии, Аня Щетинина сдала экзамены и по конкурсу была принята в учебное заведение с далеко не поэтическим названием — «Владивостокский водный техникум путей сообщения», там-то и состоялся приведенный выше диалог.

На море, как во всякой трудной работе вообще, побеждает тот, кто знает, умеет, может. И потому Анне Ивановне Щетининой всегда казалась фальшивой и надуманной атмосфера сенсационности, которую часто создавали вокруг ее имени газеты: «Из газет я узнала, что я — первая в мире женщина-капитан, что я отважная дочь своего народа, и о многом еще я узнала из газет. Надо сказать, что все это для меня было непривычным. За десять лет моей работы на море никто никакой шумихи не поднимал. Работала я у себя на Дальнем Востоке, и никому не было дела до того, что я — женщина. А тут вдруг сразу открыли такое необычайное явление...»

Романтика пришла сама собой. Была работа на парусном судне в годы учебы. Было первое дальнее плавание в никогда прежде не виданных тропических морях. Были чужие земли, были встречи со множеством людей — иногда мимолетные, иногда перераставшие в многолетнюю дружбу.

Очень живо ощущается в книге драматизм истории: тревожная напряженность Германии 1935 года, деловитая и озабоченная дружелюбность Америки — нашей союзницы в борьбе против фашизма. Крайне скупо рассказывает Анна Ивановна Щетинина о своей работе на Балтике в грозное лето 1941 года, о дальневосточных перевозках в период Великой Отечественной войны — обыденном тыловом труде и в то же время такой работе, в применении к которой неуместны любые эпитеты, кроме четкого и однозначного — «героическая»...

Каждая книга среди множества людей выбирает своего читателя — такого, которому она не просто интересна, но и жизненно необходима. Я думаю, что в этом отношении книге Анны Ивановны Щетининой «На морях и за морями» повезло: она придет к читателю благодарному и настоящему.

Молодые, ищущие «делать жизнь с кого», найдут там для себя и совет, и предостережение, и напутствие, а некоторые с замиранием сердца угадают на ее страницах и свою будущую судьбу. И еще эту книгу прочтут люди, хорошо понимающие, что значит отлично выполненная трудная работа и честно, с полной самоотдачей прожитая жизнь,— прочтут, сверяя с собственной жизнью и узнавая в авторе единомышленника.

Эти люди умеют понимать и ценить друг друга. Такому взаимопониманию научила их работа, и, может быть, именно в этом состоит ее истинная романтика.

Л. ДЕРЮГИНА

Анна Щетинина. На морях и за морями. Владивосток, Дальневосточное кн. изд-во, 1974, 384 стр

ВСТРЕЧА С ТОМАСОМ ХОУВИНГОМ

Игорь ДОЛГОПОЛОВ,
заслуженный деятель
искусств РСФСР

Редакция журнала «Огонек» начинает в этом номере публикацию произведений с выставки «100 картин из Музея Метрополитен». Эта экспозиция, проходившая ранее в Государственном Эрмитаже, а ныне в залах Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина,— крупнейшее событие в художественной жизни нашей страны, являющееся результатом плодотворного сотрудничества между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки в области культурного обмена. Журнал продолжит публикацию картин с этой выставки, сопровождая их литературными материалами.

Он стоял в итальянском дворике Музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина в Москве. Шел вернисаж выставки «Сто картин из Музея Метрополитен». Он слушал речи, которые говорили взволнованные люди, глядел на алый стяг Советского Союза, на звездный флаг Соединенных Штатов Америки, смотрел в просветленные глаза зрителей и гостей, и чувствовалось, что это один из счастливых дней его жизни. Это был Томас Хоувинг, директор нью-йоркского Музея Метрополитен. Таким я увидел его в первый раз на открытии выставки.

Доктор Томас Хоувинг. Высокий, стройный человек. Лицо открытое, приветливое. Речь эмоциональна, наполнена образными сравнениями, насыщена юмором. Мы встретились с ним через день в Третьяковской галерее. Правда, это свидание состоялось несколько позднее, чем оно было назначено, так как до предела плотное расписание дня Хоувинга где-то претерпело изменение. Но, как иногда бывает в жизни, именно это опоздание доставило нам приятную неожиданность. Мы экспромтом попали на маленький прием, устроенный дирекцией Государственной Третьяковской галереи по поводу открытия юбилейной выставки художника Чюрлёниса. Нам посчастливилось услышать прекрасные слова, произнесенные в адрес этого замечательного литовского художника, композитора и поэта, сказанные его земляками, мастерами искусств Литвы, и гостеприимными хозяевами — москвичами. Был поднят особый тост за здоровье сестры художника — Валерии Чюрлёните. Я увидел слезы на ее сияющем от счастья лице.

Директор Государственной Третьяковской галереи Поликарп Иванович Лебедев сердечно приветствовал почетного гостя из Нью-Йорка, директора Музея Метрополитен доктора Томаса Хоувинга и предоставил ему слово.

— Послать выставку такого масштаба из Нью-Йорка в Москву,— сказал Томас Хоувинг,— пожалуй, самая большая радость, которую я получил за все время своей работы в Музее Метрополитен. Сегодня в стенах вашей знаменитой галереи мне доставляет особое удовольствие признаться, что Третьяковская галерея — одно из самых моих любимых собраний в мире. Начиная с 1967 года, бывая в Советском Союзе, я ни разу не упустил возможности посетить эту сокровищницу русского искусства. Я полон надежд, что нам удастся показать в Соединенных Штатах Америки крупную коллекцию шедевров из вашего собрания, и тогда сотни тысяч американцев сумеют познакомиться с поистине великолепным, значительным и прекрасным русским искусством.

Нам помогли в организации выставки Метрополитен в Москве господа Веласкес, Эль Греко, Вермеер, Франс Хальс, Ренуар, Мане,— сказал с улыбкой Хоувинг,— надеюсь, что господа Репин, Суриков, Валентин Серов, Левитан и Васнецов нам так же посодействуют в открытии экспозиции вашего искусства в Штатах.

Прием окончен. П. И. Лебедев и литовские художники приглашают гостя осмотреть выставку произведений Чюрлёниса.

Чюрлёнис... Мир поэзии, музыки, запечатленный в неповторимых по ритму, цвету, композиции холстах, полных какой-то тайны, ведомой лишь одному автору.

— Это неподражаемо тонко, изящно и, главное, ни на кого не похоже,— говорит Томас Хоувинг сопровождающему его литовскому художнику Константинасу Богданасу.

Залы выставки полны зрителей. Москвичи радушно принимают творчество замечательного литовского живописца, столетие со дня рождения которого отмечает вся наша страна.

Томас Хоувинг от души благодарит за то большое удовольствие, которое он получил от осмотра экспозиции произведений Чюрлёниса.

Медленно поднимаемся по ступеням. Глухо звучат шаги. Мы с Томасом Хоувингом и переводчицей Тоей Соколовой на втором этаже галереи.

— Когда я и мой друг, главный хранитель нашего Музея, в первый раз посетили Третьяковскую галерею в 1967 году, должен признаться, мы очень мало знали русское искусство. Скажу откровенно, мы были сражены наповал. Мы были потрясены. Настолько сильным, неожиданно ошеломляющим было впечатление от шедевров собрания Третьяковской галереи.

Проходим в зал, где экспонируются работы Виктора Васнецова. Мир русской старины, чудесных былин и сказок окружил нас.

— Васнецов истинно русский художник. Меня больше всего потрясает в его искусстве то, как он умеет раскрыть саму душу своего народа, широкую, смелую, добрую,— взволнованно говорит Хоувинг.— И он делает это убедительно и своеобразно. Васнецов знакомит нас с русскими сказаниями, в них раскрывает большую философскую глубину, мудрость, которая понятна и доступна всем народам мира. Васнецов — художник и драматург одновременно. Он умеет увлечь и пленить зрителя, его искусство мне бесконечно нравится.

Он смотрит на полотно «После побоища Игоря Святославича с половцами»...

— В этой картине,— продолжает Томас Хоувинг,— драма войны. Художник показал нам победу и поражение. В этом холсте все величественно и все... обыденно. Над полем боя парят птицы. Они ищут пищу и находят ее в изобилии. Ведь эти недавно жившие люди становятся добычей хищных птиц. В этой картине — глубокая правда... О, если бы можно было показать нашему зрителю «Богатырей»! Это великолепный холст, в нем огромное напряжение и опять необычайное умение драматурга — живописца Васнецова. Эти смелые воины ждут врага, они встретят его достойно. Меня потрясают их сказочные, былинные, чудесные кони. Они почти так же мудры, как люди, видите, как по-разному они ждут противника. Удивителен пейзаж картины. В нем ощущается приближение грозы. Я убежден, что искусство изумительного рисовальщика, живописца и драматурга Виктора Васнецова произвело бы

Франсиско Гойя. 1746—1828. МАХИ НА БАЛКОНЕ.

Музей Метрополитен. Нью-Йорк.

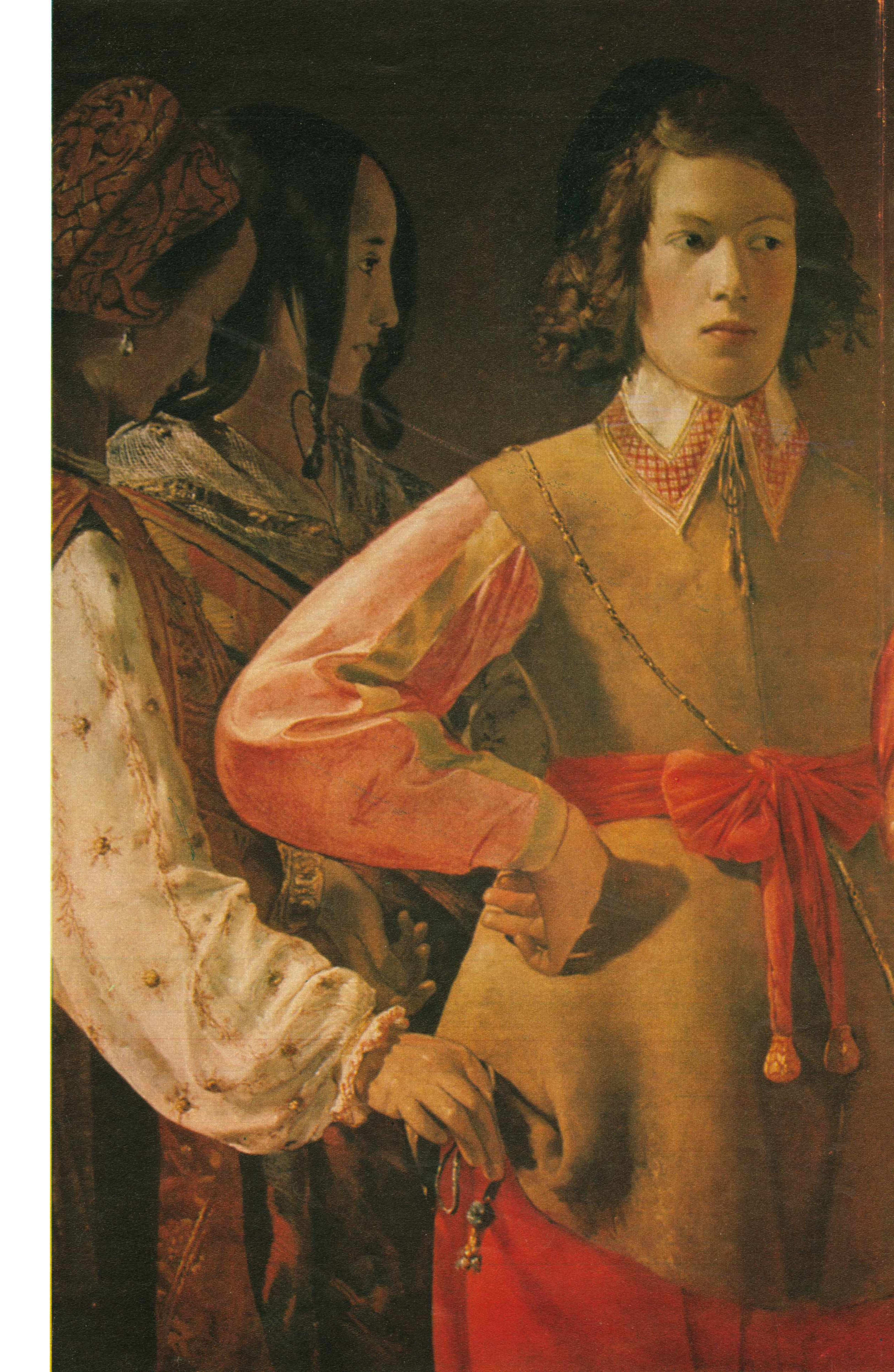

Эль Греко. 1541—1614. ВИД ТОЛЕДО. Около 1600. Музей Метрополитен. Нью-Йорк.

Франс Хальс 1581/1585—1666. МУЖСКОЙ ПОРТРЕТ.

Музей Метрополитен. Нью-Йорк.

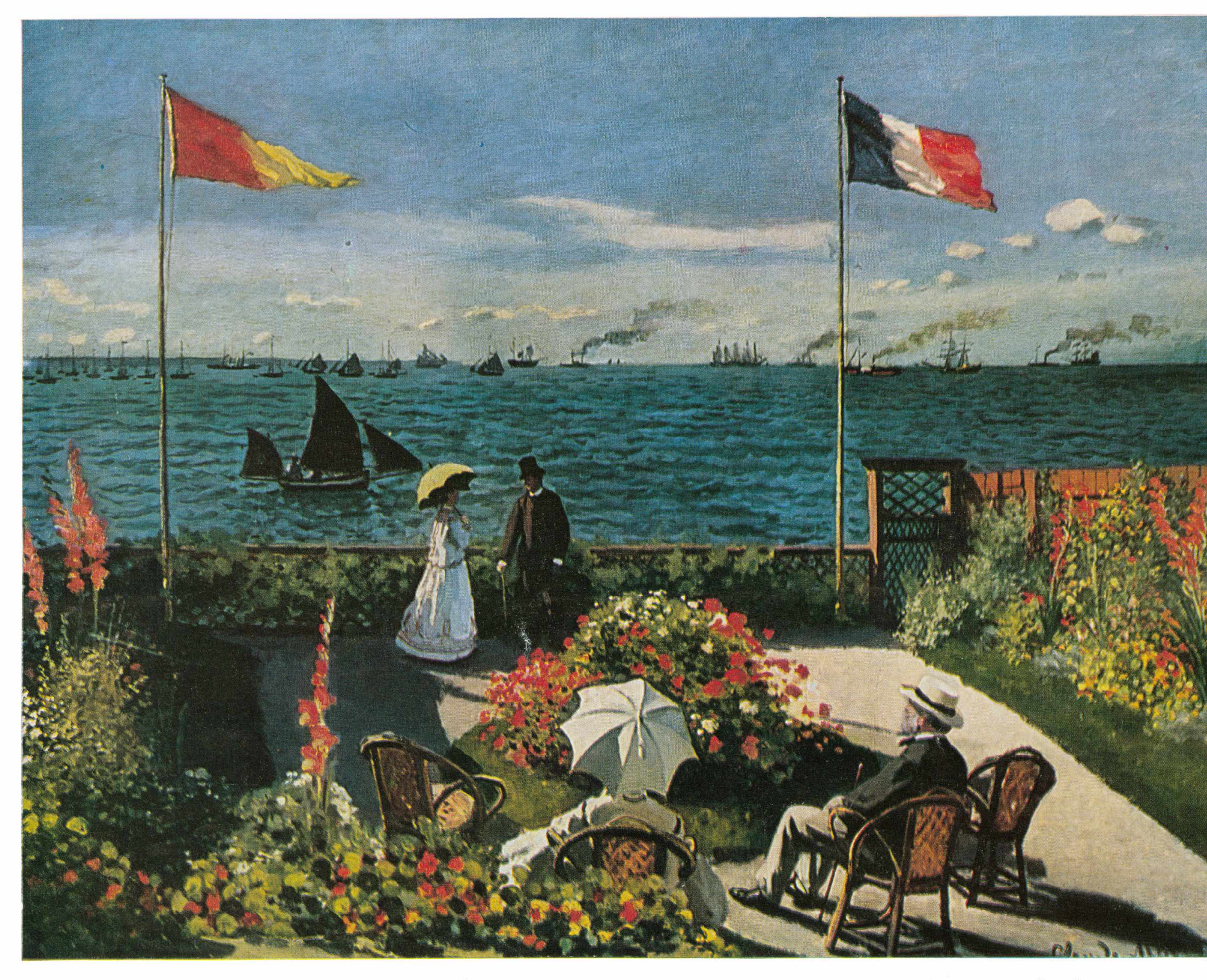

Жорж де Латур. 1593—1652. ГАДАЛКА.

Музей Метрополитен. Нью-Йорк.

Эдуард Мане. 1832—1883. ЖЕНЩИНА С ПОПУГАЕМ. 1866.

Музей Метрополитен. Нью-Йорк.

Клод Моне. 1840—1926. ТЕРРАСА В СЕНТ-АДРЕССЕ. 1866 или 1867.

Музей Метрополитен. Нью-Йорк.

Огюст Ренуар. 1841—1919. У МОРЯ. 1883. Музей Метрополитен. Нью-Йорк.

у нас в Штатах сенсацию. Мне понятно, как трудно расставаться, даже хоть на время, с такими жемчужинами, но мы будем просить наших советских друзей дать возможность американцам познакомиться с поразительным творчеством Виктора Васнецова.

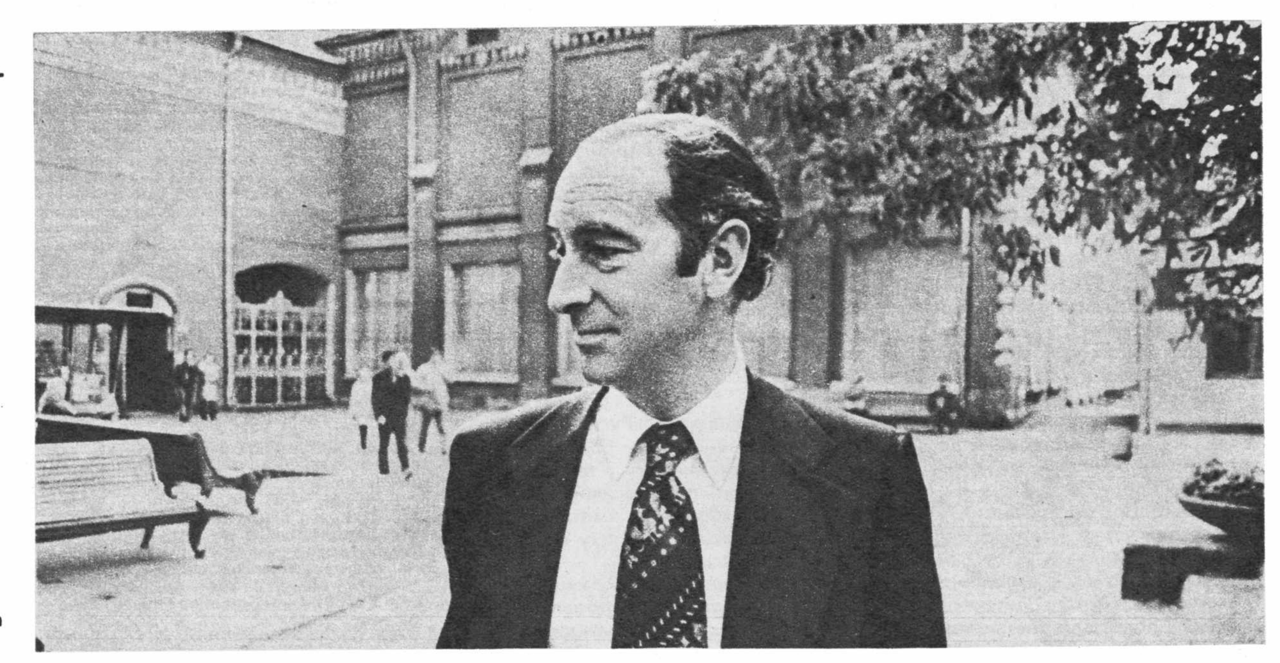
«Аленушка»...

— Это восхитительно и чарующе,— взволнованно промолвил Хоувинг.— Передо мной как бы оживает сама душа России. Будто слышу прекрасную музыку Мусоргского, Бородина, Римского-Корсакова, Игоря Стравинского. Вам известно, насколько любима в Соединенных Штатах русская музыка и каким успехом пользовались у нас всегда выступления русского балета, в которых мы чувствовали проявление богатства и красоты русской, советской культуры.

Зал Левитана. Широкие просторы Волги. Сверкающий мартовский снег. Золотое сияние осени. Вся радуга России, во всей непередаваемой красе, встает перед глазами.

— Левитан, «Владимирка»... Потрясающе! — говорит Хоувинг.— Это полотно — совершенство. Потому что в нем передана вся сложная, необычайно тонкая атмосфера пейзажа, все сердце художника. Сердце трепетное, любящее человека. В этом холсте я вижу величайшую духовность русского искусства, его гуманизм. Посмотрите на эту маленькую фигурку, шагающую по беспредельным просторам Руси. В ней раскрывается чья-то давно ушедшая жизнь, может быть, чья-то драма. Я вижу бесконечно долгую дорогу и множество маленьких дорожек и даже тропинок.

Хоувинг подходит совсем близко к холсту и показывает нам тонкую паутину тропок, убегающих к далекому горизонту.

Томас Хоувинг.

Фото В. Крохина

— Россия — огромная страна, которую невозможно сравнить ни с одной другой страной в мире. Колоссальны ее расстояния, широко, привольно раскинулись ее степи. И эта огромность, как пульс ее сердца, бьется в русской литературе — Толстой, Достоевский, Гоголь; в русской музыке — Бородин, Мусоргский, Чайковский; в русской живописи — Суриков, Васнецов, Репин, Левитан. Моя основная задача — сделать все возможное, чтобы американский зритель ближе узнал, познакомился с русской душой, русской природой. Я вижу теснейшую связь между прелестью, размахом, красотой русской природы и силой и глубиной русской музыки, литературы, живописи.

Когда я смотрю на пейзажи Левитана, то явственно слышу прекрасные мелодии Чайковского и Рахманинова. В его чудесных полотнах живет душа Чехова и Тургенева. Если в пейзажах Клода Моне я вижу иногда попытки несколько рационального анализа, то в русской пейзажной школе заложена очень важная черта, присущая всему русскому искусству,— человечность и духовность.

Мне хочется еще сказать вам о своей концепции по поводу происхождения той гармонии, которая свойственна всему русскому искусству. Я подразумеваю здесь влияние Византии, а значит и древнего античного искусства Греции. То есть истоки вашего искусства восходят к самой прекрасной поре мировой культуры.

Мы останавливаемся в зале Сурикова.

— Трудно передать вам, как я мечтаю показать полотна Сурикова в Америке. Это было бы откровением. Но, увы, как музейный работник и профессионал я понимаю, что транспортировка таких огромных холстов, как «Боярыня Морозова», «Утро стрелецкой казни», необычайно сложна, если хотите, почти невозможна. Но мы все же надеемся, что наши друзья позволят американскому зрителю познакомиться хотя бы с таким шедевром кисти Сурикова, как «Взятие снежного городка».

...Третьяковка полна зрителей. Люди всех возрастов, всех национальностей, буквально со всех концов нашей земли, приходят сюда, чтобы ближе узнать произведения русского искусства. Внезапно мы слышим английскую речь. Это большая группа английских студентов-туристов. Оживленные лица, сияющие молодые глаза. В них видна горячая увлеченность искусством.

Зал Репина.

— Репин — мой любимый художник,— говорит Хоувинг.— Я убежден, что он один из крупнейших художников XIX века, масштаб дарования которого далеко еще не изучен и не оценен ни в Европе, ни в Штатах. Если бы научиться так рисовать и писать, как Репин, то можно было бы тут же спокойно умереть!

Мы любуемся портретом Стрепетовой, который написан поистине с Хальсовской раскованностью. Смотрим на сверкающие этюды к «Государственному совету», поражающие своей непревзойденной маэстрией. Перед нами проходит «Крестный ход» — вся старая Русь.

— Репин — это Толстой в живописи! — произносит горячо Хоувинг.— В его картинах «Иван Грозный», «Не ждали», «Крестный ход» я чувствую необычайную глубину и проникновение в человеческие характеры. Я предвижу, что некоторые снобы морщат нос, но я должен сказать, что по мастерству и мощи Репин восходит к вершинам мировой живописи.

...Я записываю эти слова, и невольно мое сердце переполняется понятным чувством волнения. Ведь сколько претерпел Репин у нас, на своей родине, от этих самых «высоких ценителей», считавших Репина натуралистичным, «литературным» и повинным еще бог знает в каких грехах! Впрочем, в те бурные двадцатые годы пролеткультовцы и другие ниспровергатели традиций вместе с Репиным поносили Рафаэля и Рембрандта, Сурикова, Брюллова и многих других мастеров искусства.

— Никогда не забуду,— говорит с волнением Хоувинг,— когда я в 1967 году впервые увидел Репина. Вспоминаю, как на другой день специально вернулся, чтобы еще раз посмотреть на его незабываемую «Дуэль». Я не мог оторваться от лица человека, только что поразившего своего противника. Я смотрел в его глаза и видел в них раскаяние, ужас. Только великий живописец может проникнуть в такие бездны психологии и сделать это с таким покоряющим, виртуозным мастерством. Репин изучил все достижения импрессионизма, но по-своему претворил их. Он не потерял ни на йоту психологизма и человечности, свойственных русскому искусству. Взгляните на эту груду одежды, брошенной на траву. Это все ведь написано, как говорится, а ла прима, одним мазком. Нет, я еще и еще раз хочу сказать — это великолепная живопись.

— Обсуждая в Министерстве культуры Советского Союза программу обмена на много лет вперед, мне хочется предложить, чтобы хоть один или два холста Репина, Левитана, Валентина Серова, Сурикова, Васнецова можно было получить не на 50 или 75 дней, а на 5—6 лет, чтобы американцы могли познакомиться и изучить всю серьезность этого огромного и своеобразного, так мало исследованного искусства. Это могут быть полотна из необъятных запасников Третьяковской галереи или Русского музея. Поймите же, мы сегодня не можем купить ни Репина, ни Левитана, ни Сурикова, ни Серова. Кстати, мне хочется рассказать вам об одном случае. Нам повезло, мы приобрели на одном из аукционов пейзаж Куинджи за сравнительно небольшую сумму в 14 тысяч долларов. Ведь никто у нас не знал, кто он, этот Куинджи, какова его истинная цена? А когда разобрались, то все кинулись к нам и предлагали любые деньги...

Но вернемся к вопросу о долговременном обмене картинами наших музеев. Разумеется, наше предложение о долговременной экспозиции шедевров русской живописи не одностороннее. Мы готовы предоставить для экспозиции в советских музеях адекватные по ценности и качеству произведения американских или других художников, хранящиеся в Музее Метрополитен. Эта идея очень серьезна, и мне кажется, что она должна найти всяческую поддержку и у нас в Штатах, и, я

надеюсь, и у вас, в Советском Союзе. Представьте, Репин, Серов или Левитан в Музее Метрополитен не на месяц или два, а на пять лет! Это сделало бы очень многое для истинного взаимного изучения наших культур. Это, мне думается, будет отражением духа разрядки и дружбы!

— В мире искусства происходят сейчас интересные и поучительные явления,— говорит Хоувинг.— Даже абстракционисты понимают, что что-то происходит в мире. Даже они пытаются привести в гармонию сочетания цвета на своих полотнах. Не диссонансы, а гармония! Мне думается, что это лишь начало очень глубокого процесса...

...Я вспомнил свои недавние беседы с замечательными итальянскими художниками Джакомо Манцу и Ренато Гуттузо. Там, на итальянской земле, родине гениальных Леонардо, Микеланджело, Рафаэля, Тициана, мне особенно стало ясно величие искусства высокого Ренессанса и убожество современных модернистских опытов. Я спросил у Манцу и Гуттузо их мнение о перспективе развития современного искусства. Я услышал одинаковый ответ от этих столь разных крупнейших мастеров итальянской культуры:

— Человечество устало от ужасов, диссонансов, абстракций, цинизма. Души миллионов и миллионов сегодня стремятся к гармонии, к прекрасному. Естественно, этот сложный процесс находит свое отражение в искусстве. Конечно, это дело не одного дня, месяца, года. Но это неотвратимо!

Переводчица Тоя Соколова украдкой посмотрела на часы, и я представил себе день Томаса Хоувинга. День, расписанный по минутам. Ведь завтра утром он улетает в Штаты.

Я попросил Томаса Хоувинга поделиться своими впечатлениями о Москве и москвичах.

— Люблю Москву. За последние семь-восемь лет ваша столица очень изменилась. Вы неуклонно очищаете город, приводите его в порядок, стремитесь украсить новыми площадями, улицами, домами... Мне нравятся москвичи, их неистощимая жизнерадостность, юмор. Четыре года тому назад, а это было в середине декабря, стоял страшный холод. Но не было снега. Я спросил у одного москвича через переводчика: «Послушайте, а где ваш хваленый снег, знаменитые сугробы?» Он, смеясь, ответил: «Сегодня слишком тепло для снега!» Я считаю, что это великолепное чувство юмора — одно из прекрасных качеств москвичей, которое так счастливо дополняет их великолепные гостеприимство, хлебосольство и доброжелательность.

— И в эти дни, когда с таким успехом прошло открытие нашей выставки «Сто картин из Музея Метрополитен», я радуюсь, как, впрочем, радуются, наверное, все добрые люди нашей планеты тому, что осуществляется исконная мечта людей о дружбе, об обмене вечными человеческими духовными ценностями.

Мы проходим по залам советского отдела Третьяковской галереи. Останавливаемся у Петрова-Водкина. «Купание красного коня». Великолепен этот холст, в котором так ощущается могучее влияние старой русской живописи.

Томас Хоувинг говорит:

— Выставка, которую мы готовим, будет называться «Русское искусство от двенадцатого века до наших дней», и на ней будет особенно интересно проследить развитие пластики, преемственности традиций в вашей живописи. В этом смысле Петров-Водкин прекрасный пример жизненности этих традиций. Я уверен, что выставка будет иметь огромный успех у нас в Штатах, подобный феноменальному успеху выставки «скифского золота».

— Мне хочется вспомнить прекрасную картину вашего художника Дейнеки «Оборона Петрограда», которую я видел в Монреале. Это полотно покорило меня своим чеканным ритмом, в ней я увидел страницу истории, ставшую вечностью. Мы должны дать американцам возможность увидеть эти страницы истории, воплощенные в живописи, и поэтому я мечтаю показать нашему зрителю в Штатах картину И. Бродского «В. И. Ленин в Смольном».

Внезапно Томас Хоувинг останавливается и пристально глядит на двух молодых девчат, рассматривающих картины.

— Тоя,— обращается он к переводчице,— узнайте, откуда эти девушки.

— Мы из города Пинска, Брестской области, из Белоруссии. Студентки училища прикладного искусства. Приехали в Москву на экскурсию,— отвечают они.

— Вы очень похожи на мою дочь,— говорит Хоувинг одной из девчат.

Русая, веселая девчушка заливается румянцем и, взяв подругу под руку, исчезает.

— Мне очень нравится эта картина.— И Хоувинг показывает мне маленький холст художника Чуйкова «Дочь Советской Киргизии», где изображена милая, загорелая девушка, в алом платке, идущая по бескрайней степи.

«Весна» Пластова. И снова мы останавливаемся. И снова не оторвать глаз от этой правдивой картины из жизни русского села.

— Очаровательно. Все здесь очаровательно,— говорит Хоувинг.— Все, и эта курносая малышка, и заботливая мать, в снегопад укутывающая дочурку. В этой картине все тепло России. Вся прелесть доброй ее души.

Мы движемся к выходу. У самых дверей мраморная доска. На ней золотыми буквами — имена сотрудников Третьяковской галереи, погибших в Великую Отечественную войну.

— Как их много!— произносит Томас Хоувинг.

Мы молча стоим у мраморной доски.

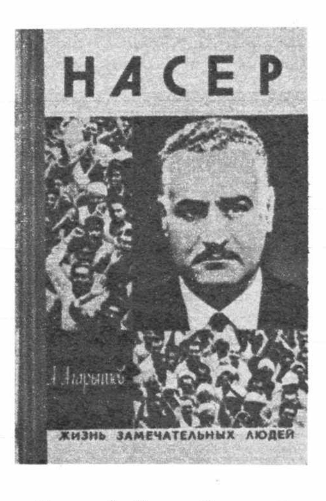
Двор Третьяковки. Последние погожие дни лета. Багряные листья шуршат по замше асфальта. В высоком чистом небе кувыркаются стаи голубей. Тишина московского вечера. Мир.

Мы прощаемся.

— До скорой встречи у вас в ноябре,— улыбаясь, говорит Хоувинг.

— До свидания,— отвечаю я.

ЖИЗНЬ И БОРЬБА НАСЕРА

«— Братья! На этой самой площади, которая носила раньше имя Мухаммеда Али, я еще мальчиком впервые принимал участие в антианглийской демонстрации.

На этой площади я впервые увидел, как били людей по головам, как египтяне стреляли по египтянам. Но я, как видите, жив и делаю все, чтобы наша родина стала свободной...

Люди, затаив дыхание, вслушивались в слова оратора. Внимание всех было приковано к балкону, и никто не заметил, как какой-то человек из первых рядов вытащил из кармана револьвер и выстрелил.

Насер, не услышавший выстрела, удивленно вскинул брови, когда на текст выступления посыпались осколки разбитой над его головой лампы. Но выстрелы последовали снова. Поняв, в чем дело, толпа загудела...

В эту минуту раздался громкий и властный голос:

— Оставаться всем на местах. Это говорю вам я, Гамаль Абдель Насер. Моя кровь — ваша кровь... Каждый из вас — Гамаль Абдель Насер. Если меня убьют, ничего не изменится, потому что вы продолжите борьбу...

...На магнитофонной пленке, сохранившей речь Насера, эти слова прерываются звуками выстрелов.

— Ради вас, ради ваших детей и внуков, египтяне, свершилась эта революция... Не от Гамаль Абдель Насера зависит судьба Египта. Она зависит от вашей борьбы.

— Клянемся тебе, клянемся тебе, Гамаль!— громогласно отвечала ему толпа».

За несколько минут Насер превратился в национального героя.

Эти драматические события произошли в Александрии в октябре 1954 года — спустя год после того, как самое древнее в мире монархическое государство стало самой юной республикой. Еще при жизни Гамаль Абдель Насера, внука крестьянина из деревни Бани-Мур, ставшего президентом независимого Египта, в кабинете которого и сегодня хранятся в переводе на арабский и английский работы классиков марксизма-ленинизма с его пометками, Оксфордский университет опубликовал статистические данные, убеждавшие, что президент Насер — один из самых популярных государственных деятелей в мире. К 1968 году о нем было выпущено 287 книг на семнадцати языках, а после его смерти их число многократно возросло.

Интерес к личности Насера заставил сотрудников специальных служб США изучать характер этого человека, его речи, манеру говорить и даже походку. Знатоки международной политики, психологи, разведчики и дипломаты в обстановке строгой секретности стремились создать «модель», которая вела бы себя точно так, как Насер, и помогла бы предвосхитить те или иные поступки этого прославленного лидера арабских стран. «Подогнать» под какой-либо шаблон Гамаль Абдель Насера не удалось, и не раз ставил он врагов в тупик своими неожиданными решениями. Так было, когда он закупил оружие для борьбы с Израилем у Чехословакии, когда произвел национализацию Суэцкого канала и когда в ответ на экономическую блокаду империалистических держав подписал с СССР соглашение о помощи в строительстве Асуанской плотины.

Западные биографы Насера все эти годы изображают национального героя египетского народа эдакой «сильной личностью» по западному образцу. И вот перед нами первая биография этого выдающегося политического деятеля стран арабского мира, написанная советским автором. Арабист, журналист-международник, долгие годы работавший в АРЕ в качестве корреспондента «Комсомольской правды», Анатолий Агарышев признается, что писать биографию Насера — трудное дело. Трудное потому, что еще не остыли, а напротив, ожесточились споры вокруг этого имени. Трудное потому, что жизнь этого человека — вечное движение, развитие, борьба.

Пора возмужания и зрелости Насера пришлась на конец сороковых годов. В этот период обострения борьбы между Англией и США за влияние на Ближнем Востоке сионисты, вступив в сговор с империалистическими державами, демагогически потребовав «возвращения» в Палестину, к горе Сион, в Иерусалим, спровоцировали арабские страны, и в их числе Египет, начать мобилизацию. Неподготовленная, брошенная правителями Египта в Синайской пустыне без связи и оружия, египетская армия потерпела поражение. В окопах Синайской пустыни 30-летний майор Насер и его товарищи впервые поняли, что арабские народы имеют одну судьбу и одного врага — империализм.

Шаг за шагом показывает Анатолий Агарышев борьбу Насера за независимость, за сплочение арабских народов. В книге он не только вождь революции, но мудрый политический деятель, дипломат, побеждавший в острых схватках таких матерых политиков, как государственный секретарь США Джон Фостер Даллес, министр иностранных дел Англии Иден.

«Когда я вспоминаю эти пятнадцать лет,— сказал однажды Гамаль Абдель Насер,— мне кажется, что мы смогли кое-что сделать... Революция дала возможность всем людям получить работу, в шесть раз увеличила наш национальный доход. У нас есть сейчас больницы и школы. Наши дети могут продолжать образование в зависимости от своих склонностей, а не благодаря положению, которое занимают их родители в обществе. Моя дочь, например, не смогла поступить в Каирский университет, потому что недобрала двух баллов. Но сын моего шофера прошел в университет по конкурсу».

Да, этот человек был предельно строг и честен к себе. Миллионы фунтов, которые слали ему в качестве пожертвований, он направлял в банк на счет под номером «один», и шли эти деньги на нужды Египта. Когда Насер умер, на этом счету было два с половиной миллиона фунтов, а на личном счету президента лежало всего 610 фунтов.

Изданная в серии «Жизнь замечательных людей», книга о Насере, безусловно, обратит внимание самого широкого читателя и ни в коем случае не оставит его равнодушным. Написанная живо, с привлечением разнообразных документальных материалов, а также большого числа редких фотографий, книга эта отличается глубиной исследования не только пути в революцию Гамаль Абдель Насера, но и египетского национально-освободительного движения во всем его многообразии, сложности и противоречивости.

«Мы хотим быть все ближе и ближе к Советскому Союзу... Мы прекрасно понимаем, что, не будь поддержки Советского Союза, ОАР не могла бы решить ни одной сложной задачи, как экономической, так и политической...»

С этих слов, сказанных Насером в 1962 году советским журналистам, приступает читатель к знакомству с его жизнью. Перевернув последнюю страницу книги, остается в убеждении: да, Гамаль Абдель Насер был искренним и большим другом нашего народа, нашей страны.

Новелла ЦВЕТКОВА

А. Агарышев. Гамаль Абдель Насер. М., «Молодая гвардия», 1975, 192 стр

Юлиан СЕМЕНОВ

РОМАН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

Третья карта

КУРТ ШТРАММ (II)

Седой штандартенфюрер вызывал Курта уже пятый раз. Сначала он говорил о том, что в его же, Курта, интересах развеять павшее на него трагическое подозрение.

— Человек, с которым вы встречались,— вы знаете, о ком я говорю,— связан в Швейцарии с красными. Это факт, который мы установили со всей непреложностью. Объясните мне, где и как вы с ним познакомились, только об этом я вас прошу.

Курт молчал. Он ненавидел себя за это молчание, ибо понимал, что продиктовано оно иллюзиями, которые он считал изжитыми. Он понимал, что надо броситься на этого седого эсэсовца с юным, без единой морщинки лицом, и тогда придут семеро его помощников, которых он так свободно называл «свиньями» и «палачами», и все будет быстро закончено. Но в Курте еще не было сил ускорить конец, в нем была лишь сила принять его.

— Поймите,— продолжал штандартенфюрер,— вас бы никто не арестовал или, наоборот, гильотинировали бы уже, не будь вы тем, кем были. Вы дружили с семьей генерала Шернера, с семьей генерала Вицлебена, с Гуго Шульцем, работающим в секретном отделе экономических исследований при министерстве авиации, с семьей графа Боден-Граузе, который собирает у себя дома многих видных и уважаемых людей из министерства иностранных дел. Что вы хотите, у нас в гестапо есть люди, страдающие манией подозрительности. Такова уж профессия, ничего не поделаешь. Я должен их успокоить.-Он улыбнулся грустной улыбкой, очень красившей его лицо.— А успокоить их я могу, получив от вас формальные хотя бы объяснения, и ваше дело будет закрыто, а вы вернетесь к своей службе. Мы не сообщали никому о вашем аресте. Впрочем, вы даже и не арестованы: ордера нет, его никто не решится утвердить, потому что тогда надо бросить тень подозрения на слишком многих заслуженных людей рейха.

— Вы напрасно все это затеяли,— ответил Курт.— Я не буду вам ничего объяснять.

— Вам придется мне объяснить. И не все, а лишь где, когда и зачем вы познакомились с господином из Швейцарии.

Курт отрицательно покачал головой.

— Это все,— сказал он.— Я не считаю себя преступником. Так что скорее заканчивайте формальности, штандартенфюрер.

— Если вы не считаете себя преступником, так позвольте мне убедить в этом мое начальство. Я вас тоже не считаю преступником.

— Это все,— повторил Курт.

— Нет, не все. Вы же служили, Штрамм, и вы прекрасно понимаете, что поручение, данное вам руководством, обязано быть выполненным. Я получил поручение. И я выполню его. Я получил поручение доказать вашу честность. Я убежден в случайности ваших встреч с врагами. Но вас могли подвести те, которые желают нам горя. Вот я и докопаюсь до того, кто хотел сделать из вас преступника. Или докопаюсь до случайности и докажу причины этой случайности, ибо ничто так не причинно, как случайность. Я ведь не тороплю вас. Но в случае, если вы станете продолжать упорствовать, я...

— Прикажете вогнать мне иглы под ногти?— не выдержал Курт.

— Ни в коем случае. Я буду вынужден вызвать на допросы ваших друзей: господина Гуго Шульца, господина Эгона фон дер Бре-ма, графиню Ингрид Боден-Граузе, и они наверняка помогут мне установить правду.

«Вот оно, самое страшное,— подумал Курт,— это страшнее иголок, каблуков, карцера. Самое страшное — это когда ты чувствуешь беззащитность моральную, а не физическую».

* * *

«Совершенно секретно.
IV отдел РСХА.
Сектор по борьбе с подпольем в Германии.

В целях продолжения работы с арестованным Куртом Штраммом прошу установить наблюдение, включая прослушивание телефонных разговоров, за его ближайшими друзьями: экономическим советником министерства авиации Гуго Шульцем, бароном Эгоном фон дер Бремом и журналисткой, графиней Ингрид Боден-Граузе. Фотографии прилагаются.

Начальник сектора
СС штандартенфюрер Беккер.

Согласен. Прошу поддержать просьбу Беккера.
СС бригадефюрер Мюллер.

Не возражаю.
Гейдрих.

О наружном наблюдении за экономическим советником министерства авиации Гуго Шульцем рейхсмаршалу Герингу не сообщать.
Гиммлер».

И БУДЕТ ДЕНЬ, И БУДЕТ ПИЩА

Солнце пробивалось сквозь жалюзи ровными полосами лучей, по цвету похожими на расплавленную сталь. Черные тени безжалостно резали ковер, серебряные туфельки на тонком каблуке, атласное кресло, на которое брошены были синее газовое платье, пачка сигарет и книга, раскрытая рукой человека, любящего читать и читать умеющего: корешок не был смят, и в том, как была раскрыта книга, не чувствовалось насилия над вещью.

Ингрид долго смотрела на жестокую белизну стальных линий, которые разрезали ее спальню. Она слышала голос садовника Карла: он уже давно подстригал газоны в парке; наверное, он начал подстригать их вскоре после того, как Ингрид вернулась с приема у шведского посла. Только раньше Карл старался работать тихо, чтобы не будить дочь графа, а теперь, по его разумению, спать было грешно, потому что солнце уже в зените, и горничная (кажется, это был голос Эммы) звала садовника на второй завтрак.

Ингрид включила радио. Диктор читал последние известия: фюрер сдал в фонд обороны рейха медные ворота рейхсканцелярии. По всей Германии проходит кампания, провозглашенная рейхсмаршалом Герингом: сбор металла для победы над англо-еврейскими банкирами. Укрепляются экономические связи с Россией. Премьер Франции Пьер Лаваль принял германского посла и имел с ним дружескую и откровенную беседу по вопросам дальнейшего развития отношений между рейхом и Францией. Выступая на митинге в Загребе, поглавник «независимой державы Хорватской» Анте Павелич заявил, что новый порядок в Европе несет всем народам истинную свободу, которую гарантируют гений фюрера и дуче, мощь их великих армий, доказавших свое мужество и несокрушимую силу в боях против плутократов. Температура в Берлине плюс двадцать три градуса, ветер юго-западный, умеренный, к вечеру возможна гроза.

Ингрид поднялась, внимательно осмотрела себя в громадном зеркале, вмонтированном в стену спальни: когда была жива мама, к девочке приглашали балетмейстеров из Берлинского театра оперы, и только два года назад Ингрид попросила шофера снять шедший вдоль зеркала станок, за который она держалась, отрабатывая балетные позиции.

Ванная комната была отделана серыми мраморными плитами, и однажды Ингрид пошутила: «Папа, я чувствую себя в моем бассейне, будто в нашем фамильном склепе».

В воду, казавшуюся зеленой оттого, что мрамор был именно такого цвета, Ингрид налила хвойного экстракта; вода потемнела, сделалась темно-желтой, и запахло лесом, далеким, не здешним, а баварским, куда семья Боден-Граузе уезжала на все лето. Но после того, как под Варшавой погибли два сына графа, братья Ингрид, а мать не перенеся горя, умерла, дочь и отец ни разу не покидали Берлин.

Узнав о гибели сыновей, граф сказал:

— Это отмщение за мою пассивность. Нельзя просто болтать о тупости ефрейтора, против него надо было сражаться. Я повинен во всем. Мне нет прощения.

Он сказал это спокойно, так спокойно, как редко говорил дома, и Ингрид больше всего испугало это оцепенелое спокойствие отца. Она любила его больше всех в семье, и она не ошиблась, почувствовав нечто к о н е ч н о е в словах отца. Он действительно решил уйти к сыновьям и даже наметил точную дату: сра-

зу же после того, как закончит необходимые формальности, вызовет управляющих из померанских и баварских имений, составит завещание и встретится с теми своими друзьями, которые смогут оказывать покровительство жене и дочери в том случае, если им придется сталкиваться с представителями власти «ефрейтора».

Но когда мать Ингрид умерла от разрыва сердца, не перенеся гибели мальчиков, граф — так же методически и рационально — отменил свое решение о самоубийстве до той поры, пока Ингрид не выйдет замуж. Пригласив дочь, он сказал ей:

— Поскольку ты рождена аристократкой, Ингрид, мне нет нужды повторять очевидное: только нуворишам, дорвавшимся до богатств, кажется, что им все можно. Ты воспитывалась в роскоши с детства, это было привычным, но я всегда старался внушить тебе, что истинному аристократу дозволено очень немногое. Мальчикам можно было остаться в Берлине, но закон нашей родовой чести не позволил им сделать этого, и они пошли на фронт и погибли, как другие немцы. Я бы не гневил господа, если бы они умерли во имя торжества Германии. Но они умерли во имя гибели Германии, и поэтому я хочу поделиться с тобой кое-какими соображениями.

Голос отца был сух и лишен каких-либо эмоций; волнение старика можно было угадать лишь по тому, как он то и дело ровнял длинными своими пальцами листки бумаги, сложенные в стопку.

— Я помню твое увлечение Кантом,— продолжал Боден-Граузе.— В юности все должны пройти через это. Считать себя, то есть субъект, первоосновой бытия, который фактом своего рождения порождает этот мир, замечательно и мудро. Но время Канта кончилось. Во всяком случае, на тот период, пока на нашей родине безумствует ефрейтор. Всем будет навязан кошмар. Каждому немцу,— повторил старый граф,— уготован кошмар, какого еще не было в истории человечества. Если бы, однако, я считал этот кошмар преходящим, если бы он был подобен инквизиции — добрые цели при вандализме их достижения,— я бы смирился, Ингрид. Государством можно управлять только в том случае — особенно в наш век аэропланов, танкеток, метрополитенов,— если человек, взявший на себя бремя управления, подготовлен к этому сложному, мучительному, испепеляющему творчеству. Извини, что я говорю так длинно, я несколько взволнован.

Ингрид никогда еще не видела отца таким. Она положила свою широкую, теплую ладонь на его длинные пальцы, и губы отца на какое-то мгновение дрогнули, что-то сделалось с лицом, но это было только на миг. Он продолжал обычным, скрипучим, размеренным голосом:

— Можно принять крест и незаслуженную муку, если веришь, что твоя безвинная смерть принесет пользу делу соплеменников. Легко смириться с лишениями, которые обрушились на тебя и твою семью, если ты убежден, что лишения эти продиктованы целесообразностью и логикой. Но если ты видишь, что страной правит банда, лишенная знаний, лишенная понимания истории, лишенная моральных устоев, правит по законам бандитской шайки, тогда терпение становится актом подлости. Нам, Боден-Граузе, дозволено немногое, ибо наше состояние позволяет нам всё. Так вот, нам более не дозволено терпеть. Кажущаяся сила ефрейтора, кажущееся его торжество чревато таким страшным отмщением, которое уничтожит не его — государство; не их шайку — германский народ. К сожалению, единственная сила, которая сможет противостоять ефрейтору, находится не на западе, а на востоке. Год назад умные люди говорили со мной о действиях. Это было до начала польской кампании, но я тогда верил, что запад сломит выскочку. Я отказался продолжать разговор, потому что вели его люди с востока. Нет, нет, они нашего круга, это немцы,— пояснил граф, заметив в глазах дочери испуг.— Сейчас я исправил свою прежнюю ошибку... Нет, не ошибку... Я сейчас попытался искупить свою вину... Хотя вина перед прошлым не может быть искуплена. Это подобно тавру, это вечно. Словом, если со мной что-нибудь случится, я хочу, чтобы ты знала те мотивы, которые подвели меня к действиям.

— Если с нами что-нибудь случится,— поправила Ингрид.

— Тебя они не тронут. Я перевел на тебя половину имущества, и тебе предстоит порвать со мной: сейчас дети часто рвут с родителями. Предлог я тебе подскажу, посоветовавшись с моими новыми коллегами.

— Ты меня неверно понял, папа. Я не буду бездействовать. Ты прав, нам, людям нашего круга, дозволено слишком мало, чтобы я могла наблюдать твою борьбу и всеобщую покорную тупость.

...Ингрид опустилась в ванну, в белую, пушистую пену, которая скрывала под собой темно-бурую воду, и пена была похожа на ту, которая крутится над водоворотами в их речке в Баварии, только там иногда в такую же пену попадала ветка или распластанный лист бука, и они вдруг начинали вертеться и исчезали, затянутые в таинственную пучину страшной силой.

Наблюдая за водоворотами, там, в Баварии, Ингрид впервые задумалась над тем, почему сила истинная, могучая, обычно не видна, не фиксируется глазом, являясь одной из высших тайн бытия.

Она внимательно присматривалась к людям ее круга, к мужчинам таких же, как и она, фамилий. Они казались ей лишенными истинной силы. В них все было внешним: ловкость, достоинство, юмор, снисходительность. Но в них не было того, что, как казалось Ингрид, отличает истинного мужчину: в них не было двух чувств — вины и постоянного сострадания к окружающим, что и составляет в конечном счете силу. Считая себя дворянами, продолжателями истинно аристократического прусского духа, мужчины ее круга старались во всем походить друг на друга и не понимали, что этим самым они невольно разрушали свое личностное начало. С детства, видимо, под влиянием отца, Ингрид отстаивала свое право быть именно Ингрид Боден-Граузе, и никем другим она быть не желала. Она не хотела брать, ей, наоборот, хотелось отдавать частичку своего «я» окружающим, но это должна быть она, только она, а не какая-то часть обезличенного кастового «мы».

Без того девичьего трепета, который так сентиментально воспевался в мещанских фильмах гитлеровского кинематографа, она пришла в холостой, неряшливый дом Томаса Шарре, испытателя самолетов на заводе «Фокке-Вульф», и осталась у него, и потом часто оставалась у него — это было ее право распоряжаться собой, и она никому это право отдать не хотела. Когда Томас предложил обручиться, она отказалась:

— Милый, неравенство уровней, пока оно существует, не позволит нам быть счастливыми мужем и женой. И потом я терпеть не могу слово «супружество». Оно противно слову «любовь».

— Мне казалось, это нужно тебе,— сказал Томас.

— Почему?— Она пожала острыми мальчишескими плечами.— Существующему неравенству надо противопоставлять личное равенство, надо чувствовать себя свободным, только тогда мы сможем любить друг друга.

Томас разбился, выполняя мертвую петлю в ущелье — надо было проверить устойчивость нового истребителя в условиях горной местности. Ингрид тогда впервые напилась: она пила рюмку за рюмкой и перед тем, как упасть, ощутила тепло и увидела над собой доброе лицо Томаса. Она почему-то услыхала его слова; он сказал их за неделю до гибели:

— Только свободный может любить, говоришь ты? Но свободный имеет свободу выбора, замены, поисков. Значит, я волен завтра полюбить другую?

— Ты не сможешь полюбить другую, потому что знаешь, как я люблю тебя,— ответила тогда Ингрид.— Но ты можешь привести другую к себе и оставить ее на ночь, и эта свобода выбора еще больше привяжет тебя ко мне — так что лучше без нужды, пока ты любишь меня, не ищи.

— А ты? Ты бы смогла?

— Конечно,— ответила тогда Ингрид, и, вспомнив растерянного Томаса, от которого потом осталась только обгоревшая кисть с часами, продолжавшими тикать, она заплакала громко, навзрыд, неутешно, а потом провалилась в долгое и тяжелое забытье.

...Ингрид растерлась докрасна жестким полотенцем, оделась и вышла в столовую.

— Эмма,— позвала она горничную,— принесите мне кофе, пожалуйста.

Горничная принесла тостики, джем и черный кофе в высоком серебряном кофейнике.

— Граф у себя?

— Граф уехал. Он ждал вас к завтраку, но потом понял, что вы поздно вернулись, и выпил свой кофе один.

— Как он себя чувствовал?

— Он улыбнулся мне и сказал, что погода обещает быть хорошей.

— Лицо у него было не очень отечным?

— О нет! Он выглядел, как обычно.

— Попросите, пожалуйста, заправить мой автомобиль, я уезжаю в редакцию.

— Машина уже заправлена.

— Поблагодарите шофера, пожалуйста. Да, справьтесь у секретаря: Курт Штрамм не звонил?

Горничная вернулась через минуту:

— В ее записях имени герра Курта Штрамма нет.

— Хорошо. Спасибо.

Подумав о Курте Штрамме, она почувствовала нежность. После того, как погибли братья, Ингрид перенесла на него часть своей любви к мальчикам.

«Какой он нежный,— часто думала Ингрид,— вроде девушки, и ямочки на щеках, как у девушки, и краснеет так же, и обидчив не помальчишески. Но он очень чистый и верный — он никогда не лгал, даже в мелочи».

Она была против того, чтобы вовлекать в борьбу Курта Штрамма. Ингрид считала, что борьбу может выдержать тот, кто готов потерять. Такого рода готовность появляется у тех, кто много прожил и понял скуку жизни, если смысл ее сводится только к еде, сну и дозированным часам службы.

А Курт Штрамм был слишком молод и постоянно счастлив. Он еще не подготовлен к возможному исходу, считала Ингрид. А может, в глубине души она жалела юношу — она-то знала точно, что ее ждет, и была готова к тому страшному, на что она счастливо, облегченно и всецело обрекла себя.

...Впервые встретившись с Гуго Шульцем, который стал потом руководителем, Ингрид сказала ему, что готова делать лишь то, что не входит в противоречие с ее понятием чести и достоинства. «И еще,— добавила она,— я не умею выполнять чужую волю. Я должна понять и лишь тогда смогу делать». «Вы правы,— ответил Гуго.— Я тоже прошел через это и не призываю вас к изживанию врожденной чувствительности, понимая, как надо ценить это истинно аристократическое чувство. Но чтобы вы смогли приносить пользу, пожалуйста, согласитесь на предложение одного из наших женских журналов — мы сделаем так, что к вам обратятся сразу несколько,— поработать у них, поездить по Германии и сопредельным странам, написать для них кое-что. Эту просьбу вы сможете выполнить?»

Ингрид вскоре уехала в Гамбург и там, как и посоветовал Гуго, поселилась не в «Империале» и не в «Кайзерхофе», а в маленьком портовом пансионате с холодным туалетом в конце коридора. Это было началом ее «легенды». Ей предстояло — по замыслу одного из руководителей христианского подполья, связанного с Москвой,— стать особо доверенной связной. Значит, надо было, во-первых, приучить гестапо к тому, что графиня Ингрид Боден-Граузе любит разъезжать по стране и не лишена чудачеств (скорее всего там предположат «сексуальную» неуравновешенность аристократки, которая во время своих поездок живет в трущобах), а во-вторых, такого рода поездки позволят Ингрид выйти из рамок касты по-настоящему, не духом — духом она никогда не была в касте,— а знанием иной жизни, забот и интересов других людей.

...Ингрид вышла в сад: большая стеклянная дверь была распахнута, и ветер осторожно играл шторами. Ингрид опустилась в большую качалку и, закрыв глаза, слушала, как тяжело, словно бомбовозы, гудят шмели вокруг громадной клумбы, обсаженной желтыми розами.

...Первый раз Гуго отчитал ее за то, что Ингрид посмела написать о судьбе двух маленьких девочек, которые жили с больной матерью-уборщицей в ресторане. Девочки приходили на кухню, и мать отдавала им свою порцию супа. Сердобольный повар подкладывал девочкам по куску мяса. Однажды это увидел метрдотель и донес хозяину, который немедленно рассчитал уборщицу. У несчастной открылся туберкулез, и ее положили в больницу. Ингрид написала об этой трагедии для журнала. Репортаж ее не был, естественно, напечатан, потому что вмешалась цензура, но девочек взяли в приют. Редактор с тех пор стала странно смотреть на Ингрид, которая «делает столь скоропалительные выводы из частного случая».

...По дороге в редакцию Ингрид заехала в тот дом, куда изредка наведывался Гуго: являясь ответственным работником министерства авиации, он не был связан во времени и обычно завтракал в обществе друзей, либо в каком-нибудь маленьком ресторанчике, либо в тихих особняках на Ванзее. Встречи с Ингрид в этих аристократических домах были понятны и ни у кого подозрений вызвать не могли.

Однажды Гуго приехал сюда с офицером СС из свиты Гейдриха; он не предупредил друзей, что привезет эсэсовца, и пожалел об этом, потому что Ингрид, Курт и Эгон, как и два других человека, собравшиеся за столом, не смогли скрыть страха.

Гуго потом посоветовал Ингрид: «Если эсэсовец пригласит вас в машину, любой эсэсовец, шутливо попросите его показать ордер на арест; они любят, когда их боятся, и в том, как он вам ответит, вы прочитаете человека, его суть».

Сегодня Гуго был в особняке один. Он рассеянно предложил Ингрид кофе; не дослушав даже ее отказа, налил себе, пролив две капли на скрипучую от крахмала скатерть, и сказал:

— Через несколько дней начнется война с Россией.

— Этого не может быть...

— Вам надо завтра выехать в Краков. Вас попросят об этом в редакции. Тема: забота национал-социализма о детях — жертвах войны; в Кракове открыт приют для осиротевших украинских младенцев. Встретитесь там с человеком. Выше среднего роста, в сером костюме, со значком члена НСДАП в петлице.— И Гуго открыл альбом с фотографиями Кракова и ткнул пальцем в мост через реку.— Здесь. В восемь часов вечера, возле первой скамейки справа. То есть вот тут.— И он снова ткнул пальцем в едва заметную на фото скамейку.— Человека вы не знаете. По легенде вы Магда, учительница из Ростока. Договоритесь с ним о формах связи.

— На вас нет лица, Гуго...

— А вы думаете, на вас оно есть?— ответил Гуго жестко и даже, как показалось женщине, зло.— На ком сейчас есть лицо? На ком?! Мы были обезличены с тридцать третьего года, но то хоть были маски жизни, шутовские, ничтожные, смеющиеся, а все-таки жизни! Сейчас на каждом из нас маска смерти! Простите,— оборвал он себя.— Простите, Ингрид. Пожалуйста, будьте в Кракове осторожны: это прифронтовая зона. И еще: воспользуйтесь советом Геринга — «сердитесь, сохраняя улыбку». Я не знаю человека, к которому вы едете. Я не знаю, кто это. Понимаете? Поэтому я очень за вас волнуюсь... И перекрасьте ваши черные волосы в белые — для провинции вы не есть эталон арийки... Свяжитесь с Куртом Штраммом, он бывал в Кракове до войны, катался на лыжах в Закопане...

— Я не могу с ним связаться уже третий день,— ответила Ингрид.

Гуго приподнялся со стула и, словно переломившись, потянулся к Ингрид:

— Он не звонил со вторника?!

— Да.

— Вы искали его, и он не отвечал?

— Да. Что-нибудь случилось?

Гуго непонимающе взглянул на Ингрид, закурил, зажал между пальцами ложечку, согнул ее и только потом ответил:

— Нет. Ничего не случилось... После того, как возьмете билет на Краков, возвращайтесь сюда — я сам отвезу вас, но не на вокзал, а на одну из пригородных станций.

— Вы хотите посмотреть, не следят ли?

— Да,— медленно ответил Гуго.— Неужели вы были правы, когда не советовали привлекать Курта? Действительно, он ведь еще дитя... У меня в ванной есть краска для волос — сами что-нибудь сможете сделать или нужен парикмахер?

МИКОЛА, СЫН СТЕПАНА

Сюда, в Нойхаузен, под Бреслау, зимой сорок первого, в длинный, давно нежилой фольварк с особенным, немецким, хоть и крестьянским запахом, ночами, в крытых грузовиках, на бортах которых свежей масляной краской было написано жирно «Обст унд гемюзе», из Кракова, Варшавы и Люблина привозили эти самые «овощи и фрукты» — кулацких сынков, отобранных бандеровскими вербовщиками, пропагандистами и громилами из «службы безпеки» на землях генерал-губернаторства. Привозили их сюда, расселяли на втором этаже, подальше от окон, повыше от чужих взглядов, заводили в кабинет со стеклами, замазанными зубным порошком, на беседу с Романом Шухевичем и герром Теодором Оберлендером, который хоть и говорил не по-украински, а на москальском наречии, но понять его было можно, потому как слова он произносил певуче, медленно и глядел добро, с открытой, а не надменно снисходительной симпатией. Потом парням выдавали немецкую форму, но не военную, а «трудового фронта», вручали каждому тупорылый автомат, запас патронов и везли в «овощных» крытых машинах на стрельбище. Там инструкторы, говорившие кто на украинском, кто на чешском, русском или хорватском, обучали парней стрелять «от живота», с ходу, падая на колено, из-за укрытия; бить ножом растопыренное, по-человечески тугое чучело; учили схватываться друг с другом, рвать руку из плеча, заламывать кисть, ударять «промеж глаз», находить «темечко» для того, чтобы противника повалить в моментальное беспамятство.

Большая часть этих парней уже прошла военную подготовку в группах ОУН. После разгрома Польши эти ячейки были созданы во многих районах генерал-губернаторства, получали от новых властей помощь: им давали помещения, инвентарь, соответствующую литературу и определенную субсидию. Вообще-то новая власть деньгами не швырялась, но все же платила больше, чем русским эмигрантам. (Те получали крохи, кое-как сводили концы с концами: шеф «Национального союза русской молодежи» получал от гестапо 15 тысяч злотых в месяц, руководитель РОВС генерал Ерохин — столько же, и лишь Буланов, главарь «Русского национально-политического комитета», вошел в контакт с министерством пропаганды, и Геббельс отвалил ему тридцать тысяч — как-никак, организация побогаче, чем гестапо, да и потом Буланов пропагандой занимался, за нее всегда дороже платят, чем за простое доносительство.) Молодым оуновцам сообщили об этом факте, пояснив, что на них, на бойцов Степана Бандеры, смотрят иначе, чем на здешних москалей,— в этом знак, который только дурак не поймет.

Но среди подготовленных оуновцев оказались и совсем молодые — немец потребовал цифру, они до цифры охочи: восемьсот человек должны быть откомандированы в батальон «Нахтигаль», что по-русски значит «соловей». Семьсот человек были уже проверены в д е л е. Среди ста других, которые отличались от остальных людей планеты тем разве, что говорили по-украински, радовались «рушнику» и жили в мазанках, а не в коттеджах, избах или бунгало, оказался Микола, сын Степана Шаповала, крестьянина, бедолаги, который, когда пришли Советы на западные украинские земли, был, на беду, в генерал-губернаторстве, и землишка его была распахана, расчищена граблями, и на ней поставили пограничные столбы, опутали проводами и пропустили через них электрический ток: корова дотронется — бьет насмерть, аж язык вываливается, черный, вспухший, в кровавом предсмертном закусе.

Степану дали, правда, землицы взамен приграничной, но возле оврага, затененную, с рыхлинкой. Вот тогда-то и пришли к нему оуновцы, и объяснили ему вину москалей, и пообещали помощь, когда советская влада развалится, а пока дали маленько деньжонок. Крестьянину не сумма важна, а забота, сумму-то он, хошь не хошь, должен своими руками выколотить, иначе дети помрут с голода.

Будучи человеком совестливым, Степан, когда к нему в феврале пришли, отправил сына Миколу отслуживать добро, да и земельку свою возвращать надо — сам не возьмешь, другой заберет. Когда большая драка начинается, ударять надо первым.

Вначале Микола в фольварке грустил. Не нравилось ему, как нахтигалевцы вышучивали его, по-барски грубо, заставляя прислуживать — привыкли, видно, дома к этому. Не нравилось, как немецкие хозяева смотрели, особенно когда по вечерам парни собирались в кружки петь песни. Хозяева глядели с пересмешкой и чистили зубы деревяшечками, посматривая время от времени то на парней, то на б е л е н ь к о е, что вытаскивали изо рта. Миколу аж передергивало, когда хозяева счищали беленькое пальцами и снова лезли в зубы деревяшечками, не прикрывая рта, словно одни были или с каким скотом бездумным.

Микола заметил, что часть новобранцев тоже на хозяев косилась, но не ведал парень, что они уже прошли кое-какую ш к о л у, а он был совсем еще новенький, чистый, он своего скрывать не научился. Старшим бандеровские агитаторы объяснили, что это есть временная п о л и т и к а, но главное будет дальше. С ними уже проштудировали лозунг Коновальца, взятый у Лойолы,— «цель оправдывает средства».

Одно было спасение для Миколы — настреляется за день, надерется, напрыгается с вышек на шею «врага», накричится, если другой нахтигалевский о с в о б о д и т е л ь окажется сильней, и руку меж лопаток вертанет так, что в глазах зазеленеет,— вернется, ляжет на койку во втором ярусе и забудется, вздрагивая, в тревожном сне.

Когда строевые занятия кончились и каждый в присутствии двух командиров «Нахтигаля» — немецких, обер-лейтенанта Херцнера и Оберлендера, и украинского, Романа Шухевича — сдал зачеты и получил в личное пользование оружие: автомат под номером и кинжал с гранатами,— тогда начались занятия по политике.

Из Кракова на немецких машинах приезжали Лебедь, Стецко и Старух. Они объясняли легионерам про то, как сильна великая Германия и какой гений есть Адольф Гитлер, понятно и доходчиво учили, что как только придет на Украину армия великого фюрера и освободит народ от Советов, так сразу же настанет жизнь райская: начнется царство справедливости, ибо всякий украинец — брат украинцу, а все несчастья происходят в мире только тогда, когда правят коммунисты — свои и чужие, другой крови.

— Господин Лебедь,— спросил Микола по наивной своей молодости,— а как же так — господь наш Иисус Христос, Сын Божий, жидовской крови, а правит душами нашими, давая надежду и утешение бедным и обиженным?

Лебедь улыбнулся, внимательно оглядев юное, не знавшее еще бритвы лицо парубка.

— Парень,— ответил он,— Христос бескровен, он ведь — ты сам сказал — Сын Божий.

— Не,— упрямо не согласился Микола (тут можно со всей искренностью говорить, не под поляками ведь, а со своими), нет,— повторил он,— кровь у Христа из ладоней сочилась, когда каленые гвозди распяли тело Его.

— Микола, тебе не легионером, а проповедником быть...

Нахтигалевцы засмеялись; дружное ржание прошло по столам, но здесь были свои, поэтому Микола тоже улыбнулся, но упрямо продолжая свое:

— Господин Лебедь, а вот когда мы под панами стонали, так ихний холоп, польский-то, наравне с нами страдал...

В помещении сделалось тихо. Легионеры переводили сузившиеся глаза с юного Миколы на резко рубленное, молодое еще, но в волевых морщинках лицо помощника Бандеры.

— И ляхи твоего отца не теснили?— спросил после долгой паузы Лебедь.

— Ну, как не теснили?!— удивился Микола.— Еще как теснили! И хлеб забирали на армию и коня! Еще б — не теснили...

— Ну,— облегченно ответил Лебедь,— я об этом и говорю. Чужой по крови, он и есть чужой.

— Так и у Седлецких хлеб забирали и у Бочковского коня со двора увели! А ведь поляки!

— А вот интересно, что у вас про Советы говорили?— особым, и с к р е н н и м голосом спросил Лебедь, и Микола не обратил внимания на то, как слишком уж он открыто улыбнулся ему, приглашая к откровенному разговору.

— Разное говорили,— ответил Микола.— Дядька Остап говорил, что под Советами голодных нет, за школу платить не нужно, в театрах на украинском играют и что песни у них поют не хуже, чем в «Просвите».

— Врет он!— жестко сказал Лебедь.— Как фамилия дядьки Остапа?

— Буряк,— сказал Микола.— Остап Буряк, мы с ним соседуем.

...После первого урока политики Миколу, сына Степана, восемнадцати лет и семи месяцев от роду, направили на кухню постоянным дневальным. Такому обороту дела он обрадовался, потому что ежели черпак большой, значит, и миска своя.

Микола не знал и не мог, естественно, знать, что Лебедь уже обсудил его судьбу с Романом Шухевичем. Лебедь предложил вернуть парня домой после того, как легион передислоцируют в Санок, к русской границе. Однако Шухевич, побеседовав с офицером СС Крюгером, прикомандированным к «Нахтигалю», решил по-иному — оставить Миколу для того, чтобы на его примере воспитать остальных.

— Во Львове,— говорил Лебедь на следующем занятии, зная, что в помещении теперь одни лишь свои,— в первый день надлежит вам, хлопцы, ликвидировать комиссаров и чекистов: своих, украинских спервоначала. Потом москалей, жидов и поляков. На каждого в день я кладу десяток. Всего вас восемьсот. За десять дней, таким образом, мы уберем всех врагов — дышать станет легче, да и место для тех наших, кто приедет следом из генерал-губернаторства, надо освободить. Я главные-то имена назову, а вы запомните. От этих главных круги себе разрисуете, их бесы тоже пятерками живут: вокруг главного — пять прихвостней, у каждого из этих пяти — своих еще с полтора десятка. А это легко, когда много. Один не дрогнет — другой развалится. Особенно бабы и дети: на них жмите, если кто из тех, кто нам нужен, скрылся. Записывать, конечно же, ничего не надо, вы разведка, вам бумага и перо ни к чему, это для интеллигентиков там разных — писать, нам делать надо. Очи закройте, отдохните малость, в себя поглядите, успокойтесь... Вот так. Готовы?

И Лебедь открыл папку и начал зачитывать списки.

Громадные списки эти начинались с украинских фамилий. Коммунисты и беспартийный советский актив в первую очередь. Потом шли русские, польские и еврейские, которые, в свою очередь, подразделялись на два сектора. В тот, который именовался «№ 47/12», были занесены имена и адреса офицеров-пилсудчиков, известных своими отлаженными связями в армии. Этот список Бандера не утверждал в абвере. Этот список Бандера не утверждал и с Оберлендером, ибо понимал, что столкнется с возражением; опыт создания гитлеровцами «народовых сил збройных» — польских вооруженных жандармов, надзиравших за украинскими районами в «генерал-губернаторстве» (при немце они пороли страшнее и безнаказанней даже, чем при пилсудской власти),— подсказал Бандере единственный путь: одним ударом уничтожить потенциального конкурента и врага, верой и правдой служившего одному с ОУН хозяину — Гитлеру.

Список украинских и польских интеллектуалов — цвет Львова, гордость Советского Союза и Европы, причем не только Европы славянской,— был утвержден Оберлендером, и уничтожение тысяч профессоров, врачей, художников и писателей было санкционировано. Второй список как бы прилагался к первому: список — он и есть список, в него, как в трамвай, можно натолкать — не резиновый, не лопнет; удобное это дело с п и с о к на расстрел — он развязывает руки в главном, а под главным всегда можно протянуть с в о е.

Продолжение следует.

Раим ФАРХАДИ

МАЛЫШАМ

В ГОРАХ

Горы, горы,
Скажешь: «Здрасте!»
Отвечают хором:
«Здрасте...»
Горы, горы,
До свиданья!
Горы хором:
«До свиданья...»
Сыро стало и
Прохладно.
Горы вторят:
«Ладно, ладно...»
Мы еще вернемся, горы!
Знают горы:
Скоро... Скоро...
Днем погожим,
Утром светлым!
Горы шепчут:
«Летом...
Летом!»

ТЕПЛЫЙ ДОЖДЬ

По городу нашему
Под выходной
Прошел как-то вечером
Дождик
Грибной.
Наутро — тепло.
И светлы небеса.
На улицу вышел,
Смотрю, чудеса:
Там, где светофоры,
Ограды,
Столбы,
Белеют, желтеют,
Краснеют грибы!
Растут у обочин,
Вдоль зданий растут.
Собрал я корзинку грибов
В пять минут!
Вдруг у остановки
Послышался крик:
— Смотрите, смотрите,
Какой белый гриб!
Маслята,
Опята,
Боровики.
Держали ребята
В руках кузовки.
Стоял постовой
И качал головой.
Грибы на машине везли
Грузовой.
И даже на крыше
До самой трубы
Белели, желтели,
Краснели грибы!
Напротив аптеки.
У Дома кино...
А сколько грибов —
Сосчитать мудрено.
Машины гудели
На мостовой.
И в городе свежестью пахло
Лесной!
И солнце светило.
И было тепло.
Так что ж
Необычного произошло?
Да просто
По городу под выходной
Прошел
Как-то вечером
Дождик
Грибной!

УДИВИТЕЛЬНЫЙ ДОМ

Девятиэтажный дом.
Проживают в доме том:
Агроном,
Маляр,
Портниха,
Землемер,
Юрист,
Ткачиха.
Три врача,
Два инженера,
Ровно
Двадцать пять ребят:
Десять юных пионеров,
И пятнадцать октябрят.
Дом как дом,
Обычный дом.
Разговоры
Лишь о нем!
Потому что в доме том
Поселился
Медвежонок.
И еще
Индийский слон,
Правда, он пока слоненок,
Но растет, конечно, он!
Вот
Машина подкатила,
Груз в коробке принесли...
Говорят,
Что крокодила
Прямо с Нила
Привезли!
В доме том
Живет тигрица,
Двое маленьких тигрят.
Ну и дом,
Как говорится,
Настоящий зоосад!
В доме том
Не унывают
Пять котят
И пять щенков,
Канарейки,
Попугаи
И пятнадцать хомяков!
Девятиэтажный дом.
Дом как дом,
Обычный дом.
Говорят о доме том:
Необыкновенный
Дом!

НОВЫЕ КОСИЧКИ

Доченька мала.
Ленточки взяла.
Заплела одну.
Подошла к окну.
И сказала: «Птички!
Помогите мне,
Новые косички
Заплетите мне!»
Птички ей в ответ:
— Мы спешим.
Нет-нет.
Улетели птички.
По ступенькам скок,
Котик на порог.
— Котик-котофей,
Ты бы мне помог!
Кот в ответ: «Потом...» —
И махнул хвостом.
Скок и за порог.
Бабушка пришла.
Внучке помогла.
— Внученька, расти,
Внучка, не грусти,
Трудно с непривычки
Заплетать косички!

ВЕРБЛЮД

Три дня верблюд стоял и ел.
Жевал, других не зная дел.
Стоял и ел три дня подряд,
И потолстел, и стал горбат.
Жевал. Водою запивал.
И наконец, двугорбым стал.
Устал. Закрыл глаза. Присел.
И вновь жевал, колючку ел...
Он вовсе не обжора —
Ему в дорогу скоро!

УЧЕНИК

Кто по улице
Идет?
Удивляется народ:
Белая рубашка —
Словно промокашка!
И еще
В чернилах
Уши и затылок.
— Это ты, Ахмед,
Иль нет?
Улыбается Ахмед:
— Я учился! Шел урок.
Написал я сколько смог,
Я писал,
Писал,
Писал,
Даже чуточку устал...
Был я в школе в первый раз,
Поступил я в первый класс!

ПРО БЕГЕМОТА, У КОТОРОГО БОЛЕЛИ ЗУБЫ

Неуклюжий Бегемот
Жил когда-то без забот...
Бегемот, Бегемот
Вылез из болота.
Громким голосом орет.
Флюс у Бегемота.
У него печальный вид.
Жить ему не любо.
Потерял он аппетит.
Разболелись зубы.
Он не чистил никогда
Их зубною пастой.
— Зубы чистить ерунда! —
Говорил зубастый.
Бегемот, Бегемот
У дверей приема ждет...
Он заходит сам не свой,
Только посмотрите,
Повторяет: «Дорогой
Доктор, помогите!»
— Сядьте в кресло,
пациент.—
Слышен голос Цапли.—
Запломбируем в момент.
И назначим капли.
Бегемот, Бегемот,
Широко раскройте рот!
Потерпите, ничего.
Виноваты сами.
Зуб совсем плохой... Его
Вытащим щипцами!
Бегемот, Бегемот
Не спеша домой идет.

Бегемот и горд и рад:
Он держался стойко.
Больше зубы не болят,
Не болят нисколько.
Вот уже который год,
Летом и зимою
Чистит зубы Бегемот
Щеткою зубною!

ДОКТОР ДЯТЕЛ

Доктор Дятел,
Доктор Дятел
Скачет в новеньком халате,
Трубкой слушает деревья,
Чтоб деревья не болели,
Чтоб не сохли, не скрипели,
Чтоб листвою песни пели!
Острым клювом:
Тук-тук-тук,
Кто, скажите, болен тут?
Дубок
Занемог.
Он лечиться не хотел.
За неделю пожелтел.
Ослабевший,
Невеселый,
Говорит: «Боюсь уколов...»
Не дрожи, дубок, довольно,
Это же совсем не больно,
Надо, надо поскорее
Дятлу вылечить деревья,
Чтоб деревья не болели.
Чтоб цвели и зеленели,
Чтоб качались яблоки —
Красные кораблики!

ВЕРНЫЙ ПЕС

Как-то сильный был мороз.
Был мороз.
Простудился пес Барбос.
Пес Барбос.
Отморозил он свой нос.
Бедный пес...
В конуре совсем больной
Он лежал порой ночной.
Службу нес.
Караулил двор. Не спал
Верный пес.
Лаял хрипло и чихал
Наш Барбос!

ВЕЧЕРНЕЙ ПОРОЙ

Шепчет ежиха
Вечерней порой
Сыну-ежонку:
— Ты гладенький мой...
Шепчет грачиха
Вечерней порой
Сыну грачонку:
— Ты беленький мой...
А забияке
Вечерней порой
Мама шептала:
— Послушный ты мой...

Записки вратаря

Лев ЯШИН

1

ПОКОЛЕНИЕ ВЗРОСЛЫХ ДЕТЕЙ

Мне посчастливилось участвовать в четырех первенствах мира, выступать в составе команды, выигравшей Кубок Европы, играть в знаменитом «матче века», и на мой прощальный матч собрались самые крупные звезды мирового футбола. Только о каждом из этих событий, исключив все остальные, участником или свидетелем которых довелось мне быть, можно было бы написать объемистую книгу. Но вот странная вещь: многие детали той еще не написанной книги стерлись, а детство — рядовое детство рядового мальчишки, где только и есть что школа, уроки, каток, казаки-разбойники, футбол, лапта, разбитый нос и порванные ботинки, детство, где и покупка дерматинового мяча в складчину считалась праздником, стоит у меня перед глазами, словно прожито оно только вчера.

Думаю я, что произошло это потому, что слишком коротким оно было, детство ребят моего поколения, ребят, родившихся в конце двадцатых годов. Мальчишки и девчонки моего поколения учились на токарей, нянчили, заменяя матерей, маленьких братишек и сестренок, стояли в очереди за хлебом, мечтали о побеге на фронт и лишнем куске рафинада. Мы приносили домой получки и рабочие карточки. Мы забыли, что есть на свете футбольные мячи и что все мальчишеское племя делится на «казаков» и «разбойников». Нас одолевали взрослые заботы.

С детством нам пришлось расстаться задолго до срока. Тогда мы этого не понимали, а теперь я часто вижу себя маленьким, даже иной раз во сне вижу. Проснешься и думаешь: эх, пожить бы во сне еще хоть часок... Но нет, приказ будильника, заведенного с вечера, звучит резко и категорически: пора вставать, товарищ Яшин, пора вставать, 45-летний отец семейства, воспитатель, заместитель заведующего отделом футбола славного общества «Динамо» «и проч. и проч.». Пора вставать, потому что тебя ждут сотни больших и мелких обязанностей, десятки встреч с людьми и еще многое, о чем ты начинаешь думать, не успев еще как следует глаза открыть.

Впрочем, и немало лет назад меня заставляли вскакивать по утрам с постели дневные дела и заботы. Их было так много, что не хватало суток. Наш дом, как любой дом, населенный рабочим людом, был полон ребятни. Дом этот принадлежал заводу «Красный богатырь», где работали все его обитатели, в том числе и мои мать, тетки, дядьки, жившие одной большой семьей со всем своим потомством в одной трехкомнатной квартире первого этажа.

Меня не слишком обременяло это многолюдье. Придя из школы и бросив в угол портфель, я мчался во двор. Обыкновенный и вместе с тем удивительный двор, где всегда тебя ждало что-то новое и неизведанное. В одном из сараев была оборудована голубятня, где мы с отцом держали голубей. С этими птицами не соскучишься. Их надо было постоянно беречь от врагов из соседних дворов. Те норовили угнать голубей, а когда им это удавалось, приходилось выпускать своих остальных, чтобы заманить птиц обратно, а то и идти сражаться за них, и дело, бывало, кончалось серьезными драками.

Двор был заполнен сараями. В них мы устраивали тайные совещания перед началом военных действий с соседними домами, в них кое-кто покуривал в рукав. В них мы делали маленькие железные пистончики, которые потом подкладывали на трамвайные рельсы. Пистоны взрывались под колесами автоматной очередью, разъяренный вожатый выскакивал из кабины, а мы, спрыгнув с подножек, мчались врассыпную. Надо было только добежать до ближайших ворот. Уж там, в лабиринте богородских проходных дворов, мы были неуловимы.

Зимой покатые крыши сараев служили нам трамплинами, с которых мы прыгали на лыжах. Падали, ушибались, набивали огромные синячищи, но зато учились крепко держаться на ногах, не бояться высоты, владеть своим телом.

В середине двора была у нас довольно большая, вытоптанная сотнями ног площадка. Летом она служила нам футбольным полем, зимой — катком. Мы делали каток сами. Приносили из дому саночки, доставали из сарая деревянную кадушку и возили от колонки, что стояла на другой стороне улицы, воду. Каток, понятно, получался плохонький, но коньки кое-как скользили, и ладно. Проволоки для клюшек во дворе было сколько угодно, а найти маленький мячик ничего не стоило.

Проблема футбольного мяча тоже решалась просто. Родители наши приходили домой с «Красного богатыря» в рабочих халатах, на которые налипали за день резиновые обрезки. Мы их собирали, скатывали в комок и обтягивали тряпкой. Настоящий мяч, купленный в складчину, у нас обычно тоже имелся, но он служил нам только для парадных случаев — когда на одном из многочисленных богородских пустырей мы мерились силами с футболистами соседних дворов или улиц.

...Теперь, бывая у родных на Миллионной, я с грустью смотрю на старый наш двор. Нет, он не пришел в запустение, наоборот, стал красивей и нарядней. Лавочки, газончики, песочницы, столики. Нет больше сараев, заборов, пустырей. И нет мальчишеских ватаг. И жители первых этажей довольны: мяч, пущенный шальной ногой, не угодит в стекло. Вроде бы порядок. А мне грустно. Ну что это за мальчишка, думаю я, которому негде наставить себе шишку, разбить нос, устроить засаду, погонять мяч? Что это за мальчишка, который не лазает по деревьям, не перескакивает через заборы, не умеет делать снежных крепостей?

Мне грустно, когда я вижу ребят, окруживших дворовые столики, за которыми чинно, с сигаретками в зубах посиживают взрослые, ведя степенную игру в «козла» или в «дурачка». Мальчишки стоят у них за спинами или подсаживаются с краешка лавки, смотрят, проникают в тайны «тихих» игр. Глядишь, кто-то стрельнул у взрослого дяди сигаретку. Глядишь, кто-то подменил отозванного криком из окна пенсионера и уже сам стучит по столу костяшками.

Не знаю, может, я и не прав, но непомерно большой травматизм молодых футболистов теперешнего поколения, их какую-то незащищенность от повреждений я связываю с этими вот ухоженными и благоустроенными дворами. Растяжения и разрывы мышц, вывихи стали рядовым делом в футболе. Чуть ли не половина молодых игроков что-то залечивает. Всегда у нас кто-то пропускает игры. Они мало бегали, прыгали, дрались, мало играли в футбол, катались на коньках, взбирались на деревья и теперь расплачиваются за это недостаточно сильными, упругими и эластичными мышцами, недостаточно прочными становыми хребтами, недостаточно уверенной координацией движений, недостаточно крепкими нервами. Им приходится учиться правильно падать и быстро подниматься. У них повышенная боязнь ушибиться при столкновении и неумение в последний миг от этого столкновения уйти. Мы же, дети, выросшие в довоенных дворах, прошли эти науки совсем маленькими, прошли, хотя никто не понукал нас к тому специально, они были нам в охотку, они были для нас игрой.

Так что же теперь делать? Понастроить сараи и заборы? Разрушить песочницы? Вытоптать газоны? Вернуть на прежние места пустыри?

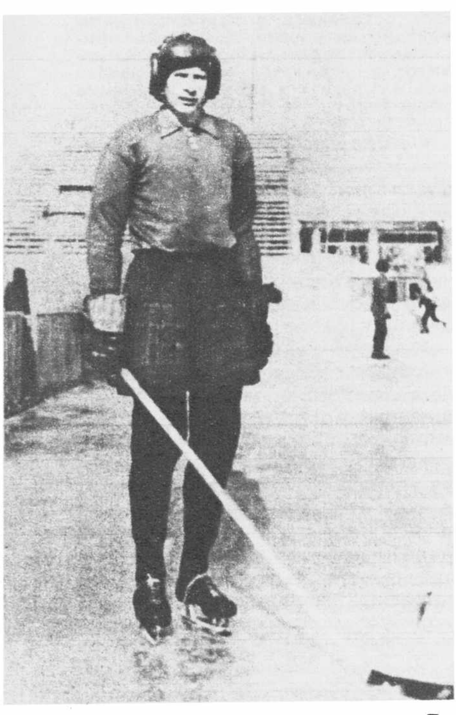
Нет, я не против благоустройства, которое отличает современные дома и дворы. Я против того, что в заботах о благоустройстве забывают о подростках. Обо всех от мала до велика помнят — о детишках ясельного возраста и пенсионерах, о любителях настольных игр и домохозяйках, а о подростках забывают. Но для нормального развития мальчишки — физического, психического, нервного, даже умственного — мальчишеские забавы необходимы и обязательны. И что-то делать надо, чтобы мальчишкам эти забавы вернуть.

Я говорил, что помню свое детство в мельчайших подробностях. А вот был ли у нас в школе урок физкультуры, хоть убей — не помню. Зала уж точно не было. А вся наша физкультура состояла в том, что, как только станет потеплее, выскакивали мы буйной ватагой во время большой перемены в школьный двор и до звонка гоняли в футбол. Школа моя и сейчас стоит себе, жива-здорова. И по-прежнему без спортзала. Так что, думаю, и нынешним школьникам нелегко будет после припомнить, была ли у них физкультура. А ведь нынешним мальчишкам вообще негде размяться. Стадион не у всякого под боком. И в секцию попасть не так просто. А двор — вот он, рядом, хоть десять раз в день туда выбегай. Только что там делать парню? Фактически двор у него отняли...

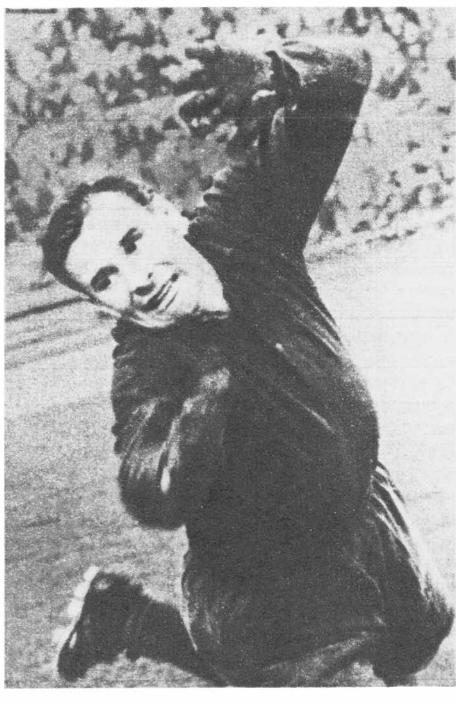
Летом мать обычно отвозила меня к родственникам в деревню, и через пару часов, выйдя из вагона на маленькой станции Бутово, неподалеку от Подольска, и прошагав несколько километров до деревни Поляны, я попадал в совсем другой мир. Пасти коров, распрягать и запрягать лошадей, ходить в ночное, ездить верхом, удить рыбу, собирать грибы — всему этому я научился рано и освоил эти мало понятные городским детям премудрости не хуже деревенских ребятишек.

Как всегда, в начале лета 1941 года мы с матерью явились в Поляны, а еще через несколько дней она приехала за мной и увезла в Москву. Началась война.

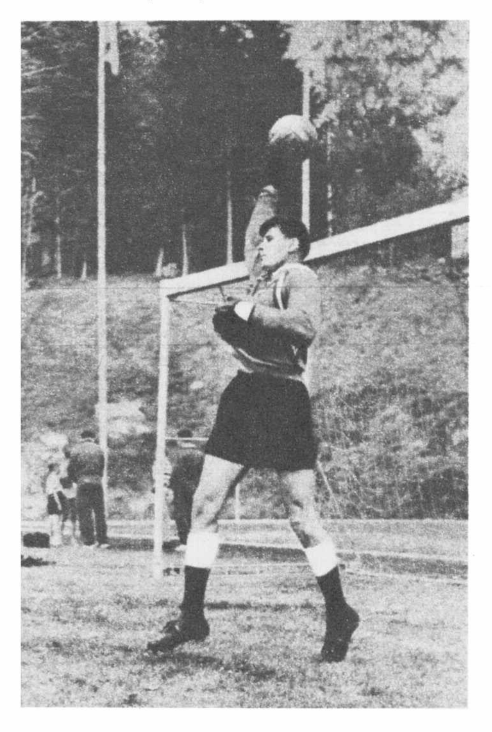
Всю нашу школу вывезли в лагерь под Воскресенск, километров за сто от Москвы, подальше от бомбежек. Мы еще не понимали истинного смысла этого слова: «война». Мы с малых лет слышали его и ежедневно стократ повторяли сами, начиная какую-нибудь забавную игру. И теперь еще продолжали относиться к войне, как к игре. Нетерпеливо ждали мы вечернего часа. Мы знали: вечером, выбежав на пригорок, увидим дальние вспышки, услышим, как взрываются бомбы и ухают зенитки. Мы боялись пропустить

Лев Яшин начинал с хоккея. Он был вратарем команды «Динамо».

На тренировке.

хоть один из этих вечерних спектаклей: пропустишь, а тут все и кончится, разобьют врага, и не то что повоевать не придется, но даже не наглядишься как следует на войну...

Фронт все ближе подходил к Москве. Дома готовились в дорогу. То и дело повторялось слово «эвакуация», слово прежде незнакомое, впервые услышанное в те дни и ставшее вскоре таким же привычным, как «война», «фронт», «тыл», «отступление», «карточки». Семьи рабочих завода, где работал тогда отец, вывозили под Ульяновск. И вот наступил тот осенний день октября 41-го года, когда наш эшелон сделал последнюю свою остановку в степи, не доезжая Ульяновска, и мы стали разгружаться. Этот день я могу считать последним днем своего детства. Мне было без малого двенадцать лет, я уже чувствовал себя мужчиной. В степи стояло несколько бараков, в которых нам предстояло жить, а неподалеку возвышались недостроенные стены будущего завода, который мы с отцом и матерью будем потом достраивать.

Ползимы мы таскали по снегу станки и устанавливали их в будущих цехах, прямо под открытым небом. Когда же выдавался свободный день, мы с отцом брали детские саночки и отправлялись в ближайшую деревню, километров за двенадцать. Уходили мы налегке — в санках лежали отобранные матерью вещички из тех, что не слишком нужны или из которых выросли мы с братом. Обратно же волокли тяжелый груз — выменянные на свое барахло картошку, брюкву, овсянку, муку.

Поближе к концу зимы от бараков до заводской проходной протянулась тонкая и прямая, как струна, тропинка в снегу. В шесть утра поднимались наши отцы с постели, одевались, умывались, завтракали как автоматы, тратя на все ровно столько времени, сколько необходимо, и ни секундой больше, и шли на завод. Шли в глубокой темноте прямо на свет, исходивший из заводских дверей. Потому и дорожка была такая прямая, что каждый боялся сделать лишний шаг — экономили силы, тепло, энергию. Предстоял долгий рабочий день.

Окончив пять классов, осенью 43-го стал ходить вместе с отцом и я. Меня поставили учеником слесаря. Я получил рабочую карточку, стал настоящим рабочим. Подрос брат, и мать тоже пошла на завод. Радио все чаще приносило вести о победах наших войск на фронте. Воздушные налеты на Москву еще продолжались, но по заводу понеслись радостные слухи о скором возвращении домой. И верно, в начале 44-го мы въезжали со своим скарбом в родной двор на Миллионной улице, втаскивали вещи в дом, обнимались и целовались с многочисленными дядьками, тетками, двоюродными и троюродными родственниками.

Город с каждым днем становился все многолюднее. Война шла к концу, люди возвращались домой, обживались заново в старых квартирах и сразу же принимались за работу.

Я выходил из дому в начале шестого, а улицы уже были запружены трудовым людом. Мой путь лежал из Сокольников в Тушино. Сперва трамвай, потом метро, потом опять трамвай. Я занимал привычное место на буфере заднего вагона и так добирался до завода. Возвращался домой тем же маршрутом, снова на трамвайных буферах, когда уже темнело...

Пройдут годы. Моя жизнь круто изменится. Из заводского спортивного клуба я попаду в молодежную команду «Динамо», оттуда — в динамовскую команду мастеров, стану игроком сборной страны. Судьба сведет меня с большими футболистами, моими сверстниками в «Динамо», и я увижу себя как бы со стороны. Их детство, как и мое, пришлось на войну. Им было не до футбола в те годы, когда мальчишки целыми днями возятся с мячом. Им было не до спорта в том возрасте, когда большинство юношей выбирает свой спортивный путь. А они стали футболистами, большими футболистами. Это с их именами связаны самые первые и самые крупные победы нашего футбола на мировой арене — победа на Олимпиаде в Мельбурне и на Кубке Европы во Франции.

Пусть в их футбольном образовании были пробелы. Но война дала им такое трудовое воспитание, какого не даст мальчику никакой урок труда. Уж что-что, а работать мы умели. Не за страх и не за посулы, а за совесть. Тренировались до седьмого пота. Боролись за победы и чемпионские звания и не думали о том, какие жизненные блага принесет нам каждая из этих побед. Мы чувствовали себя счастливыми от самой возможности играть в футбол.

ВЫБОР

Мы, две дюжины подростков, выстроились у футбольного поля заводского стадиона неровной шеренгой — тощие, мосластые, нескладные ребята. На стадион пришли прямо с работы, кто в чем — в пиджачках, курточках, спецовках, в тапочках, сапогах, разбитых тупоносых ботинках, что выдавали ремесленникам, в сатиновых шароварах, лыжных фланелевых штанах, потертых, коротких брючках. Ходивший вдоль этого странного строя человек измерял каждого из нас коротким взглядом и тут же называл его место в команде. Когда очередь дошла до меня, человек сказал:

— Будешь стоять в воротах.

Может, надо было поспорить или хоть спросить, чем это я ему не понравился. Может, надо было сказать ему, что еще в довоенном дворе, когда мы резались в футбол, я всегда играл впереди и котировался как приличный бомбардир.

Но я не стал ни объяснять, ни спрашивать, ни спорить. В ворота — так в ворота. Главное — поиграю. А начнешь объяснять — глядишь, прогонят.

Я уже говорил, что за годы войны забыл об играх, и когда в одно прекрасное послевоенное весеннее утро увидал в заводской проходной большое объявление: «Желающие играть в футбол, записывайтесь в секцию у Владимира Чечерова»,— глазам своим не поверил.

Я сразу пошел искать указанную в объявлении комнату, а уже вечером стоял в строю своих нескладных сверстников у кромки футбольного поля. Как состоялось мое посвящение во вратарский сан, вы уже знаете... Мы и сейчас изредка видимся с Владимиром Чечеровым. Он по-прежнему трудится на спортивной ниве инструктором физкультуры в одном московском ПТУ и по-прежнему с первого взгляда определяет каждому мальчишке его футбольное амплуа. Не знаю, как к другим своим «крестникам», но по отношению ко мне у Чечерова оказалась легкая рука.

Впрочем, убедился я в этом и поверил в это не сразу и не скоро. Первые годы в футболе дали мне куда больше поводов для огорчений, разочарований и сомнений, чем радостей и удовлетворения. Но все это было позже. А пока я был счастлив, что могу играть в футбол.

Играл и тренировался я ежевечерне. Наши окна выходили на стадион, и я, умывшись и переодевшись, выскакивал на поле прямо из комнаты. Не помню в течение тех полутора лет дня, чтобы я не поиграл в футбол. В самый первый день наш тренер, определив каждому его место на поле, разделил всех на две команды, дал свисток, и мы, сложив на лавочки свои пиджачки и брючки, оставшись в трусах и майках, стали гонять мяч. Так вот все и началось...

Немало порвали мы собственных тапок, истрепали трусов и маек, прежде чем выдали нам «казенное обмундирование». Затем дали бутсы. Сперва большие, разношенные, разбитые игроками взрослой команды и за ненадобностью списанные, а уж потом поменьше и поновее. О том, как ложится на ногу или замирает в твоих объятиях новенький, абсолютно круглый, нештопаный мяч, мы тоже довольно долго не знали. Таких мячей было в клубе два, и выдавали их только взрослым, да и то не на тренировки, а на игры. Мы же пробавлялись старенькими, с латанными-перелатанными покрышками, отчего камеры то и дело лопались. Но нас это не смущало и, уж конечно, не останавливало. Камеры мы наладились добывать сами. На аэродроме клуба имени Валерия Чкалова работали специалисты по запуску воздушных шаров, и у них было сколько угодно камер. Мы приносили с завода наборные мундштучки, ножички с узорчатыми ручками и прочие безделушки, которые вытачивали на станках, и выменивали всю эту продукцию на камеры.

Каждая неделя кончалась для нас праздником — игровым днем. Утром мы собирались с чемоданчиками у заводской проходной, садились в открытый кузов полуторки и отправлялись на городской стадион. Предстояла очередная встреча на первенство Тушина.

На стадион я входил уже не с одним, а с двумя чемоданчиками. Второй принадлежал Алексею Гусеву — вратарю взрослой команды. Носить его вслед за хозяином была моя обязанность, непременная и приятная. Раз тебе сам главный вратарь завода доверил свой чемодан — значит, ты уже чего-то стоишь! И я свысока поглядывал на толпившихся у поля местных мальчишек, читая в их ответных взглядах уважение и зависть.

Сначала играли мы, юноши, а Гусев стоял обычно за моей спиной и прямо здесь же как мог учил уму-разуму. Вслед за юношескими играли мужские команды, и тогда мы менялись местами: Гусев вставал в ворота, я занимал место по другую сторону сетки.

Играл наш клуб в общем удачно и вскоре, оставив позади главного своего соперника, команду местной прядильной фабрики, стал участником первенства Московской области.

Моя жизнь складывалась безоблачно, и время летело незаметно. Работа, учение, футбол, хоккей (в него я играл не в воротах, в нападении) — всюду дело клеилось. Одолел семилетку. В свои неполных восемнадцать лет уже имел приличный рабочий стаж и правительственную награду — медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

Между прочим, к тому времени я владел уже не только специальностью слесаря, был и строгальщиком и шлифовщиком, но накопившаяся за годы усталость вскоре дала о себе знать. Что-то во

мне надломилось. Никогда не слыл я человеком с тяжелым или вздорным нравом. А тут ходил какой-то весь издерганный, все меня на работе и дома стало раздражать, мог вспыхнуть из-за любого пустяка. После одной такой вспышки я собрал свои вещички, хлопнул дверью и ушел из дому. Ходить на завод тоже перестал.

Как назвать мое тогдашнее состояние? Хандра? Депрессия? Не знаю. Знаю только, что посетило оно меня единственный раз в жизни и достигло в этот единственный раз таких размеров, что справиться с ним я долго не мог: ни физических, ни душевных сил я в себе не ощущал. Ничего не ощущал, кроме опустошенности.

Как-то спасал меня только футбол. На матчи своей команды я ходил. Занимал обычное место в воротах и оглядывал зрителей. Среди них обязательно отыскивал отца с матерью. Они непременно являлись на игры. Если наши взгляды скрещивались, тут же отводил глаза. После матча мы молча расходились в разные стороны: они — домой, я — к товарищу, у которого нашел временное пристанище.

Положение становилось с каждым днем все безвыходнее. По всем законам я был не кто иной, как прогульщик, и на меня распространялись соответствующие указы об уголовной ответственности. Надо было что-то делать. Но что?

Выручил меня советом кто-то из игроков взрослой нашей команды:
— Надо тебе идти поскорее на военную службу. За это многое тебе может проститься. Да и дисциплина воинская тебе сейчас необходима, она для тебя спасение.
Он же объяснил мне, к кому обратиться.

Первые месяцы службы у всех одинаковы. День похож на день, как близнецы. Каждый из них длинен: семнадцать часов от подъема до отбоя, так называемого «личного времени» почти не остается. Все расписано по минутам: строевая подготовка, изучение уставов, чистка оружия, тактические занятия, наряды, караульная служба, политучеба и еще многое, что знает, как дважды два, каждый, кто проходил курс молодого бойца. На большее сил у меня не оставалось, но вот во время вечерней поверки командир скомандовал: «Футболисты, шаг вперед!» Среди сделавших этот шаг был, конечно, и я. И спорт снова вошел в мою жизнь, как постоянная ее составная часть. Тренировки и игры на первенство городского совета «Динамо» были регулярны, как все в армии, и вовсе не исключали, а дополняли прочие воинские занятия. Ни от каких видов учебы и службы спортсменов не освобождали. Лишь в строго отведенные часы нас увозили на стадион, а потом привозили обратно, и мы вливались в общий строй.

Летом сорок девятого года после очередного игрового дня меня прямо на стадионе остановил какой-то человек, высокий, подтянутый, с чуть пробивающейся сединой в аккуратной — волосок к волоску — прическе.

— Хочешь играть в молодежной команде «Динамо»?

— Еще бы!

— Тогда приезжай на тренировку.— И он назвал день и час.

Как мог я, солдат, распоряжаться своим временем? Кто меня отпустит из части? Все это я объяснил незнакомцу.

— Не беспокойся, это я беру на себя,— ответил он.

Честно признаться, я не слишком надеялся, что незнакомый мне человек выполнит свое обещание, но он выполнил. Через несколько дней командир с некоторым удивлением показал мне запрос и приказал отправляться на стадион. Там меня ждал незнакомец — как выяснилось, тренер молодежной команды «Динамо».

Я спросил у ребят, как его фамилия.

Мне ответили:

— Аркадий Иванович Чернышев.

Да, подвел меня к порогу большого футбола Аркадий Иванович Чернышев — прекрасный тренер и обаятельный человек. Чем больше лет — а теперь уже и десятилетий — минуло со дня нашего знакомства, тем больше благодарен я ему, направившему меня на путь нелегкой, но яркой, насыщенной незабываемыми событиями и впечатлениями жизни. И я рад, что не заставил первого наставника краснеть за своего ученика.

Сначала все шло нормально. Мы успешно выступали в чемпионате и Кубке Москвы, я неизменно играл в основном составе. И однажды нам довелось даже победить мужскую динамовскую команду в розыгрыше Кубка столицы, в которой играли несколько известных футболистов и среди них сам Чернышев. Когда в марте сорок девятого года команда мастеров «Динамо» отправилась на тренировки в Гагру, я был включен в ее состав в качестве третьего вратаря, дублера Алексея Хомича и Вальтера Саная. Но вот на маленьком, обжитом многими поколениями московских динамовцев гагринском стадиончике наша команда встретилась со сталинградским «Трактором» в матче дублеров. Защиту ворот впервые доверили мне. Сильный ветер дул в нашу сторону, и в середине первого тайма, когда вратарь «Трактора» выбил мяч, тот высоко взлетел и полетел в мою сторону. Растерянно я следил за ним и лихорадочно искал решения. Что предпринять? Ждать, когда он опустится? Бежать навстречу? Наконец, я сорвался с места и кинулся к предполагаемой точке падения мяча. Казалось, я рассчитал все — и свою скорость, и скорость мяча, и силу ветра. Не углядел я лишь одного: что мне на подмогу поспешает наш защитник Аверьянов. Мы столкнулись с ним на полпути к мячу и оба упали, а мяч, словно издеваясь над незадачливым голкипером, подпрыгнул и вкатился в ворота...

В мальчишеских играх есть такое правило: «От ворот до ворот гол не в счет». В настоящем футболе такого правила нет. Наверняка случай этот был первым и последним в истории настоящего футбола — вратарь забил гол вратарю ударом от ворот. Нетрудно представить мое состояние. Как нашкодивший и стыдящийся поднять глаза мальчишка, я исподтишка оглядел трибуну. То, что я увидал, добило меня окончательно. Игроки нашей основной команды — Василий Карцев, Константин Бесков, Сергей Соловьев, Александр Малявкин, Всеволод Блинков, Леонид Соловьев—покатывались со смеху. Бывалые и все на свете испытавшие футбольные волки, ничего подобного в своей жизни не видели.

Не помню, как доиграл я первый тайм, а когда пришел в раздевалку, швырнул в угол перчатки, за ними полетели бутсы. Не в силах сдержать слезы, я стал стаскивать свитер. Мне еще не сказали, что моя футбольная карьера окончена, но я был уверен: сейчас скажут. А если и не скажут, разве я сам этого не понимаю?

Мне не дали снять свитер. Меня заставили натянуть на ноги бутсы, а на руки — перчатки. Я вновь появился на поле. Я доиграл тот злосчастный матч, свой первый матч в команде мастеров. Тренер, работавший тогда с динамовскими дублерами, Иван Иванович Станкевич, чуткий и интеллигентный человек, нашел нужные слова. Он сумел объяснить мне, что все происшедшее не более чем несчастный случай, что ни он, ни старший тренер Михаил Иосифович Якушин во мне не разуверились, что в будущем надо быть осмотрительнее и видеть не только мяч, но и обстановку на поле. На следующий матч меня снова поставили, на третий — тоже, и закрепился я в дублирующем составе, но мяча, забитого мне вратарем «Трактора», забыть не мог.

Самым близким человеком в команде был для меня в ту пору Алексей Петрович Хомич — наш легендарный вратарь, овеянный славой после побед динамовцев в Англии, любимец трибун. Ему уже подходило к тридцати, и в этом возрасте спортсмен начинает подумывать об уходе из спорта, старается угадать своего возможного преемника. Тем более было мне приятно ощущать постоянную заботу Хомича, видеть, что он не жалеет для меня времени, щедро передает мне все, что знает и умеет.

По привычке, приобретенной еще с футбольной юности, я носил за Хомичем его чемоданчик, сидел рядом, когда он переодевался, стоял во время игр за его воротами. А он, как и заводской наш голкипер Алексей Гусев, тоже не отходил от моих ворот, когда играли дублеры, и не скупился на советы и наставления.

Хомич был мне симпатичен многими своими качествами. Но больше всего тем, что был настоящим, истинным спортсменом. Нет, его не назовешь аскетом, отшельником. Он и во время тренировки готов был пошутить, а в свободное время любил веселую компанию, в которой мог и рюмку «пропустить». Но был он из тех людей, которые живут в точном соответствии с пословицей: «Делу — время, потехе — час». Работал на тренировках так, что оставалось лишь диву даваться, ни минут лишних, ни часов не считал. И отдавался работе целиком, причем выглядело это так, будто ему труд не в тягость, а в охотку, будто вставать и падать, летать из одного угла ворот в другой и кидаться в ноги нападающим не доставляет ему ничего, кроме удовольствия.

Как у всякого из нас, бывали у Хомича игры более или менее удачные, а случалось, что и легкие мячи он пропускал. Но чтобы расслабиться от неудач, чтобы не отдаваться борьбе до самого конца, чтобы играть не изо всех сил — такого с ним не бывало. Тут команда на него всегда могла положиться полностью.

Играя в дублирующем составе, я представлял себе, что если и попаду со временем в основной, то время это наступит очень не скоро. Какой уж там основной, когда в команде есть такие вратари, как Хомич и Саная? Однако это не охладило моего увлечения футболом, не остудило тренировочного пыла.

Тренировался я действительно много, не признавая никаких норм. Для меня как-то сразу стало обязательным делать на занятиях все, что делают полевые игроки: вместе с ними мерить круги по стадиону, бегать кроссы, совершать многочисленные рывки, преодолевать барьеры, прыгать, играть в больших и малых «квадратах», бить по воротам, отрабатывать удары головой, пасовать. А сверх того оставалась в полном объеме вратарская работа. Сотни раз приходилось падать и вскакивать, ловить и отбивать, перехватывать мяч и прыгать в верхние и нижние углы ворот.

Футбол занимал не только львиную долю времени, но и целиком все мысли. К каждому игровому эпизоду с моим участием я возвращался мысленным взором снова и снова. Атаку, которая заканчивалась голом в мои ворота, память расчленяла на мельчайшие детали.

Мне и в голову не приходило убеждать себя в том, что вратарь не в силах дотянуться до мяча, пущенного могучим ударом с близкой дистанции в угол ворот. Ну, а если бы я заранее вышел навстречу удару? Или, сумев предугадать, откуда этот удар последует, сместился поближе к тому углу? Или неожиданно для противника встретил бы его у передней границы штрафной площади? Или вовремя крикнул защитникам, кому и куда надо бежать, чтобы перекрыть все пути атаки? Этих «если бы» находились десятки.

Пройдут годы, и за мной закрепится репутация человека, совершившего едва ли не переворот в привычном, устоявшемся представлении о зоне действия вратаря и принципах его игры. Появятся статьи о том, что я отодвинул эту зону за границы штрафной площади и что в моей интерпретации вратарь превратился в дополнительного защитника. Так ли это? Судить не берусь. Никогда не относил себя к числу теоретиков, никогда не делал обобщений, которые бы шли дальше анализа своих и чужих ошибок. Играл, как игралось, выбирал те позиции и предпринимал те шаги, которые, казалось мне, вернее обеспечат безопасность ворот, а выходил далеко вперед или оставался во вратарской площадке, отбивал ли мяч ногой или ловил его руками — это уж смотря по обстоятельствам.

Если же и верно то, что стали приписывать мне с годами, думаю, помогла мне здесь привычка выполнять на тренировках все, что делали полевые игроки, а также постоянное стремление раскрывать собственные просчеты, винить в каждом голе сначала себя, а уж потом других. При всем многообразии футбола есть в нем ситуации, которые повторяются неизменно, и если ты докопался однажды до собственной ошибки, то другой раз ее не повторишь.

Играя за дубль, я, конечно, надеялся, что в один прекрасный день фортуна смилостивится надо мной, и я выйду на важный матч основного состава. Я часто думал об этом дне и мысленно не раз переживал его в самых мельчайших деталях. И вот он наступил, этот день, осенний день 1950 года, день, которого я так ждал и который кончился для меня так плачевно...

Накануне на установке перед календарной игрой московского «Динамо» со «Спартаком» при перечислении состава команды впервые было названо мое имя. Заболел Саная, и я должен был выполнить его обычную роль — роль запасного вратаря.

Не надо, наверное, напоминать, что для «Динамо» игра со «Спартаком» всегда особенно ответственна, а раз так, у запасного вратаря есть всего один шанс из ста выйти на поле, заменить первого вратаря. Тем не менее я страшно

волновался и чувствовал себя участником матча с того момента, когда услыхал свою фамилию на установке. Я настраивал себя на игру и, казалось, был готов занять место Хомича, если этот один из ста шансов все-таки представится.

По тогдашнему обычаю запасной вратарь выходил на поле вместе со всей командой и во время разминки, а затем и игры сидел на лавочке за воротами. Он как статист в спектакле: его хоть и видно, но не слышно. Впрочем, есть у него и свое «Кушать подано»: когда разминка закончилась, я подал Хомичу его «игровые» перчатки, а он вручил мне свои «тренировочные».

Игра получилась интересная. Хомич стоял отлично. Все шло к благополучному концу — оставалось 15 минут, и мы вели 1 : 0. И вдруг Хомич после очередного броска остался лежать на траве. Вокруг столпились игроки, кто-то попытался помочь ему подняться, а я глядел на все это, совершенно забыв, что происходящее имеет самое прямое отношение ко мне.

Отрезвил меня зычный голос Леонида Соловьева:

— Ты чего сидишь? Иди в ворота!

Вот тут-то только я понял, что один из ста моих шансов пришел, но куда девалась вся моя уверенность? Я еле поднялся с лавки, повторяя про себя, как заклинание, одну лишь фразу: «Только бы не играть... Только бы не играть... Только бы не играть...» Повторял, а ставшие ватными ноги несли мое обмякшее тело к воротам.

Судья подал команду, кто-то из наших защитников ударом от ворот послал мяч в середину поля, игра продолжалась, но что происходило на поле, я не видал. Со мной творилось нечто непонятное, никогда прежде не испытанное. Мне казалось, что весь стадион видит, как у меня частой и крупной дрожью дрожат и подкашиваются колени. Я чувствовал: сейчас упаду или просто сяду на траву. Чтобы этого не случилось, я стал быстро расхаживать на негнущихся ногах от штанги к штанге. Дрожь не унималась, а игра в это время переместилась на нашу половину поля, и, как во сне, я увидал накатывающуюся на меня красную волну. Увидел, как мяч, пробитый Алексеем Парамоновым, знаменитым спартаковским нападающим, по высокой дуге летит в сторону моих ворот. Увидел, как к месту, где мяч должен приземлиться, устремился другой грозный спартаковец — Никита Симонян. В сознании мелькнуло: «Успею раньше?» — и я кинулся навстречу Симоняну.

...Дальше все было, как в том, гагринском матче. До цели я не добежал, потому что столкнулся с нашим полузащитником Всеволодом Блинковым, опережавшим и меня и Симоняна, сбил его с ног, а тем временем спартаковский нападающий Николай Паршин без малейших помех послал мяч головой в наши ворота.

Счет стал 1:1. Мы упустили верную победу. Мы потеряли дорогое очко. И всему виною был лишь один человек — запасной вратарь Яшин. Ему было оказано такое доверие, ему представилась такая возможность показать, на что он способен, а он...

Впрочем, он и показал, на что способен. Вернее, показал, что не способен ни на что. Ни о чем другом, кроме своего позора, я в оставшиеся до конца матча минуты думать не мог, ничего не видел, ничего не слышал. И, наверное, испытал состояние, какое испытывает попавший в глубокий нокдаун боксер.

Я начал постепенно приходить в себя только в раздевалке. Сидел на стуле, спрятав лицо в ладони, и пытался скрыть слезы. Кто-то из наших похлопывал меня по плечу: «Молодец, пару приличных мячей вытащил». Кто-то звал в душ. Потом все эти голоса перебил еще один, начальственный и резкий:

— Кого вы выпустили?! Сосунка, размазню! Тоже мне вратаря нашли! Гнать его в шею! Чтоб я его на поле больше не видел!

Я знал этот голос, он принадлежал одному ответственному динамовскому работнику. Знал я и то, что его слово для тренеров — закон. Знал и понимал: это конец.

И точно, это был конец. Меня упрятали в дубль всерьез и надолго. В дубле я провел остаток того года, весь следующий и часть пятьдесят третьего. Впрочем, наш тогдашний старший тренер Михаил Васильевич Семичастный рискнул выпустить меня еще раз в матче с тбилисскими динамовцами. Рискнул и раскаялся. Сначала все шло благополучно. После первого тайма мы вели 4:1. Пошел второй тайм. Мяч попал ко мне в руки. Я хотел его выбить в поле, но настырный Тодрия — форвард мощный, высокий — мне мешал. Никак я от него не мог увернуться. Кончилось все это тем, что я оттолкнул тбилисца рукой. В ответ — свисток, и судья показывает на 11-метровую отметку. Бьет Пайчадзе. 4:2. Тбилисцы сразу преобразились: почуяли, что не все еще кончено, и всей командой пошли вперед, я же совсем расстроился. Вскоре счет стал 4 : 3 — опять Пайчадзе гол забил. Потом — 4 : 4. Как эти два мяча влетели в мои ворота, не помню, опять был в состоянии, близком к нокауту. Единственное впечатление сохранилось такое: будто сколько раз ударили по моим воротам, столько мячей я и пропустил. После уже узнал, что тренеры хотели меня заменить, но Константин Бесков, наш капитан, отослал сменщика назад, крикнув: «Не надо, так доиграем». И он же в последние минуты забил пятый гол.

Возможно, попросись я тогда в отставку, меня не стали бы удерживать. Но попроситься я уже не мог: жизни вне футбола себе не представлял.

В те же годы я начал играть в хоккей. К этой игре меня тоже привлек Аркадий Иванович Чернышев. Как-то глубокой осенью встретил он меня на стадионе и спрашивает:

— Хочешь в хоккей поиграть?

— Да что вы! — отвечаю.— Я эту шайбу и в глаза не видел. В хоккей с мячом играл в заводской команде, а что такое хоккей с шайбой не представляю.

— Это не беда. Приходи. Научу.

Как отказать своему «крестному»? Как отказать тренеру одной из лучших хоккейных команд страны? И я пришел.

До чего же неловко чувствовал я себя первое время в маленьких хоккейных воротах! Длинный, в тяжелых и громоздких доспехах, я никак не мог справиться с юркой, непослушной шайбой. По футбольной привычке я все пытался ее ловить. Как ее поймаешь? Ведь в те годы вратарские рукавицы не имели «ловушек», какими снабжены они теперь. И я, бросаясь навстречу летящей шайбе, откидывал в сторону клюшку и норовил ухватить ее, словно мяч, двумя руками. А она упрямо вырывалась из рук, довольно часто отлетая прямо в сетку ворот. Чернышев терпеливо повторял: «Ты ее не лови, ты ее отбивай». Но прошло немало времени, и немало синяков я себе наставил, и немало шайб пропустил в свои ворота, пока усвоил эту элементарную вратарскую истину.

Хоккей я полюбил. Да и успехи тут пришли ко мне куда раньше, чем в футболе. Я и мастером спорта сначала стал в хоккее, и медали мои первые — серебряная и бронзовая — хоккейные, и первый раз в жизни Кубок СССР выиграл в составе хоккейной, а не футбольной команды. Помню, в полуфинале мы со счетом 3:2 победили ВВС во главе с самим Всеволодом Бобровым. Этим я гордился особенно. Незадолго до того мне пришлось играть против него в чемпионате. В том матче он забил мне три гола. Да и вообще этот хоккеист казался мне неудержимым. В его клюшке будто прятался магнит: куда ни отобьешь шайбу, она обязательно на крюк его клюшки попадает...

В хоккей я играл до пятьдесят третьего года. Еще через год нашим хоккеистам предстояло впервые выступить в чемпионате мира. Меня назвали среди кандидатов в сборную. Не знаю, как сложилась бы моя хоккейная судьба дальше, но приблизительно в то же время я стал кандидатом в футбольную сборную.

И я выбрал футбол.

Литературная запись Евг. РУБИНА.

ИСПОЛНЕН ВЕЧНЫМ ИДЕАЛОМ

В 1875 году в ноябрьском номере журнала «Вестник Европы» было помещено письмо, присланное из Франции. Узнав о смерти А. К. Толстого, великий Тургенев написал о своем давнем друге: «Он оставил в наследство своим соотечественникам прекрасные образцы драм, романов, лирических стихотворений, которые — в течение долгих лет — стыдно будет не знать всякому образованному русскому...» и еще Тургенев сказал: «Всем, знавшим его, хорошо известно, какая это была душа, честная, правдивая, доступная всяким добрым чувствам, готовая на жертвы, преданная до нежности, неизменно верная и прямая».

И действительно, окинув взглядом жизнь и творчество Алексея Константиновича Толстого, мы увидим, что главным качеством поэта и человека было благородство, проявлявшееся в бескомпромиссной порядочности, в борьбе против любых проявлений деспотизма и несправедливости, в готовности прийти на помощь гонимым... Это он добился возвращения из ссылки И. С. Тургенева, это он защищал И. С. Аксакова, это он успешно хлопотал об освобождении Шевченко, это он сказал императору Александру II, что «русская литература надела траур по поводу несправедливого осуждения Чернышевского»...

А. К. Толстой родился в Петербурге в 1817 году. Воспитал его дядя, А. А. Перовский, сам известный писатель, печатавшийся под псевдонимом «Антоний Погорельский», друг Пушкина и Жуковского, которые давали советы юному Алеше Толстому, начавшему писать стихи с шестилетнего возраста. Позже, служа в Московском архиве министерства иностранных дел, А. К. Толстой познакомился и с другими видными историками и литераторами.

Все это вкупе с обширными знаниями, владением многими языками, феноменальной памятью определило круг его интересов. Но великовельможные родственники настойчиво старались отвлечь Толстого от занятий литературой и прочили его в государственные деятели.

В те годы А. К. Толстой поражал современников еще и своей пышущей здоровой красотой внешности и своей силой (он сворачивал штопором кочергу и мог перебросить через дом двухпудовую гирю), охотничьими подвигами (он взял на рогатину не один десяток медведей). Многие видели в А. К. Толстом лишь светского молодого человека, но близкие ему по духу люди, и среди них был Гоголь, знали, что он уже сформировался как лирик, знали его баллады («Василий Шибанов», «Курган»), знали, что он пишет роман «Князь Серебряный», простодушный и благородный герой которого завоюет симпатии читателей из народа.

В пику николаевским строгостям А. К. Толстой и его двоюродные братья Жемчужниковы устраивали всякие проделки, занимались, как тогда говорили, «практическими шутовствами», жертвами которых бывали даже царские министры. В этом кружке и родился знаменитый Козьма Прутков, сделавший веселый и бессмертный вклад в русскую литературу. И едва ли не главную роль в популярности образа директора Пробирной палатки и поэта сыграл талант А. К. Толстого.

В январе 1851 года Алексей Константинович «средь шумного бала, случайно» познакомился с Софьей Андреевной Миллер, женой конногвардейского офицера. Он полюбил ее на всю жизнь, и этой любви русская литература обязана многими проникновенными лирическими стихами.

Царский флигель-адъютант, А. К. Толстой тяготился своей службой.

Исполнен вечным идеалом,
Я не служить рожден, а петь!
Не дай мне, Феб, быть генералом,
Не дай безвинно поглупеть!

Ненавидевший, по его словам, «чиновнизм» и «капрализм», Толстой подал в отставку в тот год, когда ему открылись пути к высшим постам в государстве. После отставки он полностью посвятил себя творчеству, подолгу жил в черниговском имении Красный Рог, где и скончался в возрасте пятидесяти восьми лет.

За два последних десятилетия своей жизни А. К. Толстой написал много прекрасных стихотворений, которые почти все положены на музыку, а некоторые — до десятка раз. Музыку к его стихам писали Мусоргский, Римский-Корсаков, Рахманинов, Чайковский, Танеев, Кюи и многие другие русские композиторы.

Его сатирические стихотворения, в свое время ходившие в списках по всей России, насыщены глубоким знанием действительности, неприязнью к нелепым крайностям и таким стремлением к истине, что многие стихи стали народными речениями и не потеряли своей разящей силы и по сей день. Уже одно это сводит на нет предпринимавшиеся старания втиснуть творчество Толстого в рамки «чистого искусства».

Его драматургия остается фактом нашей действительности. Всякая постановка трагедии из его трилогии—«Смерть Иоанна Грозного», «Царь Федор Иоаннович», «Царь Борис» — становится событием в нашей культурной жизни. С постановки «Царя Федора Иоанновича» начался Художественный театр.

А. К. Толстой был оригинальным мыслителем, занявшим особое место в литературе XIX века. Его наследие проникнуто национальным духом, добротой, сердечностью, и прошедший век доказал все растущее его значение в русской литературе.

Дмитрий ЖУКОВ

ТАЙНА ШЕСТИ ЧЕМОДАНОВ

Л. ЛЕРОВ,
Ю. ЧЕРНЯВСКИЙ

Они стоят рядом — большие, высокие, черные, с тускло поблескивающей табличкой западногерманской фирмы «Apollo». Шесть чемоданов-близнецов. Им отведена маленькая полутемная комната. Их пристально разглядывали эксперты и следователи, адвокаты и дипломаты. В одной из пухлых папок о них повествует несколько страниц — подробнейшее описание всех деталей конструкции, словно речь идет о некоей замысловатой машине. Впрочем, кто-то не без иронии обронил в их адрес:

— Бомбовозы!..

Что ж, в этом есть свой резон. Чемоданы действительно были начинены смертоносной взрывчаткой, но особого свойства, замедленного действия. И, «взорвись» она там, куда везли ее в этих шести черных чемоданах, погибла бы не одна сотня людей. Разных по возрасту, профессии, по месту, занимаемому в обществе, но одинаково одержимых страшным недугом. Не сразу, не мгновенно, но все равно погибли бы. Погибли бы «белой смертью» наркоманов, отравленных «цветком радости». Так в средние века японские самураи называли опийный мак, восхищаясь красотой пурпурно-красных, лиловато-белых полей. Сколько он горя принес и несет, расцветающий на этих полях страшный тот «цветок радости»!

...Бомбовозы! Слово обронено, так сказать, как дань символике. Но вот это уже отнюдь не символика — все началось с поиска взрывчатых, без кавычек взрывчатых, веществ в оранжевых дорожных сумках («ручная кладь») транзитных пассажиров, следовавших из Пакистана через Москву, Лондон в Брюссель. Процедура, узаконенная с недавних пор во всех международных да и не только международных аэропортах.

...Они рассредоточились. Так безопаснее. Один уже находился в автобусе «Аэрофлота». Остальные, замыкая цепь транзитников, проходили досмотр «ручной клади».

Все предусмотрела в своих инструкциях Лизбет Флир, снаряжая из Амстердама в путь-дорогу шестерку бравых молодых людей: где, кто, когда их встретит, пароль, цвет машин, названия отелей в Карачи, Равалпинди и Пешаваре. Все в мельчайших подробностях. А вот строгий порядок в международном аэропорту Шереметьево, зоркий глаз сотрудниц «Аэрофлота», инспекторов советской таможни не учла. А может, легкомысленно понадеялась, памятуя случайную весеннюю удачу: «Тогда проскочили, может, и сейчас...»

С ними, с нашими соотечественниками, несущими свою нелегкую вахту в аэропорту, мы познакомимся поближе потом, читатель. А пока перенесемся в древний город на каналах, в Амстердам, с его тихими, узкими улицами, островерхими красными домами, с ослепительно белыми оконными рамами, с площадями, овеваемыми ветрами многих веков. Заглянем в одно из не очень многолюдных кафе, где на открытой веранде в жаркий июльский вечер за чашкой кофе молодая красивая женщина вела деловой разговор с «мальчиками». Это неважно, что кое-кто среди них уже был обременен заботами о детях, все равно для нее они «бравые мальчики», которые за доллары готовы на все. Их было шестеро. Но четверо — новички. А вот свободный художник Дитер Клаус Хиссерер, гражданин ФРГ, волею судеб «отдавший якорь» в Амстердаме, голландец Иоханнес Пулман, мастеровой, понимающий толк в технике, отец троих детей,— эти уже были «в деле». Эти знают, что к чему, и с ними разговор короткий.

— Снова туда же, снова за тем же...

Лизбет Флир не любит много говорить. «Мальчики» должны понимать ее с полуслова. Хиссерер и Пулман все поняли. Не был назван маршрут, не был назван груз. Память их все сохранила. Да и было это совсем недавно, ранней весной.

...Самый старый знакомый Лизбет Флир — Эгберт Колкман, голландец, подданный Нидерландов. Не очень отягощенный образованием, он пребывал в должности стюарда пароходства «Нет-Лайт». Случай свел его с Лизбет Флир в Карачи. Оба находились там по делам службы. Лизбет отрекомендовалась журналисткой, собирающей материал для репортажа. О чем? Она ответила коротко и туманно: «Здесь все таинственно и романтично»! Лизбет покидала Пакистан раньше Колкмана и охотно согласилась передать письма родственникам пароходного стюарда.

Они обменялись телефонами, чтобы встретиться дома, в Амстердаме. Встреча состоялась. И энергичная Лизбет Флир, потратив минуту-другую на ничего не значащие разговоры, тут же приступила к делу.

— Как бы вы отнеслись, господин Колкман, к предложению снова побывать в Пакистане? Очаровательная страна, изумительный народ! Нет, нет, не спешите отказываться. Я знаю, что у вас нет денег. Пусть это вас не тревожит. Я оплачу все расходы и к тому же...

— Но с какой стати вы будете платить?..— прервал он ее.

— Вы знаете, что такое профит?

Колкман понял, что Флир ведет речь о каком-то бизнесе. Теперь бы не продешевить.

— Я вас слушаю, госпожа... Вы имеете желание предложить мне...

— Я имею желание договориться о следующем. Мы едем с вами в Пакистан. С нами будет еще один господин... Иоханнес Пулман. Очень милый человек... Вы, кажется, знаете его, вы ведь тоже живете в Хенгело. Так?

— Да. Я его знаю. Что же мы должны будем делать?

— Сущие пустяки... Взять с собой соответствующие чемоданы. Я подчеркиваю — соответствующие. Вы купите их в магазине, который я вам укажу. Эти чемоданы в Пакистане у вас заберут, заполнят грузом, и вам надлежит их везти в Брюссель... Ну, а оттуда, уже на автомашине, мы проследуем к дому. Все расходы — за мой счет. Вернувшись в Амстердам, вы получите гонорар — по тысяче пятьсот американских долларов...

Колкман не стал спрашивать, чем заполнят их чемоданы в Пакистане. К чему излишнее любопытство? Раз не говорит, значит, нельзя. Тайна. Тайна, однако, сохранялась недолго. Уточняя условия договора, Лизбет Флир сказала:

— Таможню в Брюсселе беру на себя. Это не страшно. В крайнем случае — адвокат тоже за мой счет. Ну, а что касается полиции Амстердама... Это уже не ваша забота.

Тогда, кажется, впервые было произнесено слово «гашиш». Они все поняли — их знакомая Лизбет Флир занимается крупной спекуляцией наркотиками. Колкман вспомнил свою первую встречу с ней в Пакистане. Что она делала там? Репортаж? Позже он поймет, что это был за «репортаж», зачем она приезжала в края, где высоко в горах цветет «цветок радости». Флир была там в пору, когда опадали его алые, белые лепестки, когда обрывались похожие на маленькие яйца коробочки, когда особыми ножами с тремя лезвиями горцы делали на тех коробочках надрезы и цедили белую млечную жидкость. Пройдет день, другой, она застынет, эта жидкость, ее будут кипятить и, клейкую, вязкую, скатают в тяжелые шары, чтобы горными, никому не ведомыми тропами повезти на мулах, носильщиках, усиленно охраняемым караваном туда, где на тайной явке хозяина каравана ждет человек от синдиката контрабандистов... С одним из них позже они познакомятся поближе, охочие до легкой наживы молодые люди. Они хорошо знают, что за килограмм морфия, героина, гашиша на Западе платят тысячи — от пяти до двадцати — долларов (кстати, тем, кто выращивает сырье, платят лишь сто долларов). Купленные Лизбет Флир агенты по доставке наркотиков знают, что вояж их небезопасен — есть таможенники, есть полицейские, правда, они стараются не замечать тайные курильни, торговцев гашишем и самым модным сейчас наркотиком — ЛСД. Но все же... Всякое может случиться. К тому же есть еще один опасный рубеж: транзит через Москву, советский аэропорт, где у таможенников, так говорят, особый нюх на «цветок радости». Но сейчас ни Колкман, ни Пулман не хотят задумываться над тем, что их ждет впереди,— перед каждым из них маячат обещанные 1 500 американских долларов.

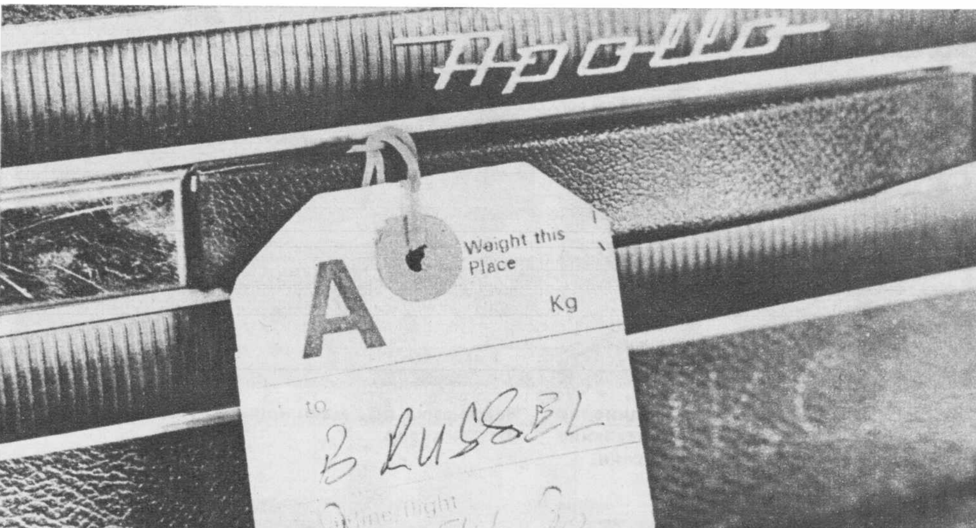
Однако Колкману в тот раз не повезло: помешала болезнь. А Лизбет Флир ждать не пожелала. Она нашла замену. Он ей понравился при первой же встрече — свободный художник Дитер Хиссерер. Ему уж за тридцать пять, успел жениться и развестись, любит выпить, любит женщин. И, конечно, деньги, если они легко достаются. А нужда в них сейчас острая — постоянного заработка нет, расходы большие: пришлось несколько раз лежать в больнице — болезнь желудка и печени,— и платить по 300—350 гульденов в день. Лекарства тоже дорогие. Да и за квартиру надо платить 300 гульденов (обо всем этом позже он поведает следователю, взывая к милосердию: «Я принял предложение Флир в надежде, что смогу выбраться из тяжелого положения и оплатить все расходы»).

Встретились они в кафе. Лизбет Флир, как всегда, была немногословна. Она довольно смело и откровенно сразу же поведала цель пакистанского вояжа. И условия.

— Человек, которому я доверяла и который должен был отправиться со мной в Карачи, заболел. Мне кажется, что вы сумеете его заменить. Вас устраивают условия?

Сумки и чемоданы, в которых были обнаружены тайники для контрабандного провоза наркотиков, и чемодан с биркой—место назначения Брюссель.

— Да, я согласен, хотя понимаю, что все это небезопасно.

— А вы не бойтесь. В Брюсселе я возьму ваш чемодан с гашишем и сама пройду таможенный контроль...

Эта женщина знала, на что ей следует рассчитывать.

Через два дня Флир позвонила Хиссереру и попросила его зайти к ней домой...

— Я живу на улице Леннепкаде... Запишите телефон — шестнадцать семьдесят четыре сорок один... Я буду не одна. Я вас познакомлю с коллегой.

Коллега — это Пулман, Иоханнес Пулман, друг Колкмана. Втроем они недолго обсуждали план предстоящей экспедиции. Хиссерер выезжает первого мая из Амстердама в Брюссель, а Флир и Пулман присоединяются к нему в пути, в Роттердаме.

— Что касается всего остального, то об этом я позабочусь сама.

Джентльмены не стали уточнять, что имеет в виду госпожа Флир под «всем остальным».

ИЗ ПОКАЗАНИЙ ДИТЕРА ХИССЕРЕРА

«Насколько я понял из высказываний Лизбет, она и раньше бывала в Пакистане, и для нее не было никаких неясных вопросов, она точно знала, у кого мы получим наркотик, как это произойдет и все сопутствующие обстоятельства. Ни меня, ни Пулмана она не посвящала в детали. Прощаясь, Лизбет вручила мне чемодан...

3 мая утром советский самолет «Аэрофлота» доставил нас из Москвы в Карачи. И в этот же день самолетом местной авиалинии мы вылетели в город Равалпинди. В отеле «Интерконтинент» Лизбет уже хорошо знали. Я понял, что она здесь свой человек. И бывала тут не раз. Поздно вечером на заранее заказанной машине мы отправились в город Пешавар. Лизбет уже точно знала, в какую гостиницу нам следовать — «Янс». Мест там не оказалось. Мы переночевали в другом отеле — «Динс», чтобы затем снова переехать в «Янс». Лизбет, как я помню, все время кого-то ждала. Прошло несколько дней, и долгожданный пакистанец явился. Она называла его имя, но я не запомнил. Это был высокий, широкоплечий, темноволосый, мощного телосложения мужчина лет 35 — 40, в национальном костюме. Лизбет заявила, что я и Пулман должны поехать с ним в город Сват. Но потом передумала. И в Сват мы поехали втроем. Машину вел уже другой пакистанец, контакт с которым поддерживала Лизбет. Зачем мы поехали в Сват, Лизбет не объяснила. Мне показалось, что эта поездка носила развлекательный характер. Но и на этот раз все было заранее регламентировано. Мы должны были остановиться в определенной гостинице. Все наши вещи были сложены в мой чемодан, а пустые чемоданы Пулмана и Флир остались в Пешаваре, куда мы вернулись дня через три-четыре. Водитель машины остановился в старом городе, возле банка. Флир и Пулман пошли получать деньги. Ожидая их, я подумал о том, что ведут они себя как-то странно, явно что-то скрывают от меня. Прошло минут двадцать, и вдруг к банку подкатила машина, за рулем которой сидел наш старый знакомый — тот самый пакистанец, что вез нас в Сват. Но поразило не это — на крыше автомобиля лежали три наших чемодана и сумка Флир, которую при мне пакистанец покупал для нее в Пешаваре. И еще мне показалось, что мой чемодан заменен другим,— позже я убедился в этом. Мы сели в машину, заехали в отель «Янс», помылись, переоделись и вечером улетели в Карачи»...

В тот весенний вояж Лизбет Флир и ее «мальчикам» повезло. Смертоносный груз им удалось тогда скрыть от таможенников. Сработало двойное дно.

ИЗ ПОКАЗАНИЙ ДИТЕРА ХИССЕРЕРА

«В Брюсселе таможенный контроль был выборочным. Но меня, Лизбет и Пулмана не досматривали. Мы благополучно получили свой багаж и в зале увидели встречавшего нас Эгберта Колкмана. Он отвез нас на машине в Амстердам. В пути мои спутники говорили о семьях, общих знакомых. Я понял: это друзья. Мы заехали к Лизбет. Я взял свой небольшой, оставшийся у нее чемодан, переложил туда свои вещи и на машине Колкмана уехал домой. Пулман остался у Флир. Там же остался и тот большой чемодан, с которым я ездил в Пакистан.

Через три дня я позвонил Лизбет. Она сообщила, что может рассчитаться со мной окончательно. Я говорю окончательно, так как во время поездки в счет будущего вознаграждения я брал какие-то суммы у нее и у Пулмана. Когда я приехал к ней, она все подсчитала и вручила мне оставшуюся сумму в голландских гульденах. В общей сложности я получил 1500 американских долларов.

Хочу дополнить, что однажды в самолете я спросил у Лизбет и Пулмана, когда получу от них деньги. Мне ответили, что я получу их по возвращении в Амстердам, когда «все продадим». Слова «гашиш», «наркотик», как я помню, они не произносили, но я понимал, о чем идет речь. Впрочем, позже вещи уже назывались своими именами — гашиш.

Продолжение следует.

ЧЕМ ЛЮДИ ПИШУТ...

Репортаж с вопросами и размышлениями

К. БАРЫКИН

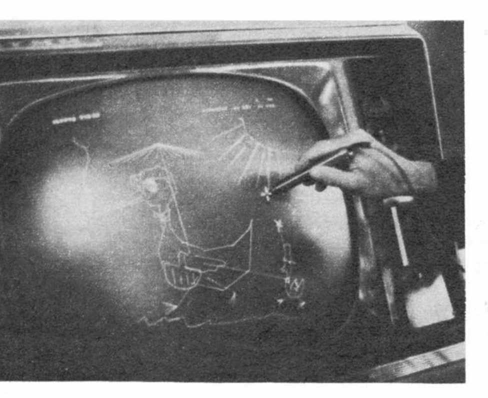
Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА

Рижское объединение «НОТснаб» представило отличные разработки.

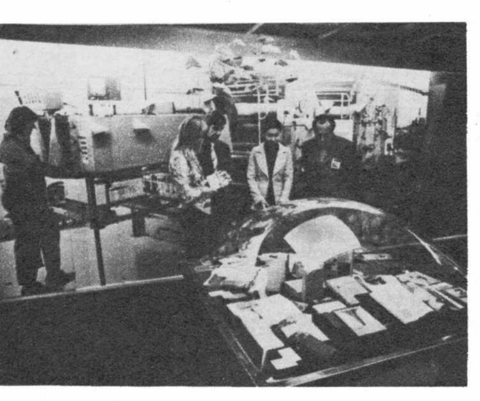
Чемпионка по машинописи Иоганна Прокш-Штейнгаузер.

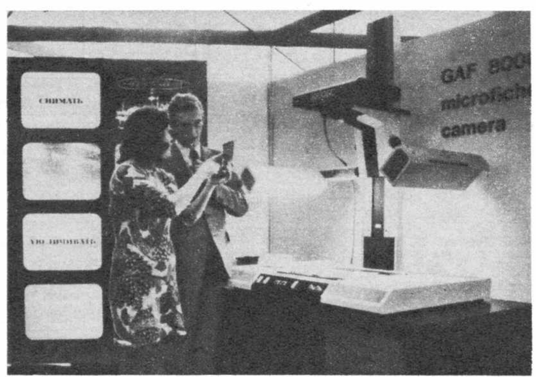
Электронный карандаш.

В руке — мини-диктофон.

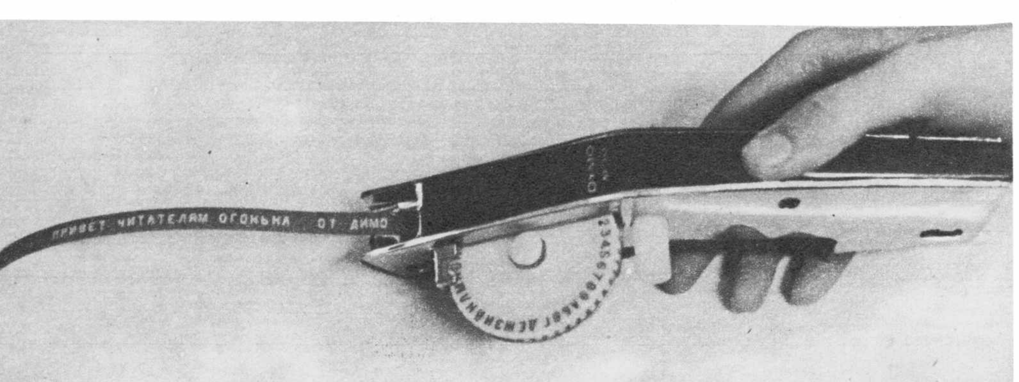

У стендов фирмы «Вейлин + Гэсс».

Микрофиши — на прозрачной пластине (размером не больше почтовой открытки) до 30 страниц текста.

Писать можно и на пластиковой ленте.

Чем люди пишут? Чем пишет человечество? Школьные сочинения и философские трактаты, служебные записки и дипломатические ноты, письма, бортжурналы космических кораблей, стихи и прозу? Авторучками? Конечно. Карандашами? Само собой разумеется. Но вот мы идем по стендам выставки «Интероргтехника-75», и выясняется, что арсенал пишущих средств велик и неожидан. В нем не только диктофоны и пишущие машинки, не только ЭВМ, но еще и пластиковые ленты, дисплеи с электронными «карандашами», капроновые фломастеры, игольчатые ручки...

Две недели «оргтехнического показа» перенесли нас в мир реально-фантастический, показали, что без современной оргтехники, без нынешних средств письма человечество не только будет испытывать голод в новостях, но и просто-напросто не справится с бурным потоком информации, со становящимся притчей во языцех «информационным взрывом», который обрушил на каждого из нас немыслимую еще вчера лавину всяких данных, цифр, сведений. Для обработки всего этого необходима новейшая техника, потому что без нее мы сможем обработать лишь худосочный ручеек информации, а не реки ее. И выводы, сделанные на этой основе, могут быть не полны, а потому и не точны, ибо ошибки от отсутствия фактов долговечнее и неприятнее, чем ошибки от неправильного толкования фактов.

Информация становится материальной ценностью, помогая принятию правильных экономических решений, способствуя развитию науки и техники, внося свою лепту в различные сферы человеческой деятельности.

Выставка еще раз подтвердила это. В советском павильоне не было посетителя, который бы не остановился возле чертежных кульманов, на которых без участия конструктора или чертежника появлялись самые замысловатые переплетения линий, рождая изображение деталей машины. Кто чертил? Рядом стоял небольшой дисплей, на экране оператор световым «пером» наносил линию за линией, выверял их, этим же пером вносил коррективы и простым нажатием на клавишу переводил чертеж на... перфоленту. Теперь он может храниться бесконечно долго на небольшой бумажной дорожке и, вложенный в другую машину, даст команду тому самому чертежнику-автомату, который споро и безошибочно перенесет изображение на кальку или ватман.

Неподалеку от этого фантастического прибора, который уже буднично работает в конструкторских бюро, рижане показали словно бы антиподы: удивительно простые изделия, без которых, однако, не обойтись сегодняшней канцелярии и бюро. Гасящие шум стенки-перегородки, рациональные письменные столы, аппарат «балсс» для быстрой связи, картотеки, лотки для бумаг.

— До чего же красиво! — заметил кто-то из посетителей, наблюдая, как на таком рабочем месте трудится представитель рижского производственно - технического объединения «НОТснаб» С. А. Евсикова.

Хорошее оборудование и инструментарий делают труд более качественным да и более красивым. Оказывается, что и обычные канцелярские будни, вся эта переписка бумаг, обработка «входящих — исходящих» могут стать именно красивыми, привлекательными, неутомительными. Если, понятно, при этом использовать добротную технику. Скажем, диктофоны. Они сегодня просто необходимы. Диктофон сокращает время на подготовку письма, лекции, доклада, помогает экономисту, литератору, делает менее утомительным сбор самой различной информации. Арсенал диктофонов так же велик, как велико количество фирм, их выпускающих. Был прежде один недостаток у многих аппаратов: их величина и вес. Такой не возьмешь с собой. И работали с ними только дома или в служебных кабинетах. Теперь все большее распространение получают компактные, удобные в дороге, миниатюрные аппараты. Их было немало на выставке. И я называю модель «10» швейцарской фирмы «Тувенин и К°» лишь потому, что она привлекала особое внимание. Размерами близка к пачке сигарет. Мини-кассета (мода на мини-юбки отошла, потребность в мини-диктофонах растет) имеет время записи 30 минут. Прибор прост в управлении и обслуживании. Подобный диктофон незаменим в командировке. Надиктованные кассеты можно расшифровывать не только с помощью такого же аппарата, но и на настольном диктофоне; по желанию сведения переносятся с магнитной ленты на бумагу.

Кстати, о бумаге. Она была, есть и долго еще будет основным носителем информации, когда речь идет о письме, о документе. Но и бумага бумаге — рознь. Финские фирмы показали новинку «а-копи». Складываешь необходимое количество листов, пишешь на первом, а все последующие повторяют написанное — 6—8 хороших экземпляров.

— Секрет? Никакого секрета нет,— подчеркивает представитель фирмы.— На «тыльную» сторону листа напылен тончайший слой чернильных микрокапсул. От нажатия они раздавливаются и переносят изображение на следующий лист. Стоимость? Немногим дороже обычной бумаги...

Да и обычная бумага преображается — умением людей, ее делающих. Финская фирма «Вейлин + Гэсс» экспонировала свои изделия еще на первой выставке

«Интероргтехника», это было в 1966 году. Тогда думалось: не может быть лучше представленных деловых блокнотов и дневников. Но вот снова показывают изделия с маркой «В +Г». И хочется, оценивая их, включить в название фирмы еще один математический знак и написать: «Вейлин + Гээс = качество».

Деловые блокноты берут на себя все заботы по сохранению вашего рабочего времени, соблюдению распорядка дня, неназойливо, но настойчиво напоминая о делах, которые предстоят...

У экспонатов «Интероргтехники» было одно общее достоинство: они прививают рациональный стиль работы в бюро и канцелярии, в директорском кабинете, за столом технического секретаря, делопроизводителя, машинистки... Практика показывает: машинопись может достигнуть бо́льших скоростей, если машинистка садится за современную пишущую машинку. Около года тому назад я познакомился с одной из лучших машинисток мира — венкой Иоганной Прокш-Штейнгаузер. Она приезжала в Москву вскоре после соревнований по машинописи, которые проводились в Валенсии. Была там первой. Скорость печати — более 600 знаков в минуту — казалась непреодолимой. Но вот состоялось еще одно первенство мира по машинописи — на этот раз в Будапеште. И г-жа Прокш-Штейнгаузер превзошла свое прежнее достижение. Она закончила раунд со средней скоростью 683 знака в минуту, при исключительно высокой безошибочности машинописи.

— Предел ли это? — переспрашивает меня Иоганна.— Думаю, что нет. В некоторые моменты удавалось делать более 700 ударов в минуту. Кто был вторым? Мужчина! В соревновании машинисток участвовало несколько мужчин. Второе и третье места за ними. Но в год женщины я не могла уступить первого места в такой привычно женской работе...

Большинство машинок, представленных на выставке (в том числе и та, на которой работает чемпионка), электрические. И не просто электрические, а со шрифтом, собранным в небольшой пластмассовый шарик. У такой конструкции несколько преимуществ. Новые машинки работают почти бесшумно. Главное же — шаровая головка со шрифтом может быть практически мгновенно заменена на новую, с иным начертанием литер. Пишете вы личное письмо — подойдет легкий, небольшого размера кегль; взялись за доклад или за отправляемую в типографию рукопись — к вашим услугам набор крупных шрифтов.

Специалисты подчеркивают, что именно такие машинки призваны сменить прежние модели. Но оказалось, что и они не самая последняя новинка. На нескольких стендах стояли машинки, вообще не имеющие шрифта. Где-то в корундовых недрах их пишущих приспособлений таились иголочки, которые с фантастической скоростью вырисовывали любую букву—русскую или латинскую, арабскую или японский иероглиф. До 18—20 шрифтов — таковы возможности «бесшрифтовой» машинки.

...Так и пишут сегодня люди. Пишут в темпе, диктуемом временем.

ФОТО «СЕРВИС»

«Все виды фоторабот! Срок и качество гарантируются!» Как увижу эту рекламу московского фотокинообъединения, так вздрагиваю.

Впрочем, сначала все было честь по чести. Пришел в мастерскую на Большой Колхозной, отдал приемщице три пленки. Она деловито выписала квитанцию и спросила номер домашнего телефона: «Если возникнут какие-либо вопросы, позвоним».

Правда, срок был назначен немалый — десять дней, а отпечатков всего пятьдесят; небольших, черно-белых.

— Работы очень много,— доверительно посетовала приемщица.— Лето, все теперь фотографируют, а проявлять-печатать несут к нам.

Наведался я за снимками через десять дней. «Не готово еще, куда вы торопитесь?»

— Да ведь срок прошел!..

— Ну, вы хотите, чтобы точно в срок. Так не бывает!

Пришел еще через неделю. А на двери замок. И объявление: выдача заказов производится по понедельникам, средам, пятницам и до пяти часов!

Приехал до пяти. Выдают пакет. В нем — три пленки, но ни одного отпечатка.

«Наверное, — говорят, — заказ был оформлен неправильно?» Стали разбираться, да так и не смогли найти эту неправильность. «Зайдите через неделю».

Пришел. Но нет ни пленок, ни готового заказа. Снова спрашиваю: «Где?» «А откуда нам знать?» — отвечают.

Так и не нашли ничего. Может, это только я невезучий? Но при мне еще трое заказчиков выясняли отношения с администрацией, которая сокрушалась, что «старая книга жалоб кончилась, а новую еще не привезли».

Позвонил заместителю директора городского фотокинообъединения С. Г. Симкину. Он сказал: «Это, конечно, безобразие! Но но мне оно не относится — я занимаюсь только вопросами коммерческой работы.» И попросил записать номер телефона начальника производственного управления П. Н. Крылова. Звоню и ему. Он пообещал разобраться и сообщить.

Прошло уже более двух месяцев. Не знаю, может, и разбираются, но не сообщают.

Вот почему я вздрагиваю при виде широковещательной рекламы московского фотокинообъединения. И вспоминаю мудрость известного всем нам автора, упреждавшего: не верь глазам своим!

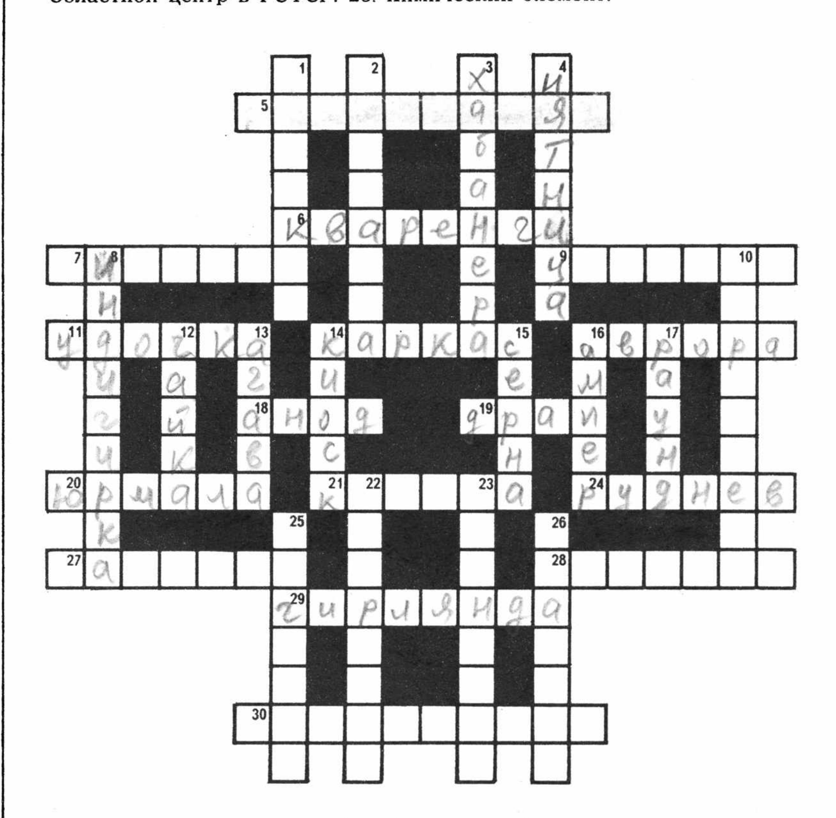
К. КОСТИН

P. S. Похоже, лавры сотрудников фотокинообъединения не дают покоя и иным работникам других служб бытового и коммунального обслуживания. Трижды нарушали срок выдачи заказа по квитанции 480983 в часовой мастерской, что в Столешниковом переулке. А когда часы, наконец, выдали, оказалось, что они... недоремонтированы.

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Советский композитор и пианист. 6. Архитектор, построивший Смольный институт. 7. Порт в Италии. 9. Созвездие южного полушария неба. 11. Рыболовная снасть. 14. Остов здания, сооружения. 16. Исторический крейсер. 18. Электрод. 19. Ткань для пальто. 20. Курорт в Латвии. 21. Музыкальный интервал. 24. Персонаж книги П. П. Вершигоры «Люди с чистой совестью». 27. Рамка с валиком в пишущей машинке. 28. Маленькая птичка. 29. Украшение из цветов и зелени. 30. Советский поэт.

По вертикали: 1. Действующее лицо комедии А. Н. Островского «Таланты и поклонники». 2. Рисунок перед началом текста, главы. 3. Испанский народный танец-песня. 4. День недели. 8. Река в Якутии. 10. Указатель скорости подъема и спуска самолета. 12. Пьеса А. П. Чехова. 13. Тропическое растение. 14. Торговая палатка. 15. Горное животное. 16. Единица силы электрического тока. 17. Промежуток времени в схватке боксеров. 22. Шахтная печь. 23. Приток Огайо. 25. Областной центр в РСФСР. 26. Химический элемент.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 40

По горизонтали: 6. Короленко. 8. Можайск. 9. Стрелец. 11. Сирокко. 12. Махаон. 15. Шпагат. 18. Квадрат. 21. Готовальня. 22. Боттичелли. 24. Санитар. 25. Драпри. 27. Янтарь. 29. Светлов. 34. Дарлинг. 35. Мезонин. 36. Калькутта.

По вертикали: 1. Гектар. 2. Кронект. 3. «Бруски». 4. Снеток. 5. Шпонка. 7. Снежка. 10. Конда. 13. «Холопка». 14. Олеандр. 16. Пеликан. 17. Гашетка. 19. Ванта. 20. Айова. 23. Шихта. 26. Помада. 28. Тугина. 30. Ваниль. 31. Одетта. 32. Клюква. 33. «Косарь».

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев и глава партийно-государственной делегации ГДР Первый секретарь ЦК СЕПГ Эрих Хонеккер на Внуковском аэродроме. **Фото А. Гостева**

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: В осеннем лесу. (Москва. На фотоконкурс). **Фото В. Матвеева.**

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

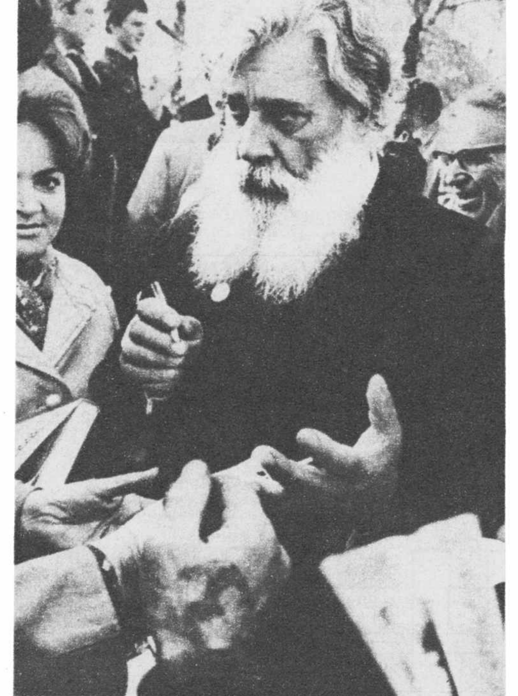
Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 258-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 22/IX — 75 г. А 00651. Подп. к печ. 7/X — 75 г. Формат 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 2238. Тираж 2 030 000 экз. Заказ № 1144.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

И БУДЕТ ПА

Автор монумента народный художник СССР А. П. Кибальников среди земляков поэта.

Древняя рязанская земля отметила юбилей своего великого сына — Сергея Есенина. Здесь вошла в сердце поэта Россия, раздолье ее полей. Здесь услышал он русскую песню и узнал крестьянский труд, здесь выковался в его стихах образ Родины — главный, высокий образ его поэзии.

Звени, звени, златая Русь,
Волнуйся, неуемный ветер!
Блажен, кто радостью отметил
Твою пастушескую грусть.
Звени, звени, златая Русь.

...На высокую набережную спокойного притока Оки — Трубежа 2 октября, накануне дня рождения поэта, пришли тысячи рязанцев и гостей Рязани из разных концов страны. Они собрались на открытие памятника Есенину, созданного народным художником СССР, лауреатом Ленинской и Государственной премий, академиком А. П. Кибальниковым.

На изумительном месте воздвигли рязанцы памятник своему земляку. Вблизи древнего кремля — свидетеля героического прошлого края, прекрасного образца древнерусского зодчества, над крутым обрывом будет отныне стоять обрамленный кленами и березами Есенин — слава и гордость земли русской.

— Мы уверены,— сказал в своей речи министр культуры РСФСР Ю. С. Мелентьев,— что это место станет дорогим для каждого, кто любит русскую землю.

Высокое чувство всенародной любви к поэзии Есенина, стихи которого вошли в золотой фонд мировой литературы, прозвучало в выступлениях председателя исполкома Рязанского горсовета Н. Н. Чумаковой, литературного критика Ю. Л. Прокушева, доцента Рязанского государственного педагогического института И. Н. Гаврилова, члена президиума Академии художеств СССР Д. А. Налбандяна.

— Память о сыне рязанской земли,— сказал председатель юбилейной есенинской комиссии поэт С. С. Наровчатов,— поистине нетленна. Пожалуй, нет такого уголка в нашей стране, где бы сейчас не отмечали его 80-летие. И, конечно же, особенно приятно, что имя Есенина так свято чтут на его родине.

Первый секретарь Рязанского областного комитета партии Н. С. Приезжев, министр культуры РСФСР Ю. С. Мелентьев, секретарь правления Союза писателей СССР С. С. Наровчатов открывают памятник.

Есенин смотрит в заокские дали. Бескрайние просторы русской земли раскинулись перед ним. Земля эта много видела и многое пережила. И неотделима от нее поэзия златокудрого певца, чьи глубокие раздумья о судьбах Родины выливались в проникновенные стихи о России...

Удивительна светлая осень на рязанской земле. Весь в золоте стоит невдалеке от есенинского села Константиново прозрачный Румянцевский лес. С тихим шелестом, медленно опадают на землю желтые листья, лес кажется окутанным тонкой вуалью. Этот лес был на пути Есенина, когда приезжал он в родной дом. И, возможно, о нем строки:

Отговорила роща золотая
Березовым, веселым языком,
И журавли, печально пролетая,
Уж не жалеют больше ни о ком.

На высоком берегу Оки, в старинном русском селе, где в далеком 1895 году родился Сергей Есенин, 3 октября 1975 года состоялся праздник поэзии.

Вначале — цветы к бюсту Есенина. А затем зазвучали знакомые строки и новые стихи, посвященные памяти поэта.

А неподалеку — окнами на широкую деревенскую улицу и далее на заокские луга — простая русская крестьянская изба с маленьким палисадником. От соседей своих отличается она лишь мемориальной доской с надписью, что здесь «родился и жил...». И пусть этот дом не видел Есенина — он построен через пять лет после его смерти, но вещи в нем подлинные, и тополь у калитки посажен Сергеем. Лучше всего понять и почувствовать творчество поэта можно, соприкоснувшись с тем, что было его поэзией. И глядя на этот такой простой, такой обычный, но единственный в мире домик, вспоминается:

Низкий дом с голубыми ставнями,
Не забыть мне тебя никогда,—
Слишком были такими недавними
Отзвучавшие в сумрак года.

До сегодня еще мне снится
Наше поле, луга и лес,
Принакрытые сереньким ситцем
Этих северных бедных небес.

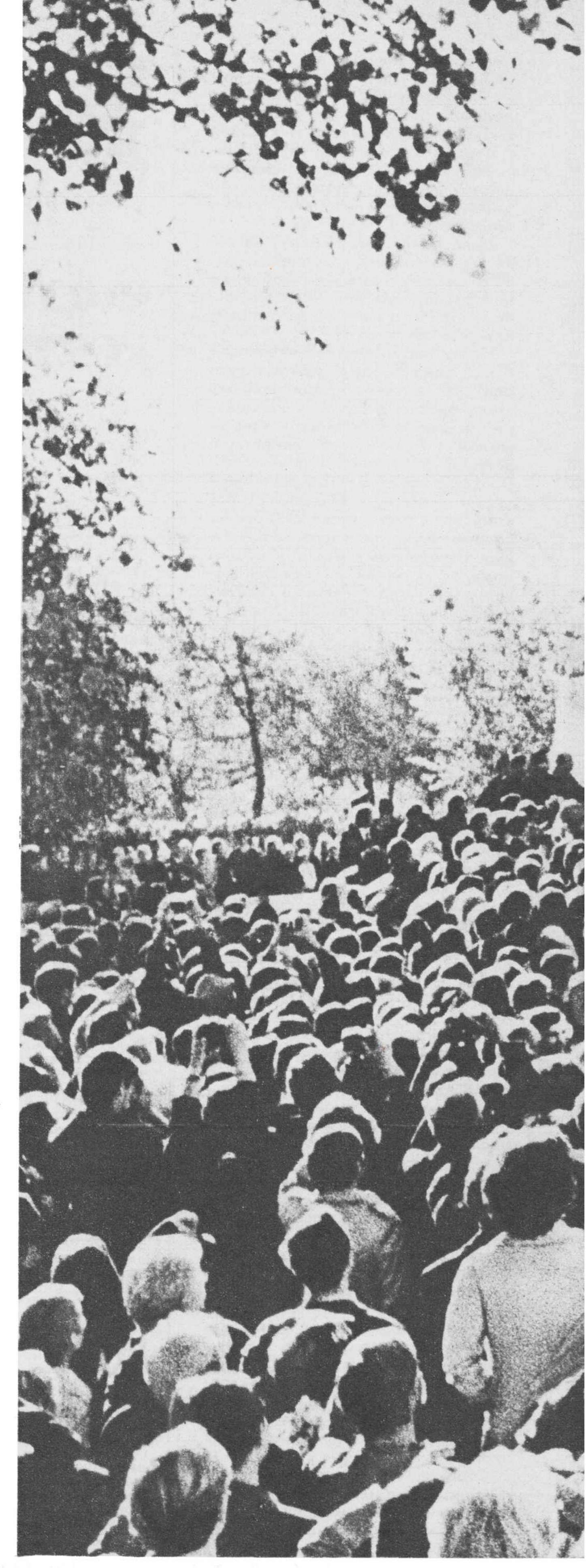
Восхищаться уж я не умею
И пропасть не хотел бы в глуши,
Но, наверно, навеки имею
Нежность грустную русской души.

Край, давший миру великого лирика XX века, русского поэта Сергея Есенина, стал в эти дни центром поэтической России.

В. ЕНИШЕРЛОВ

Рязань — Константиново.

Фото Г. Розова.

Открытие памятника Сергею Есенину в городе Рязани.

Сестра С. А. Есенина Александра Александровна.

МЯТНИК СТОЯТЬ В РЯЗАНИ МНЕ

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663